В изящном превращении самой, казалось бы, скучной обыденности в произведение искусства, и заключается главный талант Энн Тайлер.

Афиша

ЭНН ТАЙЛЕР

Лауреат Пулитцеровской премии

Дилетантское прощание
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Дилетантское прощание
1
2
3
4
5
6
7
8
9

Аннотация

Аарон всю жизнь страдал от излишней опеки. С детства частично парализованный, он пребывал в заботливых тисках матери, сестры и трости, от которой при всяком удобном случае старался избавиться. Встреча с Дороти, слегка циничной, самостоятельной и холодноватой докторшей, становится для Аарона сродни глотку свободы. И вот они уже женаты, и счастливы, и самодостаточны. Но однажды на их уютно-безалаберный дом падает старое дерево, и счастья как не бывало. Аарон чувствует себя так, словно его предыдущую жизнь взяли и стерли. Все предстоит начинать заново, в одиночку. Он продолжает жить, ходить на работу, даже шутить, но будто по инерции. Но как-то раз он видит на улице Дороти. И вскоре она уже прогуливается с ним, и он ведет с ней беседы и удивляется тому, что ее никто не видит. Призрак Дороти помогает ему жить дальше. Аарон наблюдает, как другие вокруг затевают романы, обедают в ресторанах, копаются в грядках и от души наслаждаются всякой житейской чепухой. У

него так не получается. Только в присутствии Дороти он обретает себя. Возможно, все дело в том, что он не умеет прощаться? И стоит обучиться этому искусству? Тонкий, полный теплого юмора и неожиданного оптимизма роман о потере и возрождении к жизни.

Энн Тайлер
Дилетантское прощание

THE BEGINNER'S GOODBYE by ANNE TYLER

© 2012 by Anne Tyler
© Александр Сафронов, перевод, 2018
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2018

* * *

1

Что всего удивительнее, так это реакция окружающих на воскресение из мертвых моей жены.

Скажем, в начале весны шли мы с ней через Бельведер-сквер и столкнулись с Джимом Растом, нашим бывшим соседом.

— Аарон! Вот так встреча! — начал он, но тут заметил Дороти, которая его разглядывала из-под ладони, и глаза у него полезли на лоб.

— Как оно, ничего? — спросил я.

Джим явно оторопел.

— Чудесно, — сказал он. — В смысле, помаленьку… Мы по тебе шибко скучаем. Без тебя оно все как-то не так.

Джим не сводил взгляда с моего рта, словно рядом больше никого не было. На Дороти он не смотрел. Даже чуть отвернулся, чтоб ее не видеть.

— Ладно, всем большой привет, — сжалился я, и мы пошли дальше.

Шагая рядом, Дороти криво усмехнулась. Другие притворялись, будто не узнают нас.

Издали заметив нашу пару, они менялись в

лице и, приняв крайне озабоченный вид, резко сворачивали в переулок. Я не обижался. Конечно, такое постичь нелегко. На их месте и я бы, наверное, так себя вел. Может, и нет, но кто его знает.

Уморой было встретить тех, кто подзабыл, что Дороти умерла. К счастью, такие попадались нечасто. Однажды в банке мы стояли в очереди и увидали мистера Ван Сента, который несколько лет назад оформлял нам ипотеку. Пробегая по залу, он притормозил возле нас:

— Ну что, на дом-то, поди, не нарадуетесь?

— Да-да, — ответил я.

Чтобы не усложнять.

Представляю, как через минуту-другую до него дошло. «Погоди-ка! — наверное, сказал он себе, усаживаясь за стол. — Она же вроде как… того…»

Либо тотчас о нас забыл. А может, вообще не слыхал о происшествии. И пребывал в полной уверенности, что дом целехонек, Дороти жива и мы счастливы в своем обычном супружестве.

В то время я уже переехал к сестре, обитавшей в нашем старом родительском доме на севере Балтимора. Не потому ли тогда-то Дороти и вернулась? Она не особо жаловала Нандину. Считала ее этакой командиршей. Да, сестра была чересчур властная. И сейчас такая. Особенно со мной, из-за

парочки моих изъянов. Кажется, о них я не говорил. У меня увечные рука и нога, правые. Мне это ничуть не мешает, но вы же знаете, какие они, эти старшие сестры.

Да, еще я слегка заикаюсь, но лишь иногда. Сам-то я этого даже не замечаю.

Вообще-то я часто гадал, почему Дороти вернулась именно тогда. Произошло это не сразу после ее смерти, как вы, наверное, подумали. Времени минуло изрядно. Почти год. Конечно, я мог бы ее спросить, но почему-то подобный вопрос казался бестактным. Сам не знаю почему.

Однажды мы столкнулись с моей сослуживицей Айрин Ланс. Она работала у нас дизайнером. Мы с Дороти возвращались с обеда. Вернее, *я* возвращался с обеда, а Дороти шагала рядом. И тут вдруг мы заметили Айрин, вывернувшую от церкви Святого Павла. Айрин трудно не заметить. Она всегда выглядит самой элегантной среди прохожих, хотя в Балтиморе это не такая уж непосильная задача. Но Айрин смотрелась бы элегантной везде. Высокая платиновая блондинка в длинном просторном пальто, воротник поднят, порывистый весенний ветерок играет полами, приоткрывая ноги. Мне стало любопытно. Как этакая личность нас воспримет? Я сбавил

шаг, Дороти тоже притормозила, и, когда Айрин нас углядела, мы почти остановились, ожидая, что она скажет.

За два-три шага от нас она встала как вкопанная.

— О боже мой… Мы улыбнулись.

— УПС! — выдохнула Айрин.

— Что? — переспросил я.

— В Управлении посылочной службы я заказала пикап, а в конторе-то никого не осталось.

— Не волнуйся. Мы как раз туда возвращаемся.

Я нарочно употребил слово «мы», хотя Дороти, скорее всего, в контору не войдет.

— Ох, спасибо, Аарон, — только и сказала Айрин. — Похоже, у меня все-таки начинается Альцгеймер.

С этим и ушла.

Она бы и впрямь всполошилась из-за Альцгеймера, если б поняла, *что* сейчас проглядела.

Я посмотрел на жену, надеясь, что и ее все это позабавило, но она думала о своем.

— «Земляничная поляна», — задумчиво проговорила Дороти.

— Не понял?

— Вот кого напоминает Айрин. Актрису в старом фильме Бергмана — она играет сноху, у нее

еще волосы стянуты в этакий тугой пучок. Помнишь ее?

— Ингрид Тулин, — сказал я.

Дороти чуть вскинула бровь — мол, она впечатлена, — но мне не составило труда вспомнить это имя. Со студенческой поры я был очарован Ингрид Тулин. Мне нравилась ее холодноватая сдержанность.

— Как думаешь, скоро до нее дойдет? — спросил я.

Дороти только пожала плечами.

Казалось, она воспринимает нашу ситуацию весьма буднично, чего не скажешь обо мне.

Возможно, я не спрашивал Дороти о ее воскресении, поскольку боялся, что тогда она и сама задастся этим вопросом. Если вдруг возвращение произошло случайно, по рассеянности (как бывает, когда ноги сами несут тебя к дому по старому адресу), то заговори я об этом, и она может воскликнуть: «Господи! Мне же пора обратно!»

Или неправильно поймет мой интерес. Дескать, чего тебя принесло? Вроде как спрашиваешь гостя, надолго ли он приехал, а ему мерещится, что ты не чаешь от него избавиться. Возможно, я боялся показаться бестактным.

Я бы не пережил ее ухода. Однажды я через

это уже прошел. На второй раз меня бы вряд ли хватило.

Она была невысокая, пухленькая, с виду строгая. Широкое, мило округлое лицо, оливковая кожа; идеальная симметричность безмятежных темных глаз, внушавших тебе покой. Иссиня-черные волосы (два поколения назад ее родичи перебрались сюда из Мексики), небрежно остриженные в каре. Но, по-моему, окружающие не замечали, насколько она хороша, ибо она прятала свою красоту. Нет, не так: она настолько ее не осознавала, что даже не прятала. Носила большие очки в круглой оправе, в которых напоминала сову. Так одевалась, что выглядела кургузой: широкие прямые брюки, мужские рубашки, растоптанные туфли на каучуковой подошве — излюбленная обувь официанток. Только я подмечал прелестные складочки на ее запястьях и горле, словно перехваченных шелковой нитью. Один я ведал об ее милых пухлых ступнях с ногтями, точно морские ракушки.

Сестра говорила, что Дороти для меня стара, но я сам виноват — сдуру назвал ее истинный возраст. Жена была на восемь лет старше (умерла она в сорок три), но благодаря прекрасной латинской коже выглядела моложе меня. И потом,

пышность ее скрадывала все морщинки. Дороти в жизни не дашь ее лет.

Еще сестра говорила, что жена для меня мелковата, и тут не поспоришь — в объятии мы соприкасались не теми местами, какими положено. Во мне шесть футов четыре дюйма. Дороти недотягивала до пяти футов с дюймом. Когда вы вдвоем идете по улице, говорила Нандина, такое впечатление, будто отец ведет дочку в школу.

И вообще, она чересчур работящая, добавляла сестра. Ха! Это что-то новенькое. Дороти была врачом. Я — редактор в семейном издательстве. Не такой уж мезальянс, верно? Нандина имела в виду, что жена моя слишком уж *зациклена* на работе. Прям поглощена ею. Утром она уходила рано, задерживалась допоздна, вечером не встречала меня с тапочками в руках, даже не умела сварить яйцо. Меня это устраивало.

А вот Нандину, видимо, нет.

Возможно, путь этот долог, и потому Дороти вернулась так не скоро.

А может, сперва она попыталась обойтись без меня, как пытался и я «пережить утрату», «найти утешение», «жить дальше», — до чего же нелепы все эти выражения, которые люди используют, понуждая тебя стерпеть невыносимое. Но потом

она поняла, что мы истосковались друг по другу просто до невозможности.

Не выдержала и вернулась.

Так мне хотелось думать.

Я выставил сестру каким-то тираном, но это неправда. Она желала мне добра, потому и была столь придирчивой, вот и все. Нандина видела во мне только хорошее. Когда я вымахал этаким верзилой и соседский мальчишка обозвал меня Франкенштейном, она сказала, что я похож на Авраама Линкольна. (Я притворился, будто этим воодушевлен, хотя вовсе не мечтал о подобном сходстве.) Когда я весь извелся, не зная, как пригласить Тиффи Прево на школьный вечер, Нандина два часа со мной репетировала, причем изображала Тиффи так убедительно, что я вконец окосноязычел.

— М-м… м-мы… м-мы… — заикался я.

— Начни с гласной, — посоветовала Нандина, на секунду выйдя из образа.

— А можно… пригласить тебя… на вечер? — выговорил я.

— Конечно! Я ужасно рада! — с наигранным восторгом ответила сестра. — А ты умеешь танцевать?

— Умею.

— Я просто обожаю танцы. В смысле, быстрые. Хочу оторваться!

— С быстрым танцем я знаком.

Я не врал. Нандина меня обучила. Хотя ее собственное отрочество удачным не назовешь (даже без каблуков росту в ней было почти шесть футов, и до самого выпускного класса ее ни разу не пригласили на школьный вечер), сестра натаскала меня на сносные танцевальные па. Она показала, как закусить нижнюю губу, словно я захвачен ритмом «Врубай на всю катушку», и подсказала, как держать правую увечную руку, чтобы та напоминала победно реющий стяг, а не перебитое крыло. Мне повезло, что в обнимку уже никто не танцевал. Не было нужды вести партнершу и все такое.

Тебе, сказала сестра, надо избегать слов на «м» и «п». А то ты как нарочно громоздишь целую кучу всех этих «можно» и «пожалуйста».

— М-может, это случайно, — ответил я. (Почти без запинки, поскольку Нандина уже вышла из роли моей пассии.)

— Видишь, о чем я? А ведь мог начать со слова «наверное».

Кстати, Тиффи отвергла мое приглашение. Мол, она уже приглашена. Но все равно — Нандина-то

искренне пыталась мне помочь.

Выше слово «изъяны» я употребил опрометчиво. Вернее сказать «отличия». Ей-богу, я вовсе не ущербный.

Пусть я отличаюсь от всех прочих, но это не означает, что я неудачник. Я так считаю. Или же вот как: я обделен удачей, но не счастьем. Так, пожалуй, ближе к истине.

Иногда я думаю, что мне повезло меньше других, но я гораздо счастливее.

Хотя, может, я себя обманываю, поскольку, наверное, всякий считает, что наделен особым правом на счастье.

Странность в том, что увечен я, сколько себя помню, однако во мне живет *ощущение*, будто я точно такой же, как все другие. Вот разглядываю себя сквозь витрины своих глаз, и видятся мне прямая спина, не скособоченная шея и одинаковой толщины руки. А в реальности я волочу правую ногу, от ступни до колена бесчувственную, и для равновесия кренюсь влево, отчего у меня искривлен позвоночник. Когда сижу, вроде ничего не заметно, но только встану — и нате вам.

У меня есть трость, да я вечно ее теряю. Я приучал свою правую руку свободно висеть вдоль

тела, но она упрямо сгибается в локте, а кисть скрючивается, как у паралитика. Может, я и *есть* паралитик, не знаю. До двух лет я был абсолютно нормальным, а потом заболел гриппом. И с тех пор уже не был нормальным.

Но так и так я левша, причем отменный каллиграф, и искусство это далось мне без всяких усилий. Не такой уж я невезучий, видите? Кроме того, я лихо играю в ракетбол, недурно плаваю (по крайней мере, держусь на плаву) и, на мой взгляд, лучше многих вожу машину. В моем автомобиле педали переделаны. Но все остальное — руль, рычаг скоростей и всякие кнопки — как на любой другой машине. Мои новые пассажиры поначалу слегка нервничают, но через милю-другую обо всем забывают.

Я мечтаю пересесть на машину с обычными педалями, однако у дорожной полиции свои нелепые правила.

Сперва я подумал, что Дороти прибыла с каким-то особым заданием. Вроде как ей разрешили вернуться, дабы что-то мне сообщить, а затем — тотчас обратно. (Скажу сразу: я не мучился вопросом, *кто именно* ей разрешил. Я атеист. Уже одно ее появление взбаламутило предрассудков во мне больше, чем я могу осилить.)

Вы, наверное, думаете, я весь извелся, желая поскорее узнать, какое это задание? Но не забудьте про финал — тотчас обратно. А я бы этого не пережил.

И потому я выбрал этакий буддистский вариант. Жил моментом. Дороти здесь, мне спокойно. Я не задавал вопросов, ничего не прощупывал, не выискивал всякие «зачем» и «почему», но просто утешался тем, что она рядом. Если б жена заговорила о чем-то, похожем на сообщение, я бы изо всех сил постарался ее отвлечь. Но она не заговаривала. Похоже, и она жила моментом. Потом снова исчезала, но не насовсем. Я это чувствовал. И спокойно ждал ее очередного появления.

Однажды она спросила:

— Как там Нандина? Все трясется над тобой, все пеняет?

— Ты же ее знаешь, — сказал я и, помолчав, добавил: — Почему ты спрашиваешь? Я думал, тебе и так все известно.

— Нет, мне вообще ничего не известно, — ответила Дороти.

В ее тоне как будто слышалась печаль, но жена улыбнулась, и я решил, что мне померещилось.

До конца своих дней мать винила себя в том, что я не такой, как другие. Мол, педиатра надо

было вызвать сразу, едва я заболел. Нет, к черту педиатра, надо было хватать меня в охапку и везти в неотложку.

— Нас бы отправили обратно, — увещевал я. — Сказали бы, свирепствует вирус, давайте ребенку больше питья, пусть отлежится.

— А я бы грохнулась на пол и заявила, что никуда не уйду.

— Чего ты так переживаешь? Я же прекрасно справляюсь.

— Именно что *справляешься*. Я бы слова не сказала, если б ты был хромой от рождения. Но это же не так. Ты не таким родился. Не это тебе предназначалось.

— Может, именно это и предназначалось. Мать только вздыхала. Мне никогда ее не понять.

— И потом, ты же вызвала педиатра, — говорил я. — Сама рассказывала. Вызвала, едва у меня начался жар.

— Он был недоумок. — Матушка оседлывала другого конька. — Жар, дескать, природная панацея. Мол, от него в сто раз меньше вреда, чем от ледяных ванн, в которые мамаши-истерички окунают своих чад.

— Мам, смирись, — просил я.

Но она так и не смирилась.

Мать была, по ее выражению, хранительницей очага из последнего поколения женщин, которые прямо из колледжа выходили замуж. В июне 1958-го она закончила учебу, а в июле обвенчалась. И потом, бедолага, десять лет ждала своего первенца, однако на работу не устраивалась. Интересно, чем она заполняла время? Когда появились мы с Нандиной, мать занималась только нами. Вместе со мной и сестрой готовила домашние уроки. Гладила наше бельишко. Украшала наши комнаты, как положено для девочки и мальчика: дочке — розочки на стенах, сынку — спортивные плакаты. И неважно, что Нандина вовсе не розанчик, а моя увлеченность спортом матушку страшно пугала.

Вопреки своим отличиям, рос я сорванцом. Неуклюжий, но прыткий, я был готов на любую дворовую игру, какая затевалась в нашем квартале. Наблюдая за мной из окна, мать буквально заламывала руки, но отец говорил: оставь его, у парня своя голова. Он за меня не очень-то беспокоился. Целый день пропадал на работе, да и уже слегка состарился. Он был не из тех отцов, что по выходным с сыном гоняют в футбол или тренируют школьную бейсбольную команду.

Все детство я отбивался от двух своих женщин — матери и сестры, которые, притаившись,

только и ждали случая заласкать меня до смерти. Хоть маленький, я чуял опасность. Это засасывает. Размягчает. Тогда уж пиши пропало.

Надо ли удивляться, что Дороти стала глотком свежего воздуха?

Когда мы познакомились, она спросила:

— Что у вас с рукой?

Дороти была в белой куртке и говорила отрывисто, как врач. Услышав ответ, хмыкнула и сменила тему.

Когда она впервые села в мою машину, то даже не взглянула, как я веду, но увлеченно рукавом протирала очки, время от времени дыша на стекла.

Когда подметила мое заикание (влюбившись в нее, я тушевался и конфузился), Дороти накренила голову и поинтересовалась:

— Это от чего? Мозговая травма или просто нервы?

— П-п-просто нервы, — сказал я.

— Вот как? Любопытно. Если задействовано левое полушарие… Черт…

— Что, простите?

— Кажется, я забыла ключи на работе.

Дороти была уникальная женщина. Неповторимая. Господи, после ее ухода зияла пустота.

Меня как будто стерли, разодрали надвое.

А потом я оглядел улицу и увидел ее на тротуаре.

2

Вот как она умерла.

Был август. В 2007-м начало месяца выдалось жарким и душным. А я простудился. По-моему, хуже нет, как простудиться летом. Зимой-то укутаешься в одеяла и пропотеешь. А летом ты уж и так мокрый как мышь, однако все без толку.

Все же я пошел на работу, но заклацал зубами, едва включили кондиционер. Сгорбившись за столом, я дрожал и трясся, кашлял, чихал и сморкался, наполняя салфетками мусорную корзину, пока Айрин не отправила меня домой. Ох уж эта Айрин. Ты всех нас перезаразишь, сказала она. Нандина и все прочие тоже уговаривали меня поберечься.

— Бедняжка, ты выглядишь ужасно, — посочувствовала секретарша Пегги, а вот Айрин эгоистично заявила:

— Я не желаю рисковать здоровьем в угоду твоему пренебрежению рабочей этикой.

— Прекрасно. Я ухожу, — сказал я. Раз она так ставит вопрос.

— Давай я тебя отвезу, — предложила Нандина,

однако я воспротивился:

— Благодарю, но я и сам еще в силах.

Я собрал манатки и вышел вон, злой как черт на всех и прежде всего на себя — за то, что разболелся. Терпеть не могу выглядеть немощным.

Однако в машине я позволил себе слегка покукситься — чихнул и протяжно застонал, словно тяжелобольной. Потом полюбовался на себя в зеркало заднего вида: слезящиеся глаза, лихорадочный румянец, взмокшие спутанные волосы.

Мы жили неподалеку от станции Колд-Спринглейн, в зеленом неухоженном районе, что в нескольких минутах езды от городского центра. Наш маленький белый дом красивым не назовешь, но мы с Дороти никогда не были подписчиками журнала «Красивые дома и сады». Жилье нас вполне устраивало: один этаж, светлая веранда, пристроенная к гостиной, где нашлось место для компьютера и медицинских журналов.

Я хотел пройти на веранду и поработать — отредактировать рукопись, которую прихватил из издательства. Однако в гостиной вдруг сбился с курса, отклонившись к дивану. Я присел на него, еще разок простонал, а потом выронил рукопись на пол и улегся, вытянувшись во весь рост.

Вы же знаете, как простуда откликается на горизонтальное положение. Тотчас заложило нос. Голова налилась свинцовой тяжестью. Я надеялся вздремнуть, но все что-то мешало. Всегдашний беспорядок в гостиной — побуревший яблочный огрызок на журнальном столике, куча выстиранного белья, сваленного в кресло, газеты на диване, не позволявшие вытянуть ноги, — теперь жутко раздражал. Какую-то часть моего мозга вдруг обуяла активность, я мысленно вскочил и занялся уборкой. Даже притащил пылесос. И наконец-то вывел пятно на коврике перед камином. Тело мое, безвольное и хворое, покоилось на диване, а мысль безостановочно сражалась с бедламом, никак не исчезавшим. Это жутко утомляло.

Однако время как-то умудрялось течь: когда позвонили в дверь и я глянул на часы, было уже за полдень. Я закряхтел и потащился в прихожую открыть дверь. На пороге стояла наша секретарша Пегги в обнимку с магазинным пакетом.

— Ну как, не лучше? — спросила она.

— Немного лучше.

— Я принесла тебе суп. Мы так и знали, что ты не станешь возиться с обедом.

— Спасибо, но я…

— Холод — потчуй, жар — мори! — пропела

Пегги и, локтем толкнув дверь, вошла в прихожую. — Все вечно путают, что потчевать, а что морить. Потому что забывают о сослагательном наклонении этой конструкции. Сработает что-нибудь одно, ибо *если* ты потчуешь холод, *тогда* моришь жар, что нам, конечно, и требуется, и наоборот: если моришь холод, тем самым подкармливаешь скверный жар.

Пегги уверенно прошла в дом; она из тех женщин, кто в любой ситуации знает точно, что для тебя лучше. Совсем как моя сестра. Только Нандина неуклюжая верзила, а Пегги — сдобная блондинка в кудряшках и ямочках, этакая золотисто-розовая поклонница кружевных вещиц из комиссионки. Она мне нравилась (мы вместе учились в начальной школе, почему, собственно, отец и взял ее на работу), но мягкость ее обманчива. Не просто секретарша, она цементировала нашу контору. В ее выходной день у нас все разваливалось, мы даже не могли найти степлер. Вот и сейчас, бесшумно шагая в туфельках китайского шелка, она безошибочно направилась в кухню, хотя прежде никогда там не бывала. Я плелся следом и бормотал:

— Я не голоден, правда. Совсем не голоден. Мне бы только…

— Ложечку-другую томатного супа-пюре? Или куриной лапши?

— Ничего.

У меня вышло «нидево». В самый раз рекламировать средство от насморка.

— Нандина ратовала за суп, а я — за лапшу, поскольку в ней много белка.

— Нидево! — повторил я.

— Ладно, тогда просто чай. Мой особый волшебный чай от ангины.

Пегги поставила пакет на столешницу и достала пачку чая «Констант Коммент».

— Я взяла без кофеина, чтобы ты спал хорошо. Потому что сон, знаешь ли, лучшее лекарство. — Следом появились лимон и баночка меда. — Иди ложись.

— Но я не…

«Не» получилось как «де». Пегги наконец-то мне вняла и отвлеклась от чайника, который наполняла водой:

— Ты сам-то себя слышишь? Что, позвонить Дороти?

— Не надо! (Дедадо.)

— Просто оставлю ей сообщение. Чтобы не отрывать от дел.

— Нет! (Дед.)

— Ну как хочешь.

Пегги поставила чайник на конфорку. Она как будто знала, что наша старая плита зажигается вручную, ибо не глядя взяла спичечный коробок. Я присел на стул, а Пегги разрезала лимон надвое и выдавила его в кружку, попутно сообщив об укрепляющем воздействии лимонной кислоты на иммунную систему.

— Вот почему нужен «Констант Коммент», в нем апельсиновая кожура, — сказала она и затем поведала, что сама очень редко простужается благодаря врожденной сопротивляемости организма…

Разговор о чае.

В лимонный сок Пегги плюхнула изрядно меду, и снадобье заняло четверть кружки. А для воды-то место останется? Следом отправились два чайных пакетика, нитки которых Пегги перекинула через край кружки, манерно оттопырив мизинец, что, видимо, означало шутку, сопровождаемую фразой с нарочитым британским акцентом:

— Это отшень, отшень вкусно, старина.

Я вдруг понял, что у меня раскалывается голова, хотя до прихода Пегги ничего не болело.

Пока закипал чайник, врачевательница моя пошла за пледом. Насколько я знал, в доме у нас

не было пледа, но смолчал, ибо хотел тишины и покоя. Пегги вернулась и рассказала о своем отце, который простуду лечил луковицей:

— Грыз сырую. Как яблоко.

За неимением пледа она принесла стеганое одеяло, которое, видимо, отыскала в спальне, где, как помнится, царил бедлам. Ну и ладно, сама виновата, гостей мы не ждали. Пегги укутала меня как маленького, и я сжался в комочек.

— Один раз мама простудилась, так отец заставил ее съесть луковицу. Правда, маму тотчас вырвало.

Уши у меня слегка заложило, голос Пегги слышался глухо, как сквозь сон.

Поспевший чай и впрямь смягчил мне горло. От пара дышать стало легче. Я потихоньку прихлебывал, съежившись под одеялом.

— Наверное, стоило обработать луковицу, — говорила Пегги. — Может, проварить ее в меде. У меда, знаешь ли, прекрасные антибактериальные свойства.

Она уже протирала столешницы. Я не пытался ее остановить. Что толку? Я допил приторно-сладкий чай, молча поставил кружку на стол и побрел в гостиную. С тихим шуршанием «плед» волочился шлейфом, подметая крошки и соринки с пола.

Я рухнул на диван. Свернулся калачиком, чтобы не мешали газеты, и крепко уснул.

Меня разбудила хлопнувшая входная дверь. Пегги ушла, подумал я, но услышал, как звякнули ключи, брошенные в фарфоровое блюдо в прихожей.

— Дороти? — окликнул я.

— М-м-м? — На ходу читая открытку, найденную в корреспонденции под почтовой щелью, сквозь арочный проем жена вошла в гостиную: — Ох! Ты заболел?

— Чуток рассопливился. — Я с трудом сел и посмотрел на часы: — Сейчас пять!

Дороти не поняла:

— У меня пациент не явился.

— Я проспал весь день!

— На работу не пошел? — спросила Дороти.

— Пошел, но Айрин отправила меня домой. Жена фыркнула: она знала характер Айрин. — А потом пришла Пегги, принесла суп. Опять фырканье: она знала и Пегги. Дороти бросила почту на журнальный столик и скинула сумку с плеча. Дамские сумочки она не признавала и вечно ходила с битком набитой потертой сумкой коричневой кожи — в старых черно-белых фильмах такие носили шпионы. На белой врачебной курт-

ке виднелся диагональный след от ремня. Дороти часто принимали за повара, только не главного. Порой меня это смешило, но не всегда.

Дороти прошла в кухню, чтобы перекусить крекерами. Она всегда завершала свой рабочий день ровно шестью крекерами — «рекомендованной порцией», указанной на упаковке. Жена моя рабски следовала подобным рекомендациям, даже если это касалось половинки кекса (но дело далеко не всегда ограничивалось питанием).

Да вот беда, в тот день крекеров на месте не оказалось.

— Ты не видел мои крекеры? — из кухни крикнула Дороти.

— Что? Нет. — Я спустил ноги на пол и закутался в «плед».

— Не могу найти. На столе их нет.

Я промолчал, поскольку сказать было нечего. Через секунду Дороти возникла в дверном проеме:

— Ты убирался в кухне, что ли?

— Кто, я?

— Столешницы пустые. Ничего не могу найти.

Я поморщился:

— Наверное, Пегги постаралась.

— Лучше не лезла бы. Куда она подевала кре-

керы?

— Понятия не имею.

— Я посмотрела в шкафах, в кладовке…

— Позже найдутся, — сказал я.

— А сейчас что мне есть?

— Может, сухарики?

— Я не люблю сухарики, я хочу крекеры. Я примостил голову на диванную спинку.

Если честно, тема уже слегка притомила.

К несчастью, Дороти это заметила:

— Может, тебе все равно, но я весь день ничего не ела. Только кофе выпила! Я оголодала.

— А кто виноват-то? — возразил я. (Мы уже не раз это обсуждали.)

— У меня столько дел, что некогда поесть.

— Дороти, с раннего утра до позднего вечера ты живешь на кофе с сахаром и сливками. В основном на сахаре и сливках. А еще врач!

— Да, я врач. И очень усердный врач. У меня ни минуты свободного времени.

— Другие тоже очень заняты, но как-то исхитряются подкрепиться.

— Возможно, у других совести меньше.

Дороти подбоченилась. Сейчас она слегка смахивала на бульдога. Раньше я этого не замечал.

Ну почему, почему, почему надо было это за-

метить именно в тот день? Почему я не сказал: «Милая, ты, конечно, проголодалась и поэтому злишься. Давай-ка пойдем на кухню и чем-нибудь тебя покормим»?

А вот почему. Из-за ее следующей реплики:

— Кто бы говорил! К тебе-то вон няньки бегают с домашним супчиком.

— Вовсе не домашним, а консервированным. И я не просил. Я и есть-то не хотел. Так и сказал Пегги: есть не хочу.

— А тогда зачем она поперлась в кухню?

— Приготовила мне чай.

— Чай! — Дороти скривилась, как будто я сказал «опий». — Она сделала тебе *чай*?

— А что такого?

— Ты же не любишь чай!

— Это лечебный чай, для горла.

— Ах, для твоего горлышка! — с притворным сочувствием проговорила Дороти.

— У меня ангина.

— Заурядная ангина, но все всполошились. Почему оно так всегда? Толпы преданных сиделок наперегонки бегут о тебе позаботиться.

— Ну к-к-кому-то надо этим заняться, — сказал я. — Ты-то не очень обо мне заботишься.

Дороти промолчала. Затем развернулась, взяла

свою сумку и вышла на веранду. Было слышно, как она шваркнула сумку на стол и села в скрипнувшее вращающееся кресло.

Дурацкая ссора. Временами размолвки у нас случались. А у кого их не бывает? Мы же не в сказке живем. Однако именно эта ссора выглядела особенно глупой. По правде, я терпеть не могу, когда обо мне пекутся, и нарочно выбрал себе не заботливую жену. А Дороти вовсе не против, чтобы кто-нибудь сделал мне чай. Она даже, наверное, рада. И вот идиотская перепалка из-за ничего, но теперь каждый забился в свой угол и не знает, как из него выбраться.

Закряхтев, я встал с дивана и через прихожую прошел в спальню. Беззвучно притворил дверь, сел на кровать, скинул ботинки и снял фиксатор. (Я ношу полипропиленовый фиксатор голеностопа.) Липучки затрещали, и я сморщился: Дороти догадается, что я укладываюсь в постель, а хотелось, чтобы она маленько помучилась — чем я там занят?

Я затих и прислушался, но уловил только легкий скрип. Нет, это не кресло и не кожаная сумка. До веранды слишком далеко. Наверное, скрипнула половица в прихожей.

Я растянулся на сбитых простынях и уставился

в потолок. Сна ни в одном глазу. Ясное дело. Я же проспал весь день. Пожалуй, стоит пойти в кухню и начать готовить какую-нибудь вкуснятину, аромат которой выманит Дороти с веранды. Как насчет гамбургеров? У нас вроде был фунт…

Опять скрип. Уже громче. Даже не скрип, а протяжный треск, завершившийся ударом, после которого что-то мелко задребезжало, зазвякало и застучало. Мелькнула мысль (я понимаю всю ее нелепость), что Дороти, видать, разозлилась не на шутку. Но я тотчас сообразил, что она не тот человек, который в гневе все крушит. Я сел, сердце мое колотилось.

— Дороти! — окликнул я и неуклюже слез с кровати. — Дороти! Что там такое?

В одних носках я шагнул к двери и лишь тогда вспомнил о фиксаторе. Я могу ходить и без него, только очень медленно. Вернуться и надеть? Нет, некогда. А куда я задевал свою трость? Поди знай. Я распахнул дверь спальни.

И будто очутился на краю леса.

Вся прихожая была завалена сучьями, листьями и кусками коры, чешуйки которой плавали в пыльном мареве. Невесть откуда что-то выпорхнуло — то ли пичуга, то ли крупный жук. Слышался разрозненный грохот — вывалилась

оконная рама, что-то деревянное ухнуло на пол. Я ухватился за сломанную ветку и, опираясь на нее, протиснулся вперед. Я еще не понимал, что произошло. Я был ошеломлен, нет, даже скорее в шоке, сознание мое сбоило. Я только понимал, что в гостиной лес этот еще гуще, а Дороти осталась на веранде, которую не разглядеть за листьями и ветвями с меня толщиной.

– *Дороти!*

Тишина.

Я стоял возле журнального столика. Я видел его край с окантовкой ионниками. Не странно ли, что слово «ионики» легко пришло на ум? Я снова посмотрел вперед и понял, что сквозь эти джунгли на веранду не пробьешься. Тогда я двинулся обратно, рассчитывая выбраться из дома через парадную дверь и попасть на веранду с улицы. На пути в прихожую я миновал диван (сейчас неразличимый) и тумбочку, на которой лежал радиотелефон, усыпанный ошметками коры. Я его схватил и нажал кнопку вызова. О чудо, телефон откликнулся гудком. Я старался натыкать 911, но руки у меня так тряслись, что палец попадал на «решетку» вместо девятки. Наконец с очередной попытки я набрал номер и поднес трубку к уху.

— Пожалуйста, охарактеризуйте происшествие, — сказал женский голос.

— Что?

— Происшествие охарактеризуйте, пожалуйста, — повторил голос.

– *Что?*

— Требуется полиция? — утомленно спросил голос. — Пожарная служба? Скорая помощь?

— Да, п-п-пол… не знаю… Пожарные! Нет, «скорая»! «Скорая»!

— Что случилось, сэр?

— Д-д-дерево упало! — сказал я и только сейчас сам понял, что произошло. — На мой дом упало дерево!

Оператор ужасно медленно зарегистрировала мой вызов, словно подавая пример, как надо себя вести. Но я должен действовать! Я не могу стоять столбом! Где-то я читал, что специальное оборудование службы 911 само определяет адрес абонента, и теперь не понимал, зачем все эти вопросы, ответ на которые должен быть известен.

— Мне надо выйти! Выйти надо! — сказал я, словно малыш, который просится пописать. Мне вдруг жутко захотелось отлить, и я подумал, скоро ли смогу заняться столь земным делом.

Вдали завыла сирена. До сих пор не знаю, по

моему ли вызову прибыла помощь. Во всяком случае, я, не простившись, бросил трубку и заковылял в прихожую.

Я открыл дверь и вновь уткнулся взглядом в дерево. Почему-то казалось, что на улице его уже не будет. Я продирался сквозь ветви, отплевываясь мошкарой и песком. Пронзительный вой сирены резал слух точно ножом. Наконец он смолк, и я, выбравшись из ветвей, увидел броскую ярко-красную пожарную машину, за которой остановилась «скорая помощь». Человек в полном пожарном облачении (зачем оно?) выпрыгнул из кабины и крикнул:

— Не шевелитесь! Оставайтесь там! Сейчас подадут носилки!

Я не остановился: как же они узнают, куда подать носилки, если я не покажу?

— Стойте! — гаркнул пожарный, а санитар «скорой помощи» (без всяких носилок) подбежал ко мне и взял в захват, не хуже смирительной рубашки.

— Не двигайтесь! Стойте на месте! — выпалил он, дыхнув соусом чили.

— Я вполне могу передвигаться, — сказал я.

— Джей Би! Тащи сюда носилки!

Видимо, пострадавшим они считали меня. В

смысле, только что пострадавшим. Я пихнул санитара.

— Там моя жена! — сказал я. — Он-н-н-на…

— Все в порядке, дружище. Успокойтесь.

— Где она? — спросил пожарный.

— Вон там… — Я махнул рукой, перевел взгляд на дом и увидел, что его северной части больше нет. Нет ничего, кроме упавшего дерева.

— Ох ты! — выдохнул пожарный.

Я знал это дерево. Белый дуб. Огромный, добрых полтора фута в обхвате, он вырос, наверное, задолго до постройки дома, а теперь стоял на нашем заднем дворе и так сильно кренился в сторону крыши, что каждый сентябрь я просил рабочих, занимавшихся обрезкой крон, его проверить. Однако всякий раз они заверяли, что дерево здоровое. Да, старое, с поредевшей листвой, но здоровое. «И потом, если вдруг что, — говорил десятник, — большого урону не будет, потому как дуб слишком близко к дому. Он просто навалится на крышу, и все. Разогнаться не успеет».

Но рабочий ошибся. Во-первых, дерево явно было больное. Оно упало в тихий день даже без намека на ветерок. А во-вторых, дуб нанес громадный урон. Начав падать, он удовлетворенно застонал (видимо, этот скрип я и слышал), а

потом рухнул на крышу, проломив дом сверху донизу. И в лепешку сплющил веранду.

— Вытащите ее, вытащите, — повторял я.

— Ладно, братан, успокойся, — сказал санитар.

Теперь он впрямь меня держал. У меня почему-то ослабли колени. Санитар отвел меня на лужайку и усадил на кованый стул, которым мы никогда не пользовались.

— Где-нибудь болит? — спросил он.

— Нет! Вытащите ее!

Я желал боли. Я *ненавидел* свое тело. Сижу чучелом, а крепкие здоровые мужчины пытаются вызволить мою жену.

Приехала бригада с цепными пилами и топорами, полицейские машины перегородили улицу, автокран поднял здоровенный кусок ствола. Спасатели переговаривались по рациям, с хрустом продирались сквозь ветки. Все это сколько-то продолжалось, но я не помню, сколько именно. Собралась толпа из соседей и праздных зевак. Старая Мими Кинг, жившая через дорогу от нас, принесла мне чаю со льдом. (Я лишь пригубил стакан ради вежливости.) Джим Раст накинул мне на плечи розовое вязаное одеяльце. Я его поблагодарил, хоть истекал потом — на улице

было градусов восемьдесят[1].

— С ней все будет хорошо, — сказал я, ибо Джим молчал, но, по-моему, кто-нибудь должен был это сказать.

— Конечно, — ответил он. — Я очень надеюсь, Аарон.

«Зачем он называет меня по имени? — недоуменно подумал я. — Он же со мной разговаривает. Для чего уточнять-то?»

Двое мужчин вынесли из завала тяжелую груду тряпья и уложили ее на носилки. У меня ухнуло сердце.

— Что?.. — Я приподнялся со стула, но чуть не упал и ухватился за Джима.

— Жива? — крикнул он, а я подумал: «Чего он лезет? Это я должен спросить!»

— Пульс есть, — ответил пожарный, и я проникся к Джиму такой благодарностью, что слезы подступили к глазам.

— П-п-помоги мне… — проговорил я, цепляясь за его руку. Он понял и подвел меня к носилкам.

Круглое гладкое лицо ее было заляпано грязью. А холм груди превратился… во впадину. Ну это естественно! Ведь она лежит навзничь! Женская

---

[1] Сноски: 1

По шкале Фаренгейта, примерно 27 градусов по шкале Цельсия.

грудь всегда кажется плоской, когда хозяйка ее лежит на…

— Слава богу, крови не видно, — сказал я Джиму. — Нигде ни капельки.

— Нигде, Аарон.

Хоть бы он перестал называть меня по имени.

Я хотел сесть в «скорую помощь», но там куча медиков хлопотала над Дороти. Езжайте в больницу сами, велели они.

— Мы тебя отвезем, — сказала подоспевшая Мэри Клайд, жена Джима. Она учительница, вечно руководит.

— Ничего, я сам справлюсь, — ответил я.

— Конечно, но пока припаркуешься, то да се, а так будет проще.

— Ладно, — покорился я.

— Я принесу тебе ботинки, — сказала Мэри Клайд. — Где они?

— Оставь, Мэри Клайд, — вмешался Джим. — Сейчас ему не до ботинок.

Да нет, признаюсь, мне очень хотелось обуться; я сказал, где найти ботинки, и попросил захватить мой фиксатор.

Дороти отвезли в больницу Джонса Хопкинса, оснащенную по последнему слову техники, что, с одной стороны, было плюсом. С другой стороны,

имелся огромный минус: всякий бал-тиморец с каплей здравого смысла только в самом крайнем случае соглашался попасть в этот громадный мрачный лабиринт обшарпанных коридоров, где часами томятся всеми забытые пациенты. Что ж, добро пожаловать в мир Ближайших Родственников: добрые вести, плохие вести, надежда, уныние, надежда и снова уныние — и так все бесконечные дни напролет. Операция прошла успешно, но потом что-то оказалось не так, и Дороти опять спешно отвезли на стол. Состояние ее «стабилизировалось» (как это понимать?), а затем все подключенные аппараты словно взбесились. Всякий раз, как врач выходил в приемный покой, я нарочно смотрел в другую сторону, точно узник, избегающий взгляда своего палача. Все другие ожидающие, сбившиеся в уютные кучки, бросались ему навстречу, но только не я.

Изредка мне разрешали повидать Дороти. Хотя слово «повидать» здесь вряд ли годится. Лицо ее было скрыто за всякими трубками, проводами и шлангами. Одна рука лежала поверх простыни, но я не мог взять эту пухлую смуглую руку с темными костяшками, ибо из нее тоже торчала трубка, закрепленная пластырем, — эту безвольную руку, будто пластилиновую. Все рав-

но Дороти, конечно, не почувствовала бы моего прикосновения.

— Вон что натворил дуб, который меня беспокоил, — сказал я неподвижному телу.

Так много хотелось поведать. Вовсе не о дубе, бог-то с ним, сам не знаю, почему я о нем заговорил. Дороти, хотел сказать я, если б можно было отмотать назад и перенестись в наш домик, я бы ни за что не уединился в спальне. Я пошел бы за тобой на веранду. Встал бы за твоей спиной, прижался щекой к твоей теплой макушке и так стоял бы, пока ты не обернешься.

Если б Дороти это услышала, она бы насмешливо фыркнула.

Было время, когда я и сам фыркнул бы.

И вот что забавно: простуда-то моя сгинула. Не в смысле, что я вылечился, она просто исчезла за тот отрезок между лечебным чаем и приемным покоем. Наверное, это произошло, пока вызволяли Дороти. Помню, я сидел под розовым одеяльцем Джима Раста, но не чихал и не сморкался. Возможно, простуда излечивается падением дерева или психическим шоком. Либо сочетанием того и другого.

Меня убеждали поехать домой и передохнуть. То есть поехать к Нандине, поскольку все считали,

что мой дом для жилья непригоден. Уговаривали меня Джим и Мэри Клайд, все мои сослуживцы и еще какие-то полузнакомые люди. (Видимо, история с моим дубом уже попала в газеты.) Мне приносили сэндвичи в вощеной бумаге и салаты в контейнерах, от одного вида которых меня мутило, даже Айрин притащила коробку отборных шоколадных конфет; все обещали неусыпно дежурить, покуда я чуть-чуть отдохну. Нет, сказал я, никуда я не уйду. Наверное, мне казалось, что своим присутствием я поддерживаю жизнь в Дороти. (Только не смейтесь.) Я даже не съездил переодеться. Так и сидел во всем грязном, зарастая щетиной, от которой жутко чесалось лицо.

Потом Мэри Клайд отыскала мою трость, и я стал прохаживаться по коридорам. Не особо хотелось, но от неподвижности сводило увечную ногу. Один раз я пошел в туалет и грохнулся.

Свой моцион я совершал после коротких свиданий с Дороти, предварительно уведомив персонал, куда ухожу и когда вернусь.

— Ладно, — отвечали сестры, почти не слушая, а я торопливо давал последние указания:

— Пожалуйста, проверьте, тепло ли ей. Мне вот показалось…

— Хорошо, глянем. Идите себе.

По правде, я хотел сказать вот что: она особенная, вы это понимаете? Не какой-то там *пациент*. Зарубите себе на носу. Угу, ответили бы няньки.

Когда я туда-сюда вышагивал по коридорам, мне казалось, что нас с Дороти соединяют тонкие трепетные нити. В больнице я видел картины, которые старался поскорее забыть. Огромные глаза лысых детей, судорожное дыхание больных, превратившихся в скелеты, каталки со стариками, с головы до ног обвешанными всякими мешками и трубками и уже не похожими на человеческие существа. Я отворачивался. Не было сил на это смотреть. И я возвращался к собственной муке.

Ботинки остановились передо мной в полдень среды. Я знал, что нынче среда, поскольку в газете, лежавшей на соседнем стуле, красовалось цветное фото отвратительной лазаньи с морепродуктами. (Похоже, у газетчиков среда — кулинарный день.) Не ботинки — сабо. Черные кожаные сабо. Излюбленная, как я подметил, обувь здешнего персонала. Совсем неподходящая для больницы. Я поднял взгляд. Санитар. Я его знал. В смысле, узнал. Раз-другой видел в палате. Он из тех, кто не рявкал на родственников.

— Мистер Вулкотт? — спросил санитар.

— Да.

— Пойдемте со мной.

Я встал и взял трость. Следом за санитаром вошел в реанимационную палату. Время посещений еще не наступило. И потом, менее получаса назад я сюда уже заглядывал. Выходит, я обласкан особым вниманием, но у меня засосало под ложечкой.

Провода и шланги исчезли, она была странно неподвижна. Я-то считал ее неподвижной и прежде, но оказалось, я ничего в этом не понимал. Ничегошеньки.

3

Раньше на Рейстерстаун-роуд был молочный магазин со светящейся вывеской матового стекла, претендовавшей на юмор: под надписью ЛИДЕРЫ В ДОСТАВКЕ мамаша в длинном платье с развевающимся подолом (хотя уже наступила эра мини-юбок) неслась галопом, толкая перед собой детскую коляску. Глядя на эту вывеску, я всякий раз вспоминал свою сестру. В то время Нандина еще только входила в подростковый возраст, но казалось, что она родилась долговязой, неуклюжей и начисто лишенной чувства моды. Нет, я не говорю, что она была некрасива. Ясные серые глаза, великолепная кожа, блестящие каштановые волосы, которые она зачесывала назад и скрепляла серебряной заколкой. Кстати, заколка эта говорит о многом: на будущий год сестре стукнет сорок, но она до сих пор ею пользуется. Девочка-старушка, вот кто она, и такой была с самого детства. Вечно туфли с ремешком, но без намека на каблук, дабы казаться ниже ростом. Локти торчат, как одежные вешалки. Ноги-палки, косточки лодыжек напоминают шарики для

пинг-понга.

В тот день, когда умерла Дороти, сестра отвезла меня домой. Я смотрел на нее и завидовал ее невозмутимости. Руки на руле в позиции «десять и два», как когда-то учил отец. Идеально прямая спина. (Сестра никогда не горбилась, как другие женщины, пытающиеся казаться ниже ростом.) Поначалу она старалась поддержать беседу — жара, дождя не обещают, бедные фермеры, — но, заметив, что я не расположен к разговорам, смолкла. Вот еще ее хорошая черта. Молчание ее не тяготит.

Мы ехали через запущенный больничный район — заколоченные дома, замусоренные тротуары, — но все его обитатели выглядели удивительно здоровыми. И мамаша, за руку тащившая своего карапуза, и мальчишки, друг друга пихавшие на проезжую часть, и человек, воровато заглядывавший в припаркованную машину, — ни у кого никаких изъянов. На перекрестке парень, уступивший нам дорогу, от избытка энергии аж подпрыгивал. Здешний народ казался несокрушимым здоровяком.

Я обернулся и через заднее стекло посмотрел на больницу: старинный купол, величественные пешеходные мостики, боковые башни — ну це-

лый город, издали похожий на рыцарский замок. Потом я опять уставился на дорогу.

Нандина хотела отвезти меня к себе. Якобы в моем доме жить нельзя. Но я, твердо решив наконец-то избавиться от всех этих жалостливых взглядов и сочувственных шепотков, велел ехать ко мне. Она согласилась так легко, что это не могло не насторожить. Видимо, решила, что я передумаю, все увидев своими глазами. Когда въехали в мой квартал, Нандина сбросила скорость, дабы я хорошенько рассмотрел сучки и ветки, устилавшие улицу. *Мои* сучки и ветки. Остановившись перед домом, сестра выключила зажигание.

— Давай-ка я подожду, пока ты удостоверишься, что здесь тебе будет уютно, — сказала она.

Целую минуту я молчал. И смотрел на дом. И впрямь, картина была хуже, чем я представлял. Дуб занимал весь двор, словно упал не по прямой линии, а разлетелся вдребезги, ударившись о землю. Он разнес северную часть дома и почти сровнял с землей веранду. Огромная дыра в крыше была заделана листом ярко-синего пластика. Это Джим Раст похлопотал. Кажется, он говорил, что пригласил кого-то… Там, где раньше был конек крыши, пластик прогнулся, и я вспомнил

впадину в груди Дороти, когда ее вынесли из-под обломков. Ладно, не думай об этом. Думай о чем-нибудь другом.

— Все будет хорошо, — сказал я. — Спасибо, что подвезла.

— Давай я зайду в дом.

— Езжай, Нандина.

Сестра вздохнула и завела мотор. Я чмокнул ее в щеку — это была уступка, обычно я сдержаннее в проявлении чувств. Затем выбрался из машины и, хлопнув дверцей, зашагал к дому.

Чуть погодя я услышал, как автомобиль наконец-то отъехал.

На случай, если кто-нибудь из соседей смотрит в окно, я принял вид человека, вернувшегося домой после недолгой отлучки: пристукнул тростью по бордюру, мельком глянул на разбросанные ветки. Захлопнув за собою входную дверь, я к ней привалился, точно меня ударили под дых.

Из-за пластика, проглядывавшего сквозь дыру в потолке, прихожую заливал жутковатый синий свет. Гостиную загромождали обломки ствола и веток, а веранду я даже не пытался разглядеть. Перешагнув через кучу корреспонденции на полу, я прошел в заднюю часть дома. К счастью, кухня почти не пострадала, если не считать вет-

ки, заглядывавшей сквозь ею разбитое окно, и щепок, устилавших все вокруг. А вот столовая, справа от кухни, была в руинах. Ладно, ничего. Без столовой прожить можно. Буду есть в кухне. Я подошел к раковине и повернул кран, охотно пустивший воду.

В мойке стояла чашка с засохшим медом на дне, из нее торчала ложка, присыпанная чешуйками коры.

Порою кажется, что недавние события произошли вечность назад.

Я пошел осмотреть гостевую комнату, ванную и спальню. Там все было в порядке. На время ремонта, прикинул я, гостевая послужит гостиной. В душевом поддоне сидел кузнечик. Я его не тронул. В спальне возникло искушение рухнуть в постель и не просто уснуть, а кануть в небытие, но я ему не поддался. Надо было кое-что сделать. Я открыл тумбочку Дороти. Вдруг жена оставила адресную книжку на веранде, как иногда бывало? Нет, слава богу, вот она, под «Руководством по рентгенологии».

Девичья фамилия Дороти — Росалес. (Такой она, кстати, и осталась, в замужестве Дороти ее не поменяла.) В адресной книжке значилось несколько Росалесов, записанных корявым по-

черком, но я выбрал Тайрона, старшего брата. После смерти отца он стал главой семьи, и я решил, что, если оповещу его, не придется извещать всех других. Еще я очень надеялся попасть на его жену — сейчас в Техасе едва перевалило за полдень, и Тайрон, скорее всего, на работе. Я никогда не видел ни Тайрона, ни его жены и вообще никого из родичей Дороти, но подумал, что невестка воспримет известие не так близко к сердцу. Возможная истерика меня пугала. По правде, звонить ужасно не хотелось. А нельзя сделать вид, как будто ничего не произошло? Ведь Дороти с родными не встречалась, что, на мой взгляд, было очень разумно. Но вот Нандина сказала, что позвонить надо.

На третьем гудке появилась надежда отделаться сообщением на автоответчике. (Хотя я прекрасно понимал, что это было бы нехорошо.) Потом в трубке щелкнуло.

— Алло? — сказал низкий, раскатистый мужской голос.

— Тайрон Росалес?

— Кто это?

— Г-г-г-говорит… — Чертовски некстати проявилось мое заикание. Я велел себе успокоиться. Глубоко вдохнул и медленно выговорил: — Аа-

рон. — Со словами на гласную, не имеющими жесткого порога, я справляюсь успешнее. «Вулкотт» грозил осложнениями, и потому я выбрал другой вариант: — З-зять ваш…

— Муж Дороти?

— Угу.

— Что случилось?

Я снова вдохнул.

— Что-то с Дороти?

— Д-д-дерево упало на наш дом, — сказал я.

Молчание.

— На наш дом упало дерево, — повторил я.

— С Дороти все хорошо?

— Нет.

— Она погибла?

— Да.

— О господи…

Я дал ему время осмыслить новость. Да и мне требовалось передохнуть.

— Когда панихида? — наконец спросил Тайрон.

— П-п-панихиды не б-будет.

Так решили мы с Нандиной. И никакого погребения, просто кремация. Наверное, Дороти была бы довольна.

— Значит, не будет… — сказал Тайрон.

Пауза.

— Ее воспитывали в вере.

— Да, но…

Наверное, лучше не продолжать.

— Ладно, — помолчав, сказал Тайрон. — Все равно нам не на кого оставить скотину.

— Конечно.

— Она мучилась?

— Нет! — Я опять вдохнул. — Не мучилась.

— Она всегда была очень самостоятельная. Твердо стояла на своем.

— Это верно.

— Помню, как-то мы, ребятишки, жевали гудрон, размякший под солнцем, и тут Дороти подходит. Мы ей — угощайся, а она — смеетесь, что ли, с какой стати я буду есть шоссе?

Да, очень в ее духе. Я буквально слышал, как она это произносит. Я никогда не мог представить Дороти маленькой, а сейчас вот увидел как живую.

— Ее назвали в честь героини сказки «Волшебник из страны Оз». Наверное, она вам говорила?

— Нет, никогда.

— Это наш дед придумал. Он всем нам дал имена. Такие, чтоб бесспорно американские.

— Понятно.

— Ну вот. Спасибо, что позвонили. Сочувствую вашему горю.

— И я вам сочувствую.

Больше сказать было нечего. Но мне почему-то не хотелось заканчивать разговор. Пока мы говорили, Дороти вновь виделась прежней — волевой, крепкой, упрямой. Не безвольной жертвой, какой стала в свои последние дни.

Слава богу, надо было ходить на работу. Это стало моим спасением. Я приходил раньше всех, трудился без перекуров и обеда. Единственный минус — участливые физиономии коллег. За исключением Айрин. Уж ее-то в участии не обвинишь. Но я избегал Айрин, потому что… как сказать-то… все эти годы она мне чуть-чуть нравилась, и теперь это казалось непристойным. Я вдруг невзлюбил ее.

Ну вот, я приходил первым и тотчас запирался в своем кабинете. Следом являлась Нандина — я догадывался, что это она, поскольку сестра всегда была ранней пташкой. Затем прибывали Чарлз, Пегги и самой последней — Айрин. Из приемной доносились голоса, смех, телефонные звонки. Потом Пегги осторожно скреблась в мою дверь:

— Аарон, ты там?

— Угу.

— Кофе готов. Принести?

— Нет, спасибо.

Мешканье. И тихие удаляющиеся шаги.

Я вовсе не собирался входить в семейный бизнес. На другом краю континента я учился в Стэнфордском университете и мечтал идти по жизни своим путем. Но чуть ли не в день моего выпуска отца хватил первый инфаркт, и он попросил меня возглавить издательство — мол, пока он не оклемается. Теперь вот оглядываюсь назад и понимаю, что позволил себя одурачить. Как выяснилось, Нандина прекрасно справлялась с делами. Наверное, мне просто льстило, что во мне нуждаются. И потом, никаких особых планов у меня не было, да и специализировался я на филологии.

Во времена моего прадеда контора наша именовала свою деятельность «изданием пробы пера», что было эвфемизмом «издания за счет автора». Даже сейчас мы не выпячиваем этот аспект, хотя «проба пера» давно сменилась «самодеятельным творчеством». Однако суть осталась неизменной. Авторы платят *нам*, и почти все они в штыки встречают мою редакторскую правку, которая, уж поверьте, отнюдь не помешала бы их опусам.

Когда в интернете расплодились все эти заказ-

ные издания, я вполне мог остаться без работы. Если бы не Чарлз. Наш торговый агент, он единолично придумал серию «Все для дилетанта»: «Дилетантская карта вин», «Дилетантский месячный бюджет», «Дилетантская дрессировка собак». Нечто из разряда руководства для «чайников», только у нас все было подано очень достойно, без игривого задора. И полиграфическая культура была несравнимо выше: необрезные страницы, твердый переплет, дорогая глянцевая суперобложка. Кроме того, мы были очень дотошны, порой, на мой взгляд, излишне. (Возьмите, скажем, «Дилетантский шкафчик со специями».) Вот в чем, собственно, идея: если двигаться маленькими шагами, посильно все, даже наисложнейшие жизненные задачи. Не «Поваренная книга для дилетанта», но «Дилетантские супы», «Дилетантские десерты» и «Дилетантский званый ужин», которые помогут читателю в организации идеального застолья во всем, начиная со списка продуктов. Не «Дилетантский уход за ребенком», но «Дилетантская борьба с детской кишечной коликой» — наш скромный бестселлер, тираж которого со дня выхода книги постоянно допечатывается.

Я редактировал, Айрин работала над дизайном,

хотя и говорила, книжки эти для «ботаников». Чарлз как одержимый занимался сбытом. Рано или поздно эта серия всех нас озолотит, уверял он, но пока что никто не разбогател.

Наше издательство частенько называли «Дилетант», но, разумеется, не официально, избави бог. Подобное имечко не внушает доверия. Нет, мы — «Издательство Вулкотта», слова набраны мелким изящным готическим шрифтом, некогда очень модным. (В «дилетантской» серии наше название печаталось только на обложке, ибо на корешке оно не умещалось.)

В первые дни после смерти Дороти я редактировал «Дилетантское наблюдение за птицами». Как обычно, для создания исходника мы наняли специалиста, орнитолога из Мэрилендского университета, и, как всегда, получили неудобоваримую глыбу информации, которой я пытался придать форму.

У меня выработался один прием: я представляю себе конкретного читателя — это вроде того, как опытный оратор адресуется к конкретному слушателю. На сей раз я вообразил девушку, тайно влюбленную в молодого человека, который пригласил ее понаблюдать за птицами. Это будет их первое свидание. Разумеется, она не

знает латинских названий пернатых (хотя наш специалист напихал их целую кучу), однако надо подсказать ей, как одеться, что с собой взять, о чем спрашивать. Или во время наблюдения нужно хранить молчание? Ну конечно, специалист об этом ни словом не обмолвился. Несколько раз я ему звонил и консультировался, делая пометки на полях. А затем сокращал, сокращал и сокращал текст. Но тогда книжка получалась слишком тонкой, и я вновь звонил орнитологу.

В конце рабочего дня я убирал рукопись в стол, брал трость и, остановившись перед дверью, расправлял плечи, напуская на себя жизнерадостный вид, не отягощенный никакими воспоминаниями. Затем открывал дверь и выходил в приемную.

— На сегодня все, Аарон?

— Как там птички поживают?

— Поехали ко мне, вместе поужинаем.

Последняя реплика исходила от Нандины, у которой был свой кабинет (гораздо просторнее моего), однако всякий раз, как я уходил с работы, она оказывалась в приемной.

— Да нет, я, пожалуй, домой, — говорил я. — Но все равно спасибо.

Пегги на меня таращилась, комкая в руках кру-

жевной платочек. От смущения весь в красных пятнах, Чарлз сидел, вперившись в компьютер. Айрин, развалившись в кресле и склонив голову набок, оценивала, насколько мне худо.

— Всем пока! — прощался я.

И, отворив тяжелую дубовую дверь, наконец-то выбирался на улицу.

На крыльце моего дома меня ждали съестные подношения. Я думаю, меж собой соседи установили нечто вроде очередности, но явно переоценили мой дневной рацион. Рядком стояли полуфабрикаты в фольге, готовые блюда в пенопластовых коробках и стеклянных жаропрочных кастрюльках (которые, черт бы их побрал, предстояло вымыть и вернуть), все снабженные именными ярлычками, чтоб я знал, кого благодарить. *Думаем о тебе! Ашеры.* И вот еще: *В упаковке разогреть при темп. 350°, пока не потемнеет и не забурлит. Мими.* Я отпирал входную дверь и транспортировал все дары в прихожую. Затем поочередно переносил их в кухню, всякий раз оставляя трость, если требовались обе руки, дабы не разлить что-нибудь жидкое. Все складывал на столешницу возле раковины, а затем пополнял список дарителей, уже приближавшийся к краю листа. *Сью Борден — фаршированные яйца, Ян*

Миллер — что-то с карри. Вычеркнутые имена означали, что письменная благодарность уже принесена.

Не забыть прикупить почтовых марок. Последнее время их уходило много.

Зарегистрировав все блюда, я отправил их в мусорное ведро. Терпеть не могу выбрасывать еду, но иного выхода нет, поскольку холодильник забит под завязку. А посему долой куриный салат, долой запеканку, долой томаты в соусе песто. Можно сказать, с крыльца прямиком на помойку, минуя посредника в виде кухонного стола. Порой я рассеянно хватал куриную ножку или свиное ребрышко и грыз, не прекращая своей работы. Ополаскивая стеклянное блюдо для выпечки, мокрыми руками я отщипывал куски от чизкейка, примостившегося на краю раковины, и хотя я не восторге от чизкейков, этот заметно уменьшался в размерах. А потом я вдруг пресытился, заныли зубы, как от избытка сладкого, хоть я даже не присел к столу.

Я вытер блюдо и отнес его на крыльцо, сопроводив запиской «Мими». Спускались прозрачные зеленоватые сумерки, какие бывают на закате летнего дня, слышался ребячий гомон, из проезжавших машин доносились обрывки мелодий. Я

вернулся в дом и запер дверь.

Настал черед корреспонденции, скопившейся на полу в прихожей и представлявшей угрозу жизни и здоровью всякий раз, как я через нее переступал. Я собрал всю почту и понес ее в кухню, которая теперь служила и гостиной. Планы по превращению в гостиную гостевой комнаты так и остались планами. Кухонный стол по совместительству исполнял обязанности письменного: на одном его краю рядком расположились чековая и адресная книжки, всякие канцелярские принадлежности. О, я прекрасно справлялся с рутинными делами. Счета оплачивал в день их поступления, не затягивая до крайнего срока. Каталоги и рекламные листовки тотчас отправлял в корзину для макулатуры. Вскрывал и внимательно прочитывал все письма с соболезнованиями, надеясь, что в них вдруг откроется какая-нибудь черточка Дороти. Вот, например, письмо ее коллеги: *Доктор Росалес была врачом высочайшего уровня, ее будет очень не хватать нашему Рентгенологическому центру.* Еще одно впечатление, очень мне приятное. Или вот письмо бывшей пациентки: *Я ужасно опечалилась, когда в газете прочла о ~~смерти вашей~~ ~~о вашей утрате~~ докторе Росалес. После операции ~~по удалению груди~~ она*

меня очень поддерживала, отвечала на все мои вопросы и относилась ко мне ~~как к нормальному к обычному~~ уважительно. Наверное, женщина по ошибке отправила черновик, но это было даже лучше, потому что в нем сквозили искренние чувства. В моей жене она ценила те же качества, что и я: деловитость, отсутствие снисходительности. Вот такую Дороти я полюбил.

На каждое послание я отвечал сразу:

Уважаемый доктор Адамс, Большое спасибо за Ваше письмо. Вы очень добры.

Искренне, Аарон Вулкотт.

Уважаемая миссис Эндрюс, Большое спасибо за Ваше письмо. Вы очень добры.

Искренне, Аарон Вулкотт.

Затем отписывал команде фуражиров:

Дорогая Мими, Большое спасибо за твою запеканку. Очень вкусно.

Искренне, Аарон.

Дорогие Ашеры, Большое спасибо за ваш чизкейк. Очень вкусно.

Искренне, Аарон.

Далее — работа по дому. Дел, чтоб отвлечься, хватало.

Сперва — подмести пол в прихожей. Работа нескончаемая. Проснувшись утром и вернувшись с работы вечером, я видел, что прихожая вновь усыпана известкой и кусками штукатурки. Иногда к ним добавлялись катыши серой пыли. Они-то откуда берутся? Видимо, из отжившего свой срок утеплителя, подумал я и, перестав махать веником, глянул на стропила. Но тотчас отвел взгляд, словно увидел чьи-то внутренности.

Потом стирка, четко дважды в неделю: в один день — белое, в другой — цветное. В первую стирку белого меня ошпарило одинокостью. В закладке оказались две рубашки Дороти, ее благоразумные хлопчатобумажные трусы и ситцевая пижама. Все это надо было выстирать, высушить и, уложив в соответствующий комодный ящик, аккуратно расправить. Однако следующие стирки прошли уже легче. Дело-то привычное. У нас было заведено, что стирает тот, кому первому

захотелось чистого белья, и чаще всего им оказывался я. Сейчас я охотно спускался в прохладный сумрачный подвал, где не было ни малейших следов дуба. Иногда, уже загрузив мокрые вещи из машины в сушилку, я так и стоял, положив ладони на крышку аппарата и ощущая его вибрацию и набегающее тепло.

Затем — прибрать в кухне и спальне. Работа неутомительная. В нашей семье беспорядком заведовала Дороти. Я уже собрал ее разбросанную одежду, спрятал ее расческу и пилюли от сенной лихорадки в лекарственный шкафчик. Выбросить все это я не решался. Пока что.

За вечер несколько раз звонил телефон, но я смотрел на определитель номера, прежде чем снять трубку. На звонки Нандины я отвечал. А то еще захочет удостовериться лично, что я все еще среди живых. Но если звонили Миллеры, настырно звавшие на симфонический концерт, или вечная Мими Кинг… К счастью, я сообразил отключить автоответчик. Поначалу он работал, и меня снедала вина за неотвеченные звонки, но потом я вспомнил о кнопке «выкл.».

— У меня все хорошо, — говорил я сестре. — Как *ты* поживаешь? Ведь мы не виделись аж с пяти часов.

— Я не представляю, как ты там выдерживаешь, — сокрушалась Нандина. — Хоть есть где присесть? Чем ты заполняешь вечера?

— У меня много мест для посиделок и уйма всяческих занятий. Например, вот прямо сейчас… Ой! Извини, дела!

Я вешал трубку и смотрел на часы. Неужели только восемь?

Я подносил циферблат к глазам, проверяя, что секундная стрелка движется. Она двигалась.

Иногда звонили в дверь. О, как я ненавидел этот звонок с его мелодичным «динь-дон». В голосе его слышалось что-то церковное, что-то заносчивое. Не открыть было нельзя, поскольку меня выдавала машина, припаркованная перед домом. Вздохнув, я плелся в прихожую. Чаще всего визитером оказывалась Мэри Клайд Раст. Джим, кстати, не приходил. Он как будто не знал, о чем со мной говорить, а вот Мэри Клайд ничуть не терялась:

— Я понимаю, Аарон, ты не расположен к общению, поэтому даже не буду входить. Просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. У тебя все хорошо?

— Все прекрасно, спасибо.

— Вот и славно. Рада это слышать.

Мэри Клайд энергично кивала и, развернувшись на каблуках, уходила прочь.

Я предпочитал тех соседей, которые меня избегали. Кто, утром выгуливая собаку, тотчас отводил взгляд, заметив меня на крыльце. Кто, собираясь ехать на работу, сразу отворачивался, когда я садился в свою машину.

Однажды вечером я, откликнувшись на дверной звонок, на пороге увидел бочкообразного незнакомца с каштановой бородкой и копной седоватых волос.

— Гил Брайан, генеральный подрядчик, — представился он и всучил мне свою визитку. Влажные подглазья, блестевшие под светом фонаря, сообщали ему благонадежный вид, и только поэтому я не захлопнул дверь. — Это я залатал вашу крышу.

— Ах так.

— Гляжу, за починку вы еще не брались.

— Пока нет.

— Ну, теперь у вас моя карточка, если что.

— Благодарю.

— Наверное, сейчас вам не до ремонта.

— Хорошо, спасибо. — Я все же закрыл дверь, но осторожно, чтобы не вышло грубо. Мне понравилась его деликатность. Однако я бросил визитку

в фарфоровое блюдо, ибо нарочно не замечал дырявость крыши, как недавно не замечал врачей, выглядывавших в приемный покой. Вот как надо было ответить: «Какая еще крыша? С моей крышей все в порядке».

Я не разрешал себе укладываться в постель раньше девяти вечера. И настраивался перед сном почитать, зная, что усну не сразу. На тумбочке лежала толстая биография Гарри Трумэна, которую я начал еще до несчастья. Но с тех пор продвинулся не сильно. «Чтение уходит первым», — говорила моя мать, имея в виду, что горюющий мозг отторгает подобную роскошь. Она уверяла, что после смерти нашего отца не читала ничего серьезнее утренней газеты. Тогда ее слова казались мелодраматической позой, а сейчас я обнаружил, что в шестой раз перечитываю один и тот же абзац, но не понимаю его содержания. Веки мои тяжелели, и я испуганно вскидывался, когда соскользнувшая с одеяла книга падала на пол.

Я брал пульт, включал телевизор, стоявший на комоде, и смотрел, вернее, тупо пялился на все подряд: документальные фильмы, ток-шоу, рекламу. Я слушал бодрые голоса, скороговоркой поминавшие побочные эффекты лекарств, кото-

рые они впаривали.

— Ну да, ну да, — отвечал я. — Завтра же сбегаю куплю. Подумаешь, неудержимый понос, почечная недостаточность и внезапная остановка сердца!

Дороти злилась, когда я вот так разговаривал с телевизором.

— Перестань! — просила она. — Уши вянут от их болтовни!

В спальне стоял маленький телевизор, по которому иногда, готовясь ко сну, мы смотрели вечерние новости. Большой телевизор был на веранде. Старый «Сони Тринитрон». В больнице Джим Раст передал мне слова пожарного: телевизор-то, сорвавшийся с кронштейна, и размозжил грудь Дороти. Телевизоры этой марки ужасно тяжелые.

Одно время мы с Дороти подумывали купить современный телевизор с плоским экраном, но решили, что нам это не по карману. А если б купили, она была бы жива?

А если бы тот пациент явился на прием? К моменту, когда упало дерево, она бы еще не вернулась с работы.

А если бы она не пошла на веранду, но осталась в кухне…

А если бы я сказал: «Ну может, *я* отыщу твои крекеры», — и помог ей в поисках, а потом сидел бы рядом и смотрел, как она ими хрумкает…

Но нет, нет. Я надулся как индюк и уковылял в спальню, словно это так важно, что она не согласилась на сухарики.

О, как часто я ворчал на ее привычку повсюду оставлять использованные салфетки и кружки с недопитым кофе, на ее манеру ни в грош не ставить порядок и домашний уют. Господи, подумаешь!

А еще Дороти любила похвастать тем, что она — дипломированный специалист. С кем-нибудь знакомясь, никогда не представлялась по имени, но говорила «доктор Росалес», причем так, будто и сейчас на ней белый халат. (По правде, она редко с кем знакомилась, поскольку не видела смысла в приятельском общении.)

А эта ее любовь к тяжелым, чуть ли не ортопедическим ботинкам? Иногда они казались знаком самодовольства. Мол, вот какая я серьезная и высокодуховная — не чета всем вам.

Сейчас было приятно перебирать ее недостатки. И не только потому, что я удивлялся, как они могли раздражать. Я надеялся сохранить в себе это раздражение и тем самым изгнать тоску по

Дороти.

Однако не вышло.

Мне хотелось, чтоб она знала: в больнице я был неотлучно. Ужасно, если б она подумала, что я бросил ее одну.

И вот уж ее бы насмешили все эти соседские кастрюльки!

Я понял, *что* самое скверное в потере жены: чертовски хотелось ей обо всем рассказать.

Телевидение проникало в мои сны, если тревожное полузабытье можно назвать сном. Мне снились эскалация войны в Ираке и кампания Хиллари Клинтон по выдвижению ее кандидатом от демократов. Я ворочался на дистанционном пульте, и тогда вдруг кто-то вопил: «…нержавеющая сталь… двояковогнутые поверхности… отменное качество…» Я подскакивал и таращился во тьму, сердце колотилось бешено, во рту было сухо, как в пустыне. Я выключал телевизор, падал в кровать. Зажмуривался и сквозь зубы шептал: «Спи, черт бы тебя побрал!»

Вы, может, думаете, мне снилась Дороти? Нет. В лучшем случае иногда мнился легкий спиртовой душок, который она приносила с работы. Когда мы поженились и стали спать вместе, запах этот навевал яркие сны о детстве — визиты врача,

прививки и прочее. Нынче этот призрачный запах меня пробудил, и я даже раз-другой окликнул ее по имени.

Но ответа не получил.

Поток кастрюлек истончился, ручей сочувственных посланий зачах. Неужто люди так забывчивы? Да, конечно. Ведь ежедневно случались новые трагедии. Никуда не денешься.

Наверное, это выглядело бездушием, но я сходил к дантисту на полугодовой осмотр. И купил себе новые носки. Надо же — носки! Какая обыденность! Но старые-то все продырявились.

Как-то вечером позвонил мой приятель Нейт. «Н. Вайс» — высветилось на телефоне, и я решил ответить.

— Как дела, Нейт? — сказал я, не дожидаясь приветствия. Видимо, я допустил ошибку, ибо уловил легкое замешательство, и, когда Нейт ответил, голос его был необычно тих и печален.

— Здравствуй, Аарон.

— Ну что, завтра сыграем? — спросил я.

— Не понял?

— Сразимся в ракетбол? А то я превращаюсь в старика. Уже весь заржавел.

— М-м-м… я звоню, чтобы позвать тебя на ужин.

— На ужин?

— Да. Соня говорит, надо тебя пригласить. Кажется, Соня — его жена. Я никогда ее не видел. По-моему, он что-то о ней говорил, но мы не дружим домами. Мы партнеры по ракетболу. Познакомились в спортзале.

— В смысле, к вам домой? — уточнил я.

— Ну да.

— Как-то это… Я даже не знаю, где ты живешь…

— В районе Болтон-Хилл.

— Понимаешь… Нынче я работаю без продыху… Ты не поверишь, нет минутки, чтоб перекусить, и потом… холодильник забит д-д-до-верху… эти кастрюльки и чизкейки… Чтоб все это съесть, нужен в-в-вагон в-времени…

— Понятно.

— Но все равно спасибо.

— Пустяки.

— Передай Соне, я благодарен за беспокойство.

— Ладно.

Я хотел вернуться к теме ракетбола, но сообразил, что это будет странно, коль я так занят. И просто распрощался.

Не прошло и получаса, как телефон вновь зазвонил. «Л. Талл» — известил определитель

номера. Я ответил, но уже осмотрительнее:

— Алло?

— Привет, Аарон. Это Люк.

— Здравствуй, Люк.

— Не понимаю, почему ты не хочешь пойти к Нейту?

— Что, прости?

— Он говорит, ты отклонил его приглашение.

— Ты имеешь в виду Нейта Вайса?

— Ну да.

— Ты его знаешь?

— Мы познакомились в приемном покое, не помнишь? Когда заезжали тебя проведать.

Последнее время такое бывало часто. Хоть убей, я не помнил, что Люк и Нейт приезжали в больницу, и уж тем более что они там познакомились. Однако я не признался.

— Ах да, конечно.

— Нейт говорит, тебе, похоже, не до званых ужинов.

— Но я бы охотно сыграл в ракетбол. Прям до смерти хочется.

Повисла пауза.

— К сожалению, я не умею играть в ракетбол, — сказал Люк.

— Жалко.

— Я вот что подумал: если тебе еще тяжело переносить домашние застолья, когда там жены и все такое…

— Да нет же, нет, — перебил я. — Меня это ничуть не напрягает.

Опять пауза.

— И я подумал, — продолжил Люк, — может, встретимся в ресторане?

Он имел в виду *свой* ресторан, через который мы и познакомились во времена «Дилетантского питания вне дома».

— Отличная идея, Люк. Как-нибудь сговоримся…

— Только ты, я и Нейт, этакий мальчишник. Без жен. Пусть это будет ранний ужин, и ты свалишь домой, когда захочешь. Что скажешь?

И такой вариант меня не прельщал, но что я мог сказать? Он же хотел как лучше. Они оба хотели, от всей души. Не уверен, что я бы так старался, окажись на их месте. Мне ближе позиция «надо жить дальше». Или вот такая: «может, ты вообще забудешь о своей утрате, если ее не поминать».

По правде, я слегка сожалел, что у друзей моих позиция иная.

Да ладно, развяжусь с этим, и точка, решил я. Мы договорились встретиться завтра, сразу

после работы. Тот сентябрьский вторник выдался дождливым и ветреным. Лило не переставая, ехать было мучением. Вдобавок я намыкался, пока искал место для парковки. Когда я вошел в ресторан — белые скатерти, широкие половицы, этакий слегка потрепанный уют, — Нейт и Люк уже сидели за столиком. Они являли собой странную пару: Нейт — смуглый, лощеный, в официальном черном костюме, а слегка рыхлый в талии Люк — белесый, бледный, в заношенных брюках хаки. Судя по тому, как оба подались друг к другу, они легко нашли тему для беседы. И разговор явно шел обо мне. Как со мной обращаться, о чем говорить можно, о чем — ни-ни. Не успел я сесть, как Нейт наигранно бодро спросил:

— Как тебе погодка, а?

И встык последовал вопрос от Люка:

— Ты следишь за турнирным положением «Ориолс»?[2]

Меня подмывало ответить так же бойко и радостно.

— Знаешь, последнее время не слежу. — Я тотчас пожалел о своих словах, ибо сообразил, что меня поймут превратно.

---

[2] Сноски: 2

Балтиморская бейсбольная команда «Балтимор Ориолс».

Так и вышло.

— Ну конечно, сейчас у тебя голова занята другим, — сказал Нейт.

— Да нет, я к тому…

— Вы непременно должны отведать устриц! — вмешался Люк. — Мы дожили до месяцев с буквой «р»!

Вообще-то он человек очень спокойный, и было странно видеть его столь оживленным. Кроме того, Люк явно мучился тем, что праздно расселся в собственном заведении. То и дело он оглядывал другие столики, многозначительно вскидывал бровь, подавая знак официантам, и хмурился, через плечо Нейта посматривая на дверь кухни.

— Я рекомендую сырые устрицы, но, если хочешь, можно заказать… — Люк говорил рассеянно, а потом и вовсе замолчал, выслушивая коротышку в заляпанном фартуке, что-то шептавшего ему на ухо.

— …устрицы «Рокфеллер», — закончил фразу Нейт. — Вкуснотища! Их готовят с особым слоеным беконом, который получают из штата Нью-Йорк.

— Ты здесь уже бывал? — спросил я.

— Да, мы заходили на прошлой неделе, — сказал Нейт и вдруг слегка поморщился, но я не сразу

понял почему. Проговорился, что они с Люком уже встречались, дабы обсудить «проблему Аарона»? Однако, поразмыслив, я догадался, что его смутило местоимение «мы», а он продолжил, как будто поправляясь: — После нашего знакомства я надумал угоститься блюдами Люка.

Значит, они решили избегать всякого упоминания жен. Притвориться, будто их вообще не существует. Ну вот, извольте — Люк договорил с коротышкой и обратился к нам:

— Извините. У шеф-повара закончились бараньи отбивные, только и всего.

Но я-то знал, что здешний шеф-повар — его жена. В обычных обстоятельствах он бы сказал, что отбивные закончились у Джейн… Джоан… или как там ее, а то и познакомил бы с ней. Однако сейчас обстоятельства не обычные.

Я начал ерничать. Со мной это бывает. Чуть ли не в каждое предложение я вставлял слово «жена», бухавшее тяжелым булыжником.

— А жене твоей нравятся устрицы «Рокфеллер»? — спросил я Нейта.

Он заерзал.

— Она… э-э… не ест моллюсков.

— Что-то не припомню, — обратился я к Люку, — твоя жена стала шеф-поваром до или после

вашей женитьбы?

— Э-э… вообще-то до… Так, нужно определиться с вином! — Люк энергично замахал официанту.

Но вскоре я унялся, и разговор вошел в относительно спокойное русло. Нейт, оказавшийся чревоугодником, пустился в пространные рассуждения о разведении устриц и об источниках потомственно отборной свинины. Как ни странно, эти животрепещущие темы ничуть не заинтересовали Люка, который почти все время сосредоточенно оглядывал зал: кто что ест, насытился ли, всем ли доволен. Но вот ужин, слава богу, подошел к концу.

— Как-нибудь повторим! — на прощанье сказал Нейт, а Люк подхватил:

— Непременно! Сделаем это нашей традицией! Нет уж, лучше не надо. Но я ответил энергичным кивком и рукопожатием, поблагодарив хозяина, не пожелавшего взять с нас плату, за угощенье.

За встречу я не благодарил ни того ни другого. А то это выглядело бы признательностью за некое милосердие, в котором ничуть не нуждался.

Я поднял воротник пиджака, бодро отсалютовал тростью и с показной беспечностью сквозь ливень зашагал к машине.

Хотя самочувствие, честно сказать, было пар-

шивое.

Фонарь над крыльцом включался автоматически, но, похоже, в нем перегорела лампочка. В дождь это было чертовски некстати. Пока шел к дому, я дважды угодил в лужу и намочил штанины. Я отпер дверь и, просунув руку внутрь, нашарил выключатель в прихожей, но и там лампочка перегорела. Я хотел распахнуть дверь, однако что-то мешало. Меня насторожил непонятный скрежет. Я вгляделся в темную прихожую — на полу белела какая-то дрянь. Ногой я ее наподдал. Камушки? Нет, куски штукатурки. Я навалился на дверь и открыл ее шире. Глаза уже обвыклись с темнотой. Прихожая была завалена штукатуркой, хорошо заметной на темном полу. Теперь я учуял, что воздух удушливо пахнет известкой. Сразу запершило в горле. А в глубине дома слышалась размеренная капель.

Я затворил дверь. На пути к машине я снова угодил в те же самые лужи. Уселся за руль, но еще пару минут собирался с мыслями. Потом судорожно вздохнул и вставил ключ в замок зажигания.

Вот как вышло, что я перебрался к сестре.

4

В районе Виндхёрст Нандина обитала в доме нашего детства — квадратном строении под бурой кровельной дранкой. Хоть и в дождь, дорога заняла не больше пяти минут. Я даже пожалел, что путь так недолог. Припарковавшись, я еще минуту-другую оставался в машине, обдумывая, что скажу сестре. Признаваться в плачевном состоянии дома не хотелось, ибо Нандина уже давно зудела — а не пора ли заняться ремонтом. Если же без всяких объяснений возникнуть на пороге и попроситься в свою старую комнату, сестра решит, что у меня нервный срыв или чего хуже. Кинется хлопотать и утешать. *Взбудоражится*.

М-да. Порой сестра меня удивляла. Она открыла дверь и мгновенно все поняла, увидев мои слипшиеся на лбу волосы, промокшую одежду и хлопья побелки, приставшие к обшлагам брюк.

— Заходи и встань на коврик, — велела Нандина. — Я принесу полотенце.

— У м-меня немного натекло в прихожей, — сказал я.

— Разуйся и оставь ботинки в коридоре.

— Я подумал, что одну ночь можно….

Нандина уже скрылась в кухне. С меня капало на коврик, а я стоял и вдыхал запахи детства — мастики и заплесневелых обоев. Из-за маленьких, странно расположенных окон и тяжелых драпировок даже днем дом казался мрачным, а сейчас был настолько темен, что хотелось проморгаться, дабы лучше видеть.

— Сними ботинки-то, сколько раз говорить? — Дождавшись, когда я разуюсь и отстегну фиксатор, Нандина подала мне линялое посудное полотенце. Такие полотенца с календарем у нас висели над кухонным столом. На этом значился 1975 год. Я промокнул лицо и вытер голову. — Где твоя трость?

— Не знаю.

— Забыл в машине?

— Наверное.

— Какую-нибудь одежду с собой захватил?

— Нет.

Сестра подошла ближе, но руку предлагать не стала — знала, что я этого не люблю, и мы потихоньку двинулись в гостиную. От Нандины пахло шампунем. Она была в хлопчатобумажном домашнем халате. (Сестра из тех последних американок, кто после работы всегда переодевается

в домашнее.) Дождавшись, когда я усядусь на диван, Нандина сказала:

— Пойду посмотрю, не остались ли здесь твои тапочки.

Наверное, остались. Тут еще много чего моего. Когда я покинул отчий дом, мать ничего не выбросила из моей комнаты.

Нандина ушла наверх, а я откинулся на диване и уставился в потолок. В солидный старомодный потолок в кремовой штукатурке, с медальоном посредине, без единой трещинки, заметной глазу.

Вдруг вспомнилась машина моего соседа по университетской общаге — ржавый «шевроле», сумасбродно стрелявший выхлопами. В один прекрасный день рыдван сдох окончательно, и парень просто снял номера и ушел прочь, ни разу не оглянувшись. Вот и мне бы так поступить с моим домом. Не жалко абсолютно ничего. Пусть сгинет с лица земли. Ни одна жилка во мне не дрогнет.

Нандина вернулась с моими вельветовыми туфлями, о которых я совсем забыл. Потом сестра принесла мой фиксатор, и я его надел, прежде чем обуться.

— Ты ужинал? — спросила сестра.

— Да.

– *Аарон!*

— Что?

— Теперь скажи правду.

— Я съел полдюжины сырых устриц, крабовую котлету, картофельное пюре с чесноком, салат «зеленая богиня», яблочную тарталетку и выпил два бокала вина.

— Господи помилуй!

Я попытался скрыть самодовольство.

— Расскажи-ка, в каком состоянии твой дом, — сказала Нандина.

— Ну, в каком… — Я задумался. — Вроде как в прихожей потолок немного пропитался водой.

— Понятно.

— Ничего удивительного. Дождь лил всю ночь и весь день.

— Сдается мне… — начала сестра.

— Давай з-завтра п-поговорим, — перебил я. — А то я без сил. Моя кровать застлана?

— Разумеется.

Ну конечно, нечего и спрашивать. Я встал, делано зевнул и потянулся:

— Пора, пожалуй, на боковую. Извини, что заявился без уведомления. Обещаю, я обременю тебя на пару дней, не больше.

— Аарон! Оставайся хоть насовсем. И не надо мне никаких уведомлений.

Вот лишнее доказательство того, что я пребывал в полном раздрызге: предложение остаться насовсем показалось весьма соблазнительным.

Моя комната на втором этаже была рядом с комнатой Нандины. Сестра обитала в ней с самого детства, хотя было бы разумнее после смерти родителей перебраться в их комнату куда более просторную. С тех пор как я уехал на учебу, в комнате моей ничего не изменилось. На полках рядком стояли модели самолетов, под стереопроигрывателем — стопка виниловых пластинок: *U2*, Том Петти. Я надел старые пижамные штаны, которые нашел в комоде, и подошел к книжному шкафу — хотелось что-нибудь почитать перед сном. Но мне не повезло, там были только затрепанные сборники математических игр и логических головоломок. В детстве я их щелкал как орешки, но, бывало, заходил в тупик, словно упирался лбом в стену, и тогда жутко психовал, начинал швырять что ни попадя и крушить все подряд. Позже, вспоминая эти эпизоды, я видел себя со стороны: взбешенный подросток, волосы торчком, молотит рукою воздух, а мать пытается его сграбастать и безуспешно лепечет: «Аарон,

не надо. Это же просто развлечение. Передохни и начни заново, чего ты?»

Куда подевался весь этот пыл? Слава богу, теперь я совсем другой.

Одно время я увлекся фокусами. Днями напролет репетировал, а потом приставал к взрослым: «Возьмите любую карту. Мне не показывайте. Стоп! Ну зачем показали-то!»

Еще я мечтал стать эстрадным комиком. Заучивал анекдоты из журналов и затем опробовал их на родных: «Идет, значит, по улице человек, согнулся в три погибели, на спине тащит огромные напольные часы. Несет их, значит, в ремонт. Встречает он приятеля, тот ему… ему… говорит…»

И тут меня разбирал дикий смех. Ей-богу, мне казалось, что смешнее анекдотов не бывает. «А ты не пробовал, говорит приятель, не пробовал…»

От смеха я задыхался и стонал. Из глаз текли слезы, сводило живот, а слушатели мои, дядюшки и тетушки, лишь недоуменно улыбались.

«Ты не пробовал купить *наручные* часы?» «Что-что?» — не разбирала аудитория, ибо я уже был неспособен к членораздельной речи. Но повторить реплику я не мог, поскольку от смеха катался по полу.

Теперь и эту сцену я видел со стороны: парень что-то бессвязно лопочет и, согнувшись пополам, заходится безудержным смехом.

Неудивительно, что я не обзавелся детьми. Они бы нагнали тоску.

Когда я ухаживал за Дороти, о детях мы почти не говорили. Кажется, раз-другой она обмолвилась, что дети ее не интересуют, но обсуждением вопроса это не назовешь. Стало быть, потомства не будет, поскольку Нандина в ее возрасте вряд ли выйдет замуж. Наш род закончится нами.

Может, оно и к лучшему, думал я.

— Ты не понял, что все изменилось, — рассказывала мать. — Из больницы ехал такой счастливый, все егозил, радовался, что возвращаешься домой. Мы с отцом глазом моргнуть не успели, как ты соскочил с сиденья…

— Я не хочу этого слышать, — сказал я.

— …а нога твоя подломилась, и ты со всего маху грохнулся на тротуар. Но не заплакал. Хочешь улыбнуться, а у тебя только половинка рта слушается, и ты смотришь так растерянно, но все равно пытаешься…

— Мам, не надо! Сказал же, я не хочу этого слышать.

Матушка порой бывала раздражающе бестол-

ковой. Я понимаю, она хотела как лучше, но я, похоже, только и делал, что ее осаживал: не надо! уйди! я сам! Не было случая, чтоб она не крикнула мне вслед:

— Не забудь трость!

— Она мне не нужна.

— Нет, нужна. Вспомни, что давеча случилось на стадионе «Мемориал».

Я стискивал зубы и, отвернувшись, ждал, пока мать принесет мою трость.

Она умерла в 1998-м, всего через полгода после отца. Обоих скосил инфаркт. Теперь вспоминаю мамину хлопотливость, и она не раздражает. Напротив, трогает. Но если б сейчас матушка объявилась и стала пенять, почему это улегся в майке, которую носил днем, я бы опять рявкнул: «Отстань, сказано! Мне хорошо!»

Впервые после смерти Дороти я уснул почти мгновенно. Мне приснилось, что Джимми Вантидж по-прежнему живет по соседству, хотя он переехал еще в конце седьмого класса. Мы пошли искать черепах в парке «Каменистый ручей». Но Джимми шел так быстро, что я за ним не поспевал. Потом я уже просто полз по тротуару и кричал, чтоб он меня подождал. Это странно, обычно в своих снах я абсолютно здоров. И чуть

ли не летаю. Однако в этом сне я корчился и задыхался. Утром на миг показалось, что у меня еще саднит ладони, стертые о тротуар.

Я знаю, кого надо вызвать, сказала Нандина, «Кровельщиков в цилиндрах». Когда-то они перекрыли нам крышу и, конечно, поймут, что нынешний заказ — первоочередной.

— Сегодня же им позвоню. А ты свяжись со страховщиком. Или уже связался?

— М-м-м…

Нандина одарила меня взглядом, полным долготерпения, — дескать, чего от тебя, увальня, ждать-то? Я не люблю этот взгляд. В кухне мы завтракали кукурузными хлопьями с чаем — наше традиционное семейное меню, которое я уже давно поменял на кофе и тосты. В блокноте сестра составляла список дел на день. Этот блокнот я тоже не люблю.

— Не хлопочи, — сказал я. — У меня все под контролем.

— Можно узнать, что — все?

— Ну, страховщик, крыша… И одной крышей дело не обойдется. Ты-то не в курсе. Тут нужен генеральный подрядчик.

— Есть такой на примете?

— Конечно.

Сестра смотрела недоверчиво.

— Зовут его… Его зовут… — тянул я, словно брал разбег для тройного прыжка, — Гил Брайан. — Имя всплыло, когда я припомнил влажные блестящие подглазья. — Сегодня позвоню ему и скажу про потолок в прихожей.

— Ну что ж, ладно. — Нандина как будто огорчилась.

Я настоял, чтобы в город мы ехали каждый на своей машине:

— А то вдруг ты раньше освободишься?

— Ничего, я под тебя подстроюсь.

— И потом, я, наверное, заеду к себе — кое-что забрать.

— Хочешь, я с тобой?

— Не надо.

Честно говоря, я не собирался к себе заезжать. В комоде и шкафу было полно моей старой одежды, а я вовсе не привередлив. Мне сгодятся и растянутые мальчиковые трусы, и джинсы с высоковатым поясом, и рубашка «оксфорд», которую я носил еще в восьмом классе. Говорят, «оксфорд» моден во все времена, но у этой был мягкий воротничок. Да бог-то с ним. Бриться можно одноразовыми станками, которые нашлись у сестры в ванной. Вообще-то я бреюсь электробритвой. В

обеденный перерыв надо будет купить новую.

Впервые я осознал, что не могу видеть свой дом, — мне легче купить новую электробритву, чем из ванной забрать старую.

Приехав на работу, я закрылся в кабинете и оставил сообщение на дежурном телефоне страховой компании, поскольку никогда не обращался к своему агенту и даже имени его не помнил. Затем в поисковой строке набрал *гил брайан подрядчик балтимор*. Гила не нашлось, однако интернет предложил «Подрядную компанию братьев Брайан». Я набрал указанный номер, и мне ответил живой человек.

— Ал-ло? — чересчур громко произнес мужской голос.

— «Братья Брайан»?

— Ага.

— Гил Брайан?

— Не-а.

— Но у вас есть Гил Брайан?

— Ага.

— Могу я с ним поговорить?

— Отлучился.

— Можно оставить ему сообщение?

— Лучше я дам его мобильник.

Я записал номер, но сразу не позвонил. Разговор

с другим Брайаном меня утомил.

А что, если дом продать? Выставить на продажу как «требующий ремонта»? (Точно!) Можно кому-нибудь заплатить, чтоб собрал мои пожитки, чтоб сам я туда носу не казал. Наверняка кого-нибудь можно нанять. А я сниму себе квартиру с обстановкой. Если с ней что не так, всегда можно снять другую.

«Наблюдение за птицами» отправилось к Айрин, а я редактировал очередной заказ — «Мою войну» Джорджа С. Хогана-старшего. Меж собой мы ее называли «Битва чертовой дюжины». Почему столько мужчин считают военную службу главным событием своей жизни? Они могут дожить до девяноста с гаком, не раз жениться и наплодить кучу детей, добиться немалого успеха в профессии, однако наиважнейшим своим опытом назовут Вьетнам, Корею или высадку в Нормандии. В случае с мистером Хоганом постичь это было особенно трудно, поскольку его личная война выглядела скукой зеленой. *Моего лучшего друга по службе звали Сай Хелм. Классный был парень. О лучшем приятеле, чем старина Хелм всегда говорю я, нельзя и мечтать.*

Я вставил запятую после «старины Хелма» и больше ничего не трогал. Это наше правило в

работе с заказами. (Некоторые авторы возражают даже против запятых.) Одолев еще три страницы, я потер глаза, потянулся и пошел за кофе.

Чарлз раскладывал пасьянс в компьютере. Коренастый, с вечно красным, помятым лицом, он был немного старше всех нас и работал по какому-то загадочному графику, в который никто не вмешивался. Айрин куда-то свинтила, Пегги наполняла сливочник.

— Ох, бедняжка Аарон, слыхала я про твой потолок, — сказала она.

Я бросил злобный взгляд на кабинет Нандины.

— Кого думаешь нанять? — спросила Пегги.

— Одного мужика.

— А то я знаю хорошего…

— Не надо, все уже решено, — сказал я и, подумав, что это вышло грубо, добавил: — Однако спасибо.

Но Пегги ничуть не обиделась и ручкой вперед подала мне сливочник:

— Как продвигается книга мистера Хогана?

— Сейчас читаю о его классном дружке. Очень классном. Таком, знаешь, классном-прекласс-ном.

Пегги с готовностью улыбнулась. Чувство юмора у нее отсутствовало напрочь — если, конечно,

не считать ее нарядов в кукольном стиле, что, по-моему, могло сойти за юмор. А я уже завелся:

— Но могло быть и хуже. Типа «Мои годы в городском совете». Это мой эталон.

— А я голосую за «Жизнь адвоката по недвижимости», — из дальнего конца приемной встрял Чарлз, не отрываясь от компьютера.

— Отличный кандидат. Как же я о нем забыл?

— А ты помнишь нашу «Дилетантскую перепланировку кухни»? — спросила Пегги.

— Ну да… — промямлил я. Не скажу, что книжка эта засела у меня в памяти.

— Я подумала, она тебе пригодится, раз ты затеваешь ремонт.

— Что? Руководствоваться нашей собственной книжкой?

Пегги серьезно кивнула.

— Господь с тобой, наши книги не задумывались как инструкция.

— Разве нет?

— Ну, как настоящая инструкция. Скорее это… сувенир. Мелочь, какую даришь знакомым.

— А вот в «Перепланировке кухни» сказано, что с подрядчиком надо все оговорить еще до начала работ. По-моему, это полезно.

Между прочим, за безличным «сказано» скры-

вались я и дизайнер-пенсионер из округа Анн-Арандел.

— Да, верно, — буркнул я и, захватив кофе, направился в свой кабинет, вовсе не собираясь следовать совету Пегги.

— Прежде чем условиться о цене, напомни ему о рынке спроса, — вдогонку мне крикнул Чарлз. — Или сбыта? Что-то из них.

— Ладно.

Мистер Хоган описывал полевые учения. *Смит и Доналдсон расположились ярдах в пятидесяти слева от меня, а Мерритт и Хелм засели в леске от меня справа, но их скрывала глубокая впадина, тянувшаяся ярдов на двести к северо-северо-востоку…*

Взгляд мой съехал на книжный стеллаж. Дилетантская серия занимала несколько полок — разноцветье блестящих корешков одинакового размера. Книжки стояли по датам их выхода, от первых до последних. «Перепланировка кухни», выпущенная несколько лет назад, была на верхней полке. Я ее достал.

«Знать, что вам нужно» — так называлась первая глава. (*Где вы шинкуете и строгаете в вашей нынешней кухне? Погодите, а вы этим занимаетесь вообще?*) Вторая глава — «Переговоры с

подрядчиком». Все остальное выглядело излишне детальным планом по размещению временной кухни в свободной ванной комнате.

Я вернулся к столу и начал читать главу о подрядчике. Оказалось, наиважнейшим элементом был контроль. *Не воображайте, что после своих указаний вы можете отдыхать, дав подрядчику вольную. Известите его или ее, что в конце каждого рабочего дня вы будете проверять результаты. Потребуйте, чтобы он или она представили письменный график, где будут указаны точные даты завершения тех или иных работ. Договоритесь о еженедельных встречах, на которых вы будете знакомиться с его или ее отчетом о текущих расходах.*

С этим «он или она» напортачила Нандина, хотя в целом с редактурой справилась. Начать с того, что сестрица не умеет формулировать. Умнейшая женщина, но в формулировках ни черта не смыслит.

Я заложил пальцем страницу и снял телефонную трубку. Набрал номер Гила Брайана.

— Алло? — ответили мне.

Этот хоть не гаркнул, как тот в конторе. Человек говорил нормальным голосом, фоном слышался рокот какого-то мощного механизма.

— Гил Брайан? — спросил я.

— Да.

— Говорит Аарон Вулкотт, владелец дома на Румор-роуд, г-г-где…

Глупо, но я не мог справиться со словами.

— Где упало дерево, — сказал Гил Брайан. — Понятно.

Но даже с его помощью продолжить я не мог. Не знаю, что случилось. Подступили слезы, я боялся, что голос мой сорвется.

— Надумали заняться ремонтом? — помолчав, спросил Гил.

Я сглотнул.

— Да.

— Если хотите, могу подъехать и взглянуть.

— Я в другом месте. — Я прокашлялся.

— Тогда, может, позже, после работы?

— В смысле, меня там не бывает. Я живу у сестры. Давешний дождь одолел заплатку, и в прихожей обвалился потолок.

Гил Брайан присвистнул.

— Я вот подумал, не могли бы вы заехать по адресу сестры, где-нибудь в половине шестого? Я бы отдал вам ключ, и вы бы все осмотрели.

— То есть один, без вас?

— Да.

Возникла пауза.

— Отчего же, можно и так, — сказал Гил. — Но все-таки лучше с вами.

Я промолчал.

— Ладно, съезжу один.

— Спасибо.

— Речь только о крыше? Или о комнатах тоже?

— Обо всем. Я не знаю. Посмотрите там. Как вы решите.

— Обо всем? И в какие сроки?

— Понятия не имею. Да сколько понадобится.

Я продиктовал адрес Нандины, повесил трубку и отправил «Дилетантскую перепланировку кухни» обратно на полку.

На половину шестого я назначил встречу умышленно — в это время Нандина еще не вернется с работы. Сестра считала делом чести уходить из конторы последней. Стало быть, она не сможет встревать в мой разговор с подрядчиком и не узнает, что это наша *первая* встреча по делу.

Но, похоже, сестрица моя обладает сверхъестественным шестым чувством, иначе как еще объяснить, что в пять пятнадцать она, стукнув в дверь, просунулась в мой кабинет:

— Я ухожу. Увидимся дома.

— Уже уходишь?

Нандина повесила сумку через плечо:

— Я все сделала. Как раз дошла до конца главы.

К моему возвращению она уже готовила ужин. Когда звякнул дверной звонок, следом за мной сестра вышла в прихожую, вытирая руки о передник, надетый поверх домашнего халата.

Запачканная пропыленная одежда придавала подрядчику вид человека, чей день прошел в тяжких трудах, но подглазья его все так же влажно блестели, что опять расположило к нему.

— Входите, мистер Брайан, — сказал я.

— Гил, — поправил он.

— Хорошо, тогда и я — Аарон.

Мы пожали руки. Ладонь у него была как бейсбольная перчатка. Нандина все еще торчала в прихожей, и мне пришлось ее представить:

— Моя сестра Нандина. — Затем я коротко отрекомендовал Брайана: — Подрядчик.

— О как, — сказала сестра и, попятившись, скрылась в кухне.

— Пойдемте в комнату, — пригласил я Гила.

— Да нет, я весь грязный. Возьму ключ и поеду.

Я достал из кармана ключницу и, отцепляя ключ, спросил:

— Вы прямо сегодня хотите осмотреть дом?

— Да, собирался.

— Боюсь, там нет электричества.

— Ах так. Ладно, съезжу утром, осмотрюсь при дневном свете. Давайте я загляну к вам завтра в это же время, когда буду знать, что оно и как.

— Чудесно. — Я отдал ключ.

— Значит, осматривать все?

— Весь дом целиком. Составьте список повреждений.

— Ну ладно, — сказал Гил, но я видел, что он озадачен моим поведением.

Мы вновь пожали руки, и подрядчик ушел. Тотчас из кухни выглянула Нандина:

— Однако вы быстро.

— Он просто забрал ключ.

Похоже, ответ ее удовлетворил, она кивнула и вернулась к готовке. Но за ужином спросила:

— А как ты вышел на этого подрядчика?

— Через Джима Раста.

Сестра накренила голову, словно человек, уловивший фальшивую ноту у певца:

— Джим Раст сам пользовался его услугами?

— Ну да, конечно, — ответил я, хотя не знал точно. — Все уже решено, Нандина. Не суйся не в свое дело.

— Ах, извини, пожалуйста!

Ужин прошел в молчании.

На следующий вечер никто мне не мешал, я поджидал гостя один.

— Привет, — сказал я, когда Гил позвонил в дверь. — Заходите.

В этот раз он был во всем чистом — свежая рубашка, отглаженные штаны хаки, — и мы вдвоем уселись на диване, Гил на одном краю, я на другом. Мне очень понравилось, что он пришел с белой скрипучей папкой. Сразу виден профессиональный подход. Гил открыл папку и на журнальном столике веером разложил листки, исписанные удивительно мелкими печатными буквами.

— Значит, вот что мы имеем, Аарон, — сказал он.

И опять мне понравилось, что он назвал меня по имени. Я ужасно не люблю работяг, которые упрямо величают тебя «мистером», хотя ты просил обойтись без официоза.

— Насчет электричества вы были правы. Вода просочилась аж до подвала, и проводку замкнуло. Для ремонта я позову «Энергетиков Уоткинса», но они смогут этим заняться лишь после того, как…

Хлопнула входная дверь, донесся голос Нандины:

— Аарон, ты дома?

Черт!

Сестра возникла в дверях гостиной:

— Ой!

Гил поднялся:

— Здравствуйте.

— Добрый вечер.

— Мы тут занимаемся расчетами. — Я послал сестре недвусмысленный взгляд.

— Хорошо-хорошо, не буду вам мешать, — сказала Нандина и поспешно отступила в коридор.

— На чем мы остановились? — спросил я. Гил сел и просмотрел свои записи.

— Сильнее всего пострадал чердак, кое-где придется заменить стропила. Новая, разумеется, кровля, новый утеплитель; такая же история с потолками кухни и прихожей, со шкафами по западной стене. И вытяжку надо делать заново. С ней, заразой, всегда морока. Так, что касаемо веранды…

— А нельзя ее убрать? — спросил я.

— Не понял?

— Убрать веранду совсем, снести. Она и так вся разломана, и потом, это же пристройка, первоначально ее не было…

— Не хотите чем-нибудь освежиться? — Теперь Нандина появилась из столовой.

— Нет, — отрезал я.

— А вы, мистер Брайан?

— Гил, — сказал подрядчик и опять встал. — Спасибо, нет.

— Может, холодного пива?

— Нет, благодарю.

— Бокал вина?

— Нет, но все равно спасибо.

— Крепче ничего нет. — Нандина прошла в гостиную и уже изготовилась плюхнуться в кресло, словно тема выпивки требовала всестороннего обсуждения. — Конечно, по такой погоде лучше всего джин с тоником, но вот…

— Нандина! — прикрикнул я.

— Что?

— Не беспокойтесь, — сказал Гил. — Я вообще не пью.

— Ах вон как.

— Я в обществе Анонимных алкоголиков. — Гил выпрямился, как будто даже с вызовом, но теребившая бородку рука выдавала его смущение.

— Ой, извините, пожалуйста, — сказала Нандина.

— Ничего, пустяки.

Я уже был готов к тому, что теперь Нандина разовьет тему безалкогольных напитков, но Гил

ее опередил:

— Мы тут говорили о веранде. Аарон просит ее снести.

— Снести? Совсем?

— Такое вот желание заказчика.

— Что за ерунда? — Нандина посмотрела на меня: — Дом сразу упадет в цене.

— Какое мне дело до его цены? — сказал я.

— Сам-то дом крошечный. С верандой он больше.

— Нандина, хватит, а? У нас тут деловой разговор.

— Ты зол на веранду, вот и все.

— Чего?

— Ненавидишь ее за то, что там случилось.

— Господи боже мой, твое-то какое дело?

— У меня есть одна мысль, — вмешался Гил. Он заговорил очень спокойно и веско, как будто вел международные переговоры: — Что, если веранду оставить, но сделать перепланировку?

— Как это? — спросил я.

— А вот как. Похоже, ваш письменный стол был развернут к стеллажу, который крепился к стене дома, верно?

На той стене висел телевизор, убивший Дороти. Я кивнул.

— Но ведь можно поставить стол в центре, лицом к застекленной стороне. Так лучше, правда? У вас будет вид на палисадник. А встроенные книжные полки, низенькие такие, пустить по периметру. Согласитесь, это совсем другой коленкор.

— Ну не знаю… — промямлил я. Хотя видел, идея хороша.

Похоже, сестра это поняла.

— Спасибо вам, мистер Брайан, — сказала она и наконец-то вышла из комнаты.

А мы с Гилом занялись его бумагами.

Мистера Хогана озарила идея касательно его военных мемуаров: в книгу должны войти письма к матери. Я не возражал. Мы всего лишь издатели. Но я не предполагал, что он предоставит нам подлинники писем. Однажды в начале октября мистер Хоган шмякнул на мой стол толстенную пачку конвертов, перехваченных шелковой лентой, некогда, похоже, синей.

— Ну вот, к примеру, — сказал он, вытащив одно письмо из связки.

Мистер Хоган даже не присел, хоть я и предложил ему стул. Из-за щек в красных прожилках этот сгорбленный седой старикашка казался возбужденным. Скрюченными пальцами он вы-

тянул мятый листок из конверта. Даже издали было видно, что письмо едва ли читаемо: карандашные каракули выцвели, истончившаяся бумага смахивала на луковую шелуху.

— Вам придется перепечатать письма, — сказал я.

— Тут я рассказываю, чем нас кормят. Мол, шибко истосковался по жареной селедке и молóке.

— Вы сможете перепечатать письма, мистер Хоган?

— Как уехал из дома, пишу, ни разу не ел настоящих бисквитов.

— Кто отпечатал вашу рукопись? — спросил я. Мемуары его мы получили в сносном виде, что бывало далеко не со всеми текстами, а об электронной форме рукописей мы даже не мечтали.

— Сноха услужила, — сказал мистер Хоган.

— Не могла бы она также перепечатать и письма?

— Я не хочу ее просить.

Не стоит выяснять — почему, решил я. Благие порывы иссякают. Такое бывает. Я выглянул в приемную:

— Пегги, принеси, пожалуйста, список машинисток, кто берет заказы.

— Сейчас, минутку.

— За это придется платить? — спросил мистер Хоган.

— Ну да.

— Я, знаете ли, не денежный мешок.

— Не думаю, что выйдет очень дорого.

— На эту затею я уже угрохал все свои сбережения.

Пегги принесла список. Похоже, она была в платье с нижней юбкой. Вот уж не думал, что такие штуки еще продаются.

— Как нынче ваш артрит, мистер Хоган? — спросила Пегги.

— Вот он говорит, эти письма надо перепечатать, — сказал старик.

— Чудесно. У меня большой список тех, кто охотно вам поможет.

— Боюсь, мне это не по средствам.

Пегги разглядывала список, словно в нем таилось решение проблемы.

— Это мои письма к матери. — Мистер Хоган держал листок обеими руками. — Я подумал, они кое-что добавят к моим воспоминаниям.

— Письма с фронта всегда интересны, — сказала Пегги.

— Ну я-то писал из Флориды.

— Все равно.

— Я пишу, как сильно скучаю по маминой готовке. По селедке и молоке.

— Я обожаю молоку, — поделилась Пегги.

— В любом случае… — начал я.

— Я живу на пенсию. — Старик буравил взглядом секретаршу, листок в его руках задрожал.

— Знаете что, мистер Хоган, а давайте я отпечатаю ваши письма, — сказала Пегги.

Так и знал, что этим кончится.

— За деньги? — спросил мистер Хоган.

— Нет, что вы, не надо ничего.

— Что ж, спасибо, — согласился старик. По-моему, уж слишком легко.

— Ты очень любезна, Пегги, — сказал я строго и как бы с укоризной.

Но я зря старался. Пегги только улыбнулась, показав ямочки на щеках, мистер Хоган деловито засунул письмо в конверт.

Я побаивался, что пожилые клиенты обижаются на Пегги. Медоточивые манеры ее и чрезмерная почтительность выглядели… покровительственно, что ли? Ну да, этак снисходительно. Я бы это счел снисходительностью. Но, похоже, я один. Мистер Хоган радостно вручил связку писем секретарше и глянул на меня, воинственно вскинув подбородок:

— Я знал, что все уладится.

Ну вот, а я выглядел злыднем. Как всегда.

— Надеюсь, Пегги, ты понимаешь, во что ты вляпалась, — сказал я, когда старик ушел.

— Конечно, — ласково ответила она и предложила сделать мне кофе, хотя прекрасно знала, что днем я кофе не пью. Просто хотела сменить тему.

Если бы не Пегги, крекеры лежали бы на своем месте. Порой я об этом думал. Выходит, если бы не Пегги, Дороти была бы жива? Да нет, вряд ли. Часто жена забирала свои шесть крекеров и уходила на веранду. Скорее всего, ничего бы не изменилось, если б она их нашла.

Нет, я не держал зла на Пегги. И все же *чем-то* она меня раздражала. Наверное, своей приторной участливостью. И Айрин — тем, что всячески меня избегала, словно горе заразно, и Чарлз — тем, что боялся смотреть мне в глаза. Меня уже тошнило от моих коллег.

Может, взять отпуск? Но тогда чем заполнить время? У меня даже нет никакого хобби.

— А не стать ли и мне волонтером? — спросил я Пегги. — Поучаствовал бы в какой-нибудь благотворительной акции. Вот только не могу сообразить, в какой именно.

Похоже, Пегги хотела что-то сказать, но раз-

думала.

Оказалось, моего страхового агента зовут Концепсьон. Как же я мог *такое* забыть? Она больше общалась с Гилом, нежели со мной. Я дал ей номер его мобильника, и они с подрядчиком стали не разлей вода: встречались живьем, беспрестанно обменивались мейлами и факсами. Белая папка Гила сильно разбухла, его альбом с цветными образчиками раздулся от смет, квитанций, схем и списков. Гил приходил почти каждый вечер и, разложив на журнальном столике бумажные простыни, докладывал о состоянии дел так подробно, что более чем удовлетворил бы «Дилетантскую перепланировку кухни». Поврежденные стропила уже заменили, с крышей почти закончили. Гил хотел до холодов успеть с наружными работами и уж потом заняться внутренними. Он нанял двух плотников, и пока все шло по графику, в чем я мог убедиться лично, если б соизволил наведаться к дому.

— Ну как-нибудь на днях, — увильнул я. Гил окинул меня взглядом. Я подумал, сейчас он начнет давить, как все другие (как моя сестрица, если уж конкретно), но подрядчик лишь кивнул:

— Ладно.

— В смысле, рано или поздно я к вам загляну.

— Хорошо. А пока я буду заглядывать к вам. Мне не трудно.

Кого же он мне напомнил? Ну да, Пегги. Отзывчивую Пегги с ее позвольте-вам-помочь. Кстати, из них вышла бы славная пара. Я усмехнулся, представив Пегги под ручку с Гилом: она в пышной юбке, как у фарфоровой пастушки, он смахивает на медведя.

— А вы женаты, Гил? — спросил я.

— Ой, нет. — Подрядчик конфузливо мотнул головой, словно отметая комплимент.

— И никогда не были?

— Нет. — Он поскреб бороду и, помолчав, признался: — Я вроде как профукал свою молодость… Вылетел из колледжа, связался с плохой компанией… Похоже, момент для женитьбы я упустил.

— Однако же сумели выбраться на ровную дорогу.

— Только благодаря кузену. Если б не он, я бы и сейчас где-нибудь валялся под забором. Абнер взял меня в свое дело. По сути, спас мне жизнь.

— А что же ваш брат?

— Какой брат?

— У вас ведь «Подрядная компания братьев Брайан».

— А-а, это ради названия. «Кузены Брайан» не

годятся.

— Почему?

— Ну сами посудите: человек звонит — могу я поговорить с мистером Кузеном Брайаном?

Я засмеялся.

— Нет, братьев нету. Только выводок сестер, который вечно у меня на хвосте.

— Я вас понимаю. Ох уж эти сестры.

— Извините, что спрашиваю, — сказал Гил, словно улучив удобный момент, — но как быть с имуществом?

— Каким имуществом?

— В доме остались всякие бумаги и ваши личные вещи. И еще вот почта. Всякий раз, как вхожу в дом, на полу куча корреспонденции. Мне не трудно привезти ее вам, но ведь можно через интернет уведомить почтовое отделение, чтобы все доставляли сюда.

— Верно, я этим займусь.

— Потом, кухонная утварь. Посуда в шкафах. Когда мы начнем внутренние работы, все это надо будет перетащить в спальню или куда там.

— Хорошо, я подумаю.

— Ваша сестра уже освободила холодильник, но еще остались крупы, консервы и прочее.

— Сестра туда заезжала?

— Только чтоб забрать продукты из холодильника.

— Об этом я не знал.

— Наверное, не хотела вас беспокоить.

Я уставился на список расходов, который держал в руке.

— Конечно, мое нежелание появляться в доме выглядит странно. Просто я боюсь, там накатят… и все такое.

— Да, я понимаю, — сказал Гил.

— По правде, я не уверен, что *вообще* захочу туда вернуться.

— Дайте нам закончить, и тогда посмотрим, что вы скажете. Я вот думаю в прихожей настелить пол светлого оттенка. Если, конечно, вы одобрите.

— Даже в этом случае, — сказал я. — Даже со светлым полом.

Гил терпеливо ждал, не сводя с меня взгляда.

— Послушайте, а вы не хотите купить этот дом, а? — сказал я. — Этак удачно вложить капитал. А как почините, я уверен, сможете выгодно продать.

Я хохотнул, как бы приглашая его посмеяться. Но Гил меня не поддержал.

— У меня нет таких денег, — сказал он.

— М-да.

— Знаете, о вещах не беспокойтесь. Я прикажу своим ребятам все упаковать в коробки, если вы не против.

— Конечно, нет. Я даже не буду возражать, если все это барахло они оттащат на помойку.

— Ну это уж чересчур. Все, что, на наш взгляд, вам пригодится здесь, я закину в грузовик и в следующий раз привезу.

— Ладно, спасибо. — Я прокашлялся. — И вот еще что…

Гил ждал.

— Не могли бы вы привезти мою одежду?

— Одежду?

— Все, что в шкафу и в комоде возле кровати.

— Хм.

Я показал на свой наряд. До сих пор я обходился тем, что нашлось в моей старой комнате, но все это, конечно, мне было не по возрасту.

— Ничего упаковывать не надо, просто забросьте в кузов, и все.

— Ладно, разберемся, — сказал Гил.

— Спасибо.

Конечно, следовало поблагодарить Нандину за ее хлопоты по разгрузке холодильника. (Хотя сестрой, бесспорно, руководило еще и любопытство.)

Прям куда ни глянь, всюду были заботливые доброхоты. Не только Нандина. Чарлз приносил завернутый в фольгу банановый хлеб — эти тяжелые, как кирпичи, буханки пекла его жена. Чтоб отвлечь меня от грустных мыслей, Айрин оставляла на моем столе рекламные листовки, предлагавшие опасные для жизни приключения: дельтапланеризм, скалолазание, ныряние в коралловых рифах. Бывшие соседи постоянно зазывали к себе на ужин и после моих отговорок неохотно тянули «Ну ла-а-адно», давая понять, что лишь на этот раз позволяют мне сорваться с крючка. Люк превратил ресторанное застолье чуть ли не в еженедельную традицию, Нейт возобновил наши турниры по ракетболу.

А я, похоже, всем отвечал черной неблагодарностью. Особенно Нандине. Я всегда был начеку и встречал в штыки все, что она говорила из лучших, конечно, побуждений. Но порой она и впрямь этого заслуживала. Надо же такое удумать! К примеру, однажды сестра заявила:

— По крайней мере, теперь ты не обременен домашними хлопотами. Я к тому, что Дороти не готовила и вообще о тебе не заботилась.

— Неправда! — парировал я. — У нас был гармоничный брак. Союз двух взрослых самосто-

ятельных людей.

Или вот в другой раз, когда я затеял стирку ее и моих вещей, сестрица этак снисходительно изрекла:

— Дороти, конечно, считала, что достаточно разделить белье на белое и цветное, но вообще-то цветное тоже делится на светлое и темное.

Я не стал ее уведомлять, что Дороти, скорее всего, спокойно загрузила бы машину всеми бельевыми категориями разом.

Все чаще я будто слышал сестрины мысли: «Скверно, конечно, что жена его умерла, но стоит ли уж так по ней горевать? Чего уж так убиваться-то?»

— Ты думаешь, никто не заметит, что ты небрит и всю неделю ходишь в одной и той же рубашке? — поинтересовалась сестра. — Нет, милый мой, люди все замечают. Давеча Бетси Харди тебя увидела и перешла на другую сторону улицу, чтобы, говорит, ты не смущался своего затрапезного вида. Спасибо, говорю, Бетси, за твою деликатность, но, по-моему, ему плевать, как он выглядит.

— Бетси Харди? Я ее не видел.

— Главное, что *она* тебя видела. По-моему, ты хотел забрать приличную одежду, что осталась

в твоем доме?

— Да, Гил привезет мои шмотки.

— Что? Ты позволишь ему копаться в твоих вещах?

— А что такого?

Нандина сощурилась:

— Когда Джим Раст рекомендовал тебе подрядчика, он что-нибудь о нем рассказывал? Ты знаешь его прошлое? Откуда он родом? Он балтиморец?

— Он прекрасный человек, поверь на слово.

— Просто интересно, вот и все.

— Он мог вообще не говорить об Анонимных алкоголиках.

— Я против них ничего не имею.

— Гораздо хуже, если человек пьет, но не состоит в этом обществе, — подчеркнул я.

— А кто спорит? Ты думаешь, я из-за этого интересуюсь его биографией? Я бесконечно рада, что он совладал с недугом. И всякий раз угощаю его фруктовым соком и лимонадом.

— Воистину.

Но я-то знал, что причина в ином. Однажды сестра застукала Гила с банкой кока-колы. Прохладительные напитки — ее пунктик. Она не просто их не любит, она всей душой их ненави-

дит. Если б существовала программа «Двенадцать шагов по избавлению от пристрастия к кока-коле», Нандина сделала бы щедрое пожертвование.

Нет, поймите правильно, я вовсе не жалуюсь на сестру. Когда я остался без крыши над головой, Нандина без всяких колебаний меня приютила, не выказав ни малейшего недовольства тем, что нарушен ее привычный уклад. Она — мой самый родной человек из ныне живых. У нас совместные детские воспоминания, в которые нет ходу посторонним.

Когда мы говорили меж собой, кто-нибудь из нас частенько начинал фразу любимым отцовским выражением, или присловьем, что ли, — «излишне напоминать…» И тогда другой улыбался.

Или вот еще: из моей прихожей Гил привез фарфоровое блюдо, доверху заваленное рекламными листовками вроде «еды на вынос» и прочим хламом. В кухне Нандина готовила ужин, а я, сортируя этот бумажный мусор, нашел визитку «Братьев Брайан».

— Галаад! — удивился я.

— Что?

— Полное имя Гила — Галаад. А я думал, что он Гилберт.

Нандина перестала помешивать суп:

— Галаад? Как в псалме?

— Ну да.

«Галаад» — из той же серии, что «излишне напоминать». Кому-нибудь другому строчка «Есть в Галааде бальзам» ничего не скажет. Это мамин любимый псалом, который она напевала за мытьем посуды. А мне слышалось «*съесть* в Галааде бальзам». Когда один из кузенов стал потешаться над моим исполнением, Нандина доской от «Монополии» треснула его по башке.

Нет, вновь оказаться в отчем доме было совсем неплохо. Я бы даже сказал, уютно.

Перед Рождеством мы всегда допечатывали тираж «Дилетантских подарков» и договаривались с городскими магазинами, что наши книги, украшенные алыми шелковыми бантами, будут выставлены на кассах. Мне бант казался неуместным. Да, книга *о* подарках, но ведь не в подарок покупателям. Однако Айрин, автору идеи, бант очень нравился, да и Чарлз уверял, что в таком виде книги расходятся хорошо. Обычно мы ему доверяли, когда речь шла о массовом вкусе. Из всех нас только он вел нормальную, так сказать, жизнь: был женат первый и единственный раз, воспитывал трех дочерей-подростков. Чарлз

любил рассказывать о забавных домашних ситуациях (не хуже чем в ситкоме «Семейка Брэди»), и все остальные ему внимали, точно группа этнографов, изучающих диковинные обычаи.

Для нас с Нандиной Рождество прошло незаметно. Мы уже давно не обменивались подарками и не украшали дом, если не считать рождественского венка, который сестра принесла из супермаркета. По давней традиции мы пошли на праздничный обед у тети Сельмы. Даже в моем супружестве традиция эта осталась неизменной, хоть всякий раз мы с Дороти клялись, что уж следующее Рождество отметим как-нибудь иначе. У тетки кормили скверно, а гостей становилось все меньше — родичи умирали или перебирались в другие края. Нынче за столом нас было пятеро: мы с Нандиной, тетя Сельма и ее сын Роджер со своей очень молоденькой третьей женой Анной Мари. Эту пару мы не видели с прошлого Рождества, а посему предстояло выдержать разговоры о Дороти. Роджер предпочел сделать вид, будто ничего не произошло, но был явно смущен моей черствостью, позволившей мне явиться на трапезу. А вот Анна Мари с ходу взяла быка за рога:

— Я просто жутко огорчилась, узнав о смерти Дороти.

— Спасибо, — сказал я.

— В прошлое Рождество она выглядела совершенно здоровой!

— Да… она и была здоровой.

— Как поживаете?

— Ничего.

— Нет, я серьезно.

— С учетом всех обстоятельств, неплохо.

— Я почему спрашиваю, моя подруга… как ее… Луиза… только что потеряла мужа.

— Печальная новость.

— Он умер вчера утром. Лейкемия.

— Надо же! — сказала тетя Сельма. — В Сочельник!

— Теперь для нее этот праздник не в праздник, ибо всякий раз он напомнит о Барри.

— И потом, ужасно неудачное время для похорон, — заметила тетя Сельма.

— Скажите, Аарон, нет ли у вас какого-нибудь мудрого совета, который я могла бы передать подруге?

— Мудрого совета? — переспросил я.

— Ну, типа, как справиться с горем.

— Мне бы кто подсказал. Боюсь, тут я не помощник.

— Ну ладно. Скажу, вы вроде как сумели это

пережить.

— Ну что ты, ей-богу! — одернул жену Роджер, словно оправиться от потери близкого человека было чем-то предосудительным.

Но, странная штука, именно в тот момент я понял, что и впрямь сумел изжить свое горе. Я представил, как нынче утром подруга Анны Мари просыпается и ее ждет первый долгий день вдовьей жизни, и возблагодарил небо, что сам через это уже прошел. Боль не исчезла совсем, но я как будто отдалился от первоначальной невыносимой муки.

Я выпрямился, глубоко вздохнул и вот тогда-то поверил, что и вправду сумею пережить утрату.

Однако чуть ли не в следующий вечер, когда в постели я уже балансировал на грани яви и сна, вдруг пробилась мысль: «Что-то Дороти давно не звонит!»

В самом начале нашей совместной жизни она, бывало, звонила с работы — просто сказать «привет» или спросить, как у меня дела. Но медовый месяц, похоже, закончился. Что ж, это вполне естественно, а все равно немного грустно.

И тут я очнулся. «Господи, она же умерла», — подумал я. Вновь охватила нестерпимая боль. *Нет, мне с этим никогда не справиться, я не*

смогу. Никто не поможет, а сам я не сумею.

Оказалось, я вовсе не изжил свое горе.

Настоящая зима пришла в середине января. Навалило снегу, ударили морозы. К тому времени наружные работы успели закончить, и мастеровые перебрались в дом. Штукатурим потолки, докладывал подрядчик. Я одобрительно кивал, однако к дому не ездил. Ездила Нандина. Кто-то должен, сказала она, загладить мое хамство.

— Кому это я нахамил? — удивился я.

— Штукатурам, кому еще? Рабочим хочется, чтобы труд их оценили. Они такие молодцы! Потолки — без единого пупырышка.

— Вот и славно.

— Теперь нужно выбрать цвет пола в прихожей.

— Да, Гил показывал образцы. Я проголосовал за «кленовый сироп».

— Ты проголосовал за «теплый мед». Интересно, как он смотрится в реальности, но этого не узнаешь, если сиднем сидеть в гостиной.

— Вот сама и посмотри, раз тебе так хочется.

Нандина поехала и, вернувшись, доложила: цвет хорош, однако, на ее взгляд, «жженый сахар» был бы лучше.

— Решено, — сказал я. — Пусть будет «жженый

сахар».

Я думал, вопрос исчерпан, но почему-то сестра выглядела недовольной.

В затишье между Рождеством и Пасхой Чарлз предложил новый маркетинговый ход.

— Приближается сезон подарков, — сказал он. — День матери, День отца, окончание учебы, июньские свадьбы… Что, если нашего «Дилетанта» продавать тематическими наборами? Скажем, молодожены получат «Дилетантскую кухонную утварь», «Дилетантское составление меню» и «Дилетантский званый ужин». Допечатка не потребуется, соберем имеющиеся экземпляры под одной цветной суперобложкой. Для новобрачных мне видится белая глянцевая. На День матери, предположим, розовая. Вы согласны?

— А на утренней планерке ты не мог об этом сказать? — спросила Нандина. Дело было к вечеру, мы собрались в приемной. Нандина опять уходила раньше и уже перебросила пальто через руку.

— Утром меня еще не осенило. — Чарлз удобнее откинулся в кресле. — Идея возникла после обеда. Так всегда бывает, если за ланчем я выпью коктейль. Пожалуй, мне надо выпивать почаще.

Нандина закатила глаза, Айрин хихикнула, не отрываясь от каталога.

— Я понял твою задумку, — сказал я.

— Но не любой коктейль. Мне нравятся те, что подают в ресторане Монтегю. В них как будто особая творческая сила.

— Я говорю о наборах. — Нынче день выдался спокойный, и я убил время, расставляя дилетантскую серию на полках не по дате выхода, а по названиям. Все темы были свежи в памяти. — Для выпускников колледжей, например, можно объединить «Заявление о приеме на работу», «Поиск жилья» и «Месячный бюджет». И даже присобачить «Кухонную утварь».

— Именно! — сказал Чарлз. — Кроме того, так можно сбыть залежавшиеся остатки.

— И все ж таки набор загоняет в рамки, — вмешалась Пегги. — Может, некоторые выпускники еще не готовы прибрести дом. А новобрачная уже давно купила «Месячный бюджет».

— В том-то вся прелесть! — возразил Чарлз. — Народ любит комплекты. Этим он удовлетворяет свой инстинкт коллекционера. Человек вновь купит книгу в комплекте под общей цветной обложкой. Или скажет себе: *когда-нибудь* и «Поиск жилья» наверняка пригодится.

— Ты прав. — Айрин отвлеклась от каталога, заложив страницу пальцем с длинным алым ногтем. — Только что я купила набор с «Энн из Зеленых мезонинов»[3], хотя у меня есть почти все прежние издания.

– *Ты* читаешь «Энн из Зеленых мезонинов»? — изумился я.

— Верно, у меня та же история со сказками о Винни-Пухе, — сказала Пегги.

Представить Пегги с детской книжкой на диване я еще мог, но вот Айрин…

Все эти доводы не убедили только Нандину.

— Ладно, поговорим завтра, — сказала она, устремляясь к двери. — Я опаздываю на деловую встречу.

— Но идея-то хороша! — вслед ей крикнул Чарлз и, не получив ответа, обратился к нам: — Правда?

— Правда, — ответила Айрин. — Идея блестящая.

— Всего лишь «Дилетантский маркетинг», — заскромничал Чарлз.

— Скорее уж «Дилетантское надувательство», —

---

[3] Сноски: 3

Роман канадки Люси Монтгомери (1874–1942), вышел в 1908 г. и впоследствии стал одной из самых популярных детских книг в англоязычной литературе. Всего в серии про Энн восемь романов.

подколол я.

— Ничего себе! Сам сказал, что понял мою задумку.

— Понял прекрасно.

Наверное, я слегка завидовал. *Мои* идеи Айрин ни разу не назвала блестящими.

На сегодня у меня еще осталось только одно дело — разговор с мистером Дюпоном, пожелавшим издать свои путевые заметки. Название «В полете содержимое чемодана может перемешаться» меня заинтриговало, однако собственно рукопись, которую я наскоро пролистал в присутствии автора, представляла собой обычную нудятину: описания завораживающих горных видов и восхитительных национальных блюд. Но это, конечно, не моя забота. Мы оговорили расценки, сроки издания и прочее, я выразил горячее желание сотрудничать, после чего мы пожали руки и распрощались.

В приемной была одна Пегги — что-то печатала. Я уж хотел встать у нее за спиной и шутливо пожурить — мол, не бережешь себя, вкалываешь допоздна, но она, не отрываясь от работы, меня опередила:

— Не забудь трость.

Это меня раздосадовало, и я прошел прямо к

вешалке, где утром повесил свою палку.

— Не забуду.

— На прошлой неделе ты дважды уходил без нее.

— И что? Как видишь, я таки сумел приковылять на своих двоих.

Стук клавиатуры смолк. Я обернулся и встретил взгляд больших ярко-синих глаз.

— Значит, надо притвориться, будто ты не пользуешься тростью?

— Да нет… Но вообще-то я не особо в ней нуждаюсь. Если что, прекрасно обойдусь и так.

— Понятно.

Я раскаялся, что рявкнул на Пегги, но она уже вернулась к работе, и я просто попрощался:

— Ну, до свиданья.

— Пока, — не обернувшись, ответила Пегги.

Что-то я стал часто бросаться на людей, раздумывал я по дороге домой. Нынче на утренней планерке я просто взбеленился, когда Нандина постучала ручкой по кофейной кружке, призывая нас к порядку.

— Слушай, Нан, неужто обязательно изобра-

жать тут Континентальный конгресс?[4] — заорал я.

Однако на нее где сядешь, там и слезешь.

— Да, обязательно, — сказала она. — И ты прекрасно знаешь, я терпеть не могу, когда меня называют «Нан».

А теперь вот с Пегги… Лучистые глаза ее со стрельчатыми ресницами как будто нарисовал ребенок…

Я превращаюсь в брюзгу, которого даже в Хэллоуин ребятишки обходят стороной, подумал я, паркуясь возле дома, и огорчился, увидав автомобиль Нандины. Я-то надеялся, что она еще не вернулась со своей деловой встречи. Я вздохнул и выбрался из машины. Хорошо бы проскочить к себе, не столкнувшись с сестрой.

Я открыл входную дверь и услышал голос Нандины, доносившийся с кухни. Видимо, деловая встреча (с каким-нибудь мастеровым) проходила у нас в доме. Собеседник ответил сестре, и я узнал голос Гила, хотя слов не разобрал. Прямо в куртке я прошел на кухню.

— Здрасьте, — сказал я.

Гил — рукава фланелевой рубашки заката-

---

[4] Сноски: 4

Съезд делегатов 13 колоний, который во время Американской революции был руководящим органом США.

ны — сидел за столом, парка его висела на спинке стула. Нандина разрезала апельсин.

— Ой, я не слышала, как ты пришел, — сказала она, оборачиваясь.

— Привет, Гил, — еще раз поздоровался я, в ответ он вскинул свою бейсбольную ладонь:

— Как поживаете, Аарон?

— Что-то с домом? — спросил я. Обычно Гил появлялся поздно вечером.

— Нет, там все в порядке. Я принес смету по электропроводке. — Он похлопал себя по карманам. — Куда же она…

— Я готовлю напиток Гилу, — сообщила сестра. — Не хочешь отведать?

— Что за напиток?

— Апельсиновый сок, киви, имбирный корень, папайя…

— Ого!

— …половинка канталупы, два сельдерейных стебля…

На столешнице красовалась соковыжималка — сложный агрегат, который я не видел с тех пор, как у Нандины закончился роман с вегетарианцем. Помнится, была большая морока с этой соковыжималкой. В посудомоечной машине ее толком не отмоешь, поскольку неразъемные

части…

Погодите-ка.

Как закончился роман…

Я посмотрел на Гила, безмятежно ожидавшего напиток. Перевел взгляд на сестру.

Нандина покраснела.

— Ох ты, — сказал я.

5

Как же я пропустил столько знаков?

К примеру, сестра постоянно вторгалась в наши разговоры с Гилом. Конечно, Нандина всегда была слегка любопытна, но не настолько же. Едва мы с подрядчиком усаживались в гостиной, как ей тотчас требовалась какая-нибудь книга на стеллаже, потом она предлагала нам чем-нибудь освежиться и, вернувшись с подносом, долго-долго переставляла стаканы на журнальный столик, после чего будто бы машинально плюхалась в кресло, к которому как бы случайно переместилась.

А эта ее готовность при малейшем поводе съездить в мой дом? Надо освободить холодильник, проверить, как оштукатурены потолки, подтвердить мой выбор карамельного или какого там оттенка для пола. И всегда, заметьте, днем. Когда Гил определенно на объекте.

А все эти расспросы о его прошлом? Причем не из-за подозрительности! Из личного интереса. Сестра вела себя, точно школьница, выискивающая всякие мелочи о мальчике, в которого

втрескалась, — расписание его спортивных занятий, номер его классной комнаты. И, точно как школьница, хваталась за любую возможность произнести его имя.

— Галаад, — выпевала она, и половник застывал над кастрюлей.

Кроме того, сестра больше не переодевалась в домашнее. Уже давно я не видел ее в халате.

Но отвечали ли ей взаимностью?

Меня аж кольнуло. Невыносимо, если придется ее утешать.

Однако рассудим: Гил совещался со мною часто, в чем вовсе не было нужды. Я много раз говорил, что доволен ходом работ, и предлагал встречаться лишь для решения всяких загвоздок. Похоже, они возникали постоянно. И с каждым разом Гил становился все разговорчивее, все чаще отвлекался на посторонние темы, и встречи наши уже напоминали дружеские посиделки. Я-то себе льстил, что это ко мне он так проникся! Однажды я унюхал запах «Олд Спайс», волной исходивший от подрядчика, и пошутил: «У кого-то большие планы на вечер!» Я просто был готов поболтать о его личной жизни, но Гил промолчал и покраснел. Наверное, я переборщил, возомнив, что мы уже приятели, а не просто работодатель и наем-

ный работник.

И вот еще: почему он известил не меня, а сестру, что нынче вечером зайдет пораньше?

Я ничего не сказал ни ему, ни ей. Угостился соком, поговорил о погоде, затем выслушал отчет о дневных делах. Но внутри я был как натянутая струна и подмечал, что Нандина ошивается в гостиной, хотя вряд ли ее интересовал разговор о старой проводке в моем доме, и уж тем более никто не ждал ее мнения по этому вопросу. Я видел, как Гил чуть коснулся ее руки, возвращая пустой стакан. Как сестра привалилась к дверному косяку и кокетливо склонила голову, словно провожая гостя.

Затем она поспешила на кухню готовить ужин, избегая моего вопросительного взгляда.

Я, конечно, не собирался лезть к ней в душу. Она взрослая женщина. И в полном праве на личную жизнь.

В общем-то Гил мне нравился. Вроде бы хороший человек — честный, надежный, умелый, отзывчивый. Пусть он не получил образования, но в уме ему не откажешь, и с Нандиной они, можно сказать, на равных. Так что у меня никаких возражений.

Но когда я видел их вдвоем, меня почему-то

охватывала грусть.

Стоял апрель, начало весны. Еще было холодновато, но нарциссы уже распустились, зацветали деревья. Теперь Гил и Нандина встречались в открытую, у них были, можно сказать, рандеву. О первом свидании, состоявшемся вскоре после эпизода с соком, Нандина известила завуалированно — дескать, завтра она не приготовит ужин, поскольку Гил предложил заглянуть в новое кафе в районе Хэмпден.

— Ладно, тогда я разогрею тушенку, — сказал я, словно речь шла только о еде.

Когда на следующий вечер тренькнул дверной звонок, я остался на диване, предоставив Нандине впустить гостя. Гил вошел в гостиную:

— Здравствуйте, Аарон.

Я оторвался от газеты:

— Привет, Гил.

Он конфузился, но выглядел решительно: до блеска выбрит, летняя рубашка тщательно отглажена. А как давно он приходит этаким чистюлей, даже не скажешь, что после работы, — задумался я. Да почти с первого дня. Значит, Нандина ему приглянулась сразу.

Я искренне за них порадовался, ей-богу. Но вот увидел в окно, как они вышагивают к пикапу

Гила, и у меня зашлось сердце. Они шли рядом, однако не вплотную, между ними виднелся просвет в пару дюймов, и было заметно, что оба остро сознают эту *наэлектризованную* пустоту. Я вспомнил, как в нашу первую встречу Дороти предложила взглянуть на ее рабочее место. Она шагнула к выходу из кабинета, а я кинулся следом и, перегнувшись через нее, распахнул перед нею дверь. Наверное, мое поведение ее озадачило. На секунду она задержалась под аркой моей руки, между нами не было ни единой точки соприкосновения, но я словно окутал ее незримой мантией теплоты и заботы.

Уже тогда я ее любил.

Мы познакомились в марте 1996-го, когда готовился «Дилетантский рак». Нашим автором был терапевт Байрон Уорт, уже писавший исходники для «Дилетантских родов» и «Дилетантского инфаркта». Вы, конечно, понимаете, что книги эти не претендовали на роль медицинского справочника. Нет, просто житейские советы: удобная поза для сна на позднем сроке беременности, диета для сердечников. В раковой книжке доктор Уорт уже подобрался к главе о химиотерапии, включавшей в себя соблазнительные рецепты высококалорийных фруктовых напитков, но в

облучении, по его собственному признанию, был не силен. Требовалась консультация специалиста. Вот так я вышел на Дороти Росалес, у которой лечился тесть Чарлза, перенесший операцию на щитовидке.

Белая куртка ее была так накрахмалена, что стояла колом, а вот слишком длинные штаны казались сильно мятыми. Сзади они прикрывали каблуки неуклюжих башмаков и мели пол, а спереди топорщились гармошкой, отчего Дороти казалась еще ниже и полнее. Когда меня провели в ее кабинет, она стояла возле этажерки и листала толстенный фолиант. Очки для дали, сдвинутые на лоб, придавали ей потешный вид четырехглазого существа. Я ухмыльнулся, но мне сразу понравилось ее широкое смуглое лицо, излучавшее безмятежность. И я поздравил себя с тем, что ее некрасиво подстриженные волосы описал банально — черные как вороново крыло.

— Доктор Росалес? — спросил я.

— Да.

— Я — Аарон Вулкотт. Я просил вашей консультации по готовящейся книге.

— Да, я помню.

Я немного сбился с ритма, но, помешкав, протянул руку:

— Рад знакомству.

Ладонь ее была теплой, мягкой и чуть шершавой, а рукопожатие крепким. Дороти сдвинула очки на переносицу:

— Что у вас с рукой?

Дело в том, что когда я с кем-нибудь здороваюсь, то левой рукой слегка поддерживаю под локоть правую увечную руку. Почти никто этого не замечает или, во всяком случае, не комментирует.

— Так, последствие детской болезни, — сказал я.

— Угу. Ну присаживайтесь.

Я сел в пластиковое кресло перед ее столом. Рядом стояло еще одно кресло. Видимо, на первый прием сюда приходят парами — супруги либо сын или дочь с престарелым родителем. Уж кабинет этот повидал, наверное, отчаявшихся пациентов. А доктор Росалес, нарочито неспешно усевшись за стол, тотчас вселяла в них надежду.

— Я не вполне понимаю, что от меня требуется, — сказала Дороти, сложив руки перед собой.

— Не волнуйтесь, никакой писанины. Этим занимается доктор Байрон Уорт.

Я помолчал, проверяя, говорит ли ей что-нибудь это имя. Но она лишь разглядывала меня. Бездонно черные глаза без малейшего оттен-

ка. Мелькнула мысль, что она иностранка, — в смысле, приезжая, не просто выходец из семьи латинских эмигрантов.

— Он пытается подсказать нашим читателям, как совладать с ежедневными трудностями, какие возникают перед онкологическим больным, — сказал я. — Книга затрагивает вопросы душевного состояния пациента, его взаимоотношений с врачом, а также практические стороны разных видов медицинской помощи… кроме облучения, в котором наш автор совсем не сведущ. Вероятно, здесь нашим проводником должен стать специалист-рентгенолог — он расскажет конкретно, к чему готовиться больному.

— Понятно.

Пауза.

— Разумеется, мы оплатим потраченное вами время, а в предисловии выразим благодарность за помощь.

Я хотел сказать, что у акушерки, упомянутой в «Дилетантских родах», после выхода книги число пациентов утроилось. Однако не был уверен, что врачи в этом сильно заинтересованы. Особенно такой врач. Казалось, ей вообще ничего не нужно. Вещь в себе.

Спящая красавица.

— А ведь уже почти полдень, — сказал я. — Позвольте пригласить вас на обед, за которым мы продолжим нашу беседу.

— Я не голодна.

— Кхм…

— Вы хотите узнать о процессе облучения вообще? Но ведь он варьируется по типу опухоли. Иной для каждого конкретного пациента.

— Ой, мы не собираемся вдаваться в детали. Нам не надо ничего такого… хе-хе… чрезмерно медицинского.

Я себя вел как последний дурак. Доктор Росалес откинулась в кресле, изучая меня. А я судорожно думал, о чем бы ее спросить, но ничего не приходило на ум. Предполагалось, что я просто договорюсь о сотрудничестве. А дальше ею займется доктор Уорт.

Но черта с два я отдам ему Дороти Росалес.

— Хорошо, вот мой план, — сказал я. — До конца дня я составлю список интересующих нас вопросов. Пожалуйста, ничего не решайте, пока его не глянете. Может, за ужином? Я бы охотно угостил вас ужином, если только дома вас не ждет муж…

— Не ждет.

— Тогда ужин в «Старой бухте». — Я старался унять радость, звеневшую в голосе. Конечно, я

уже заметил отсутствие обручального кольца, но в наши дни это ничего не значит. — Сразу как закончите работу.

— Я одного не пойму: почему разговаривать надо непременно за едой?

— Ну так все равно есть-то нужно, правда?

— Правда. — Она облегченно вздохнула. Похоже, такая логика ей нравилась. — Хорошо, мистер…

— Вулкотт. Просто Аарон.

— Где эта «Старая бухта»?

— Не беспокойтесь, я за вами заеду.

— Не стоит. У нас табельный таймер.

— Простите?

— Наша парковка с почасовой оплатой. Зачем платить лишнее?

— Ах вон что.

Дороти встала, я тоже поднялся.

— Я освобожусь не раньше семи, — сказала она.

— Прекрасно. Я закажу столик на половину восьмого. Отсюда до ресторана ехать не больше пятнадцати минут.

— Тогда лучше заказать на четверть восьмого.

— Чудесно. Четверть восьмого.

Я записал адрес «Старой бухты» на визитке,

которую достал из бумажника. Обычно я пишу на оборотной стороне карточки, но сейчас использовал лицевую. Мне хотелось, чтобы Дороти привыкла к моему имени. И стала называть меня «Аарон».

Однако она сказала «Ну, до свидания» без всякого обращения вовсе. И не удосужилась проводить меня к выходу.

Я понял, что она не местная, ибо всякий балтиморец знал «Старую бухту», где едали еще его предки. Заведение старомодное в хорошем и плохом смыслах этого слова. Скажем, тамошний крабовый суп — это нечто, но всем официантам перевалило за восемьдесят, а в зале сумрачно и промозгло. Я выбрал этот ресторан из-за его близости к больнице и еще потому, что в нем не было этакого официоза. А мне хотелось, чтобы меня начали воспринимать в неформальном, так сказать, свете.

М-да. Задача явно непростая, ибо Дороти явилась в докторской куртке. Вокруг разодетые пары, дамы в весенних нарядах пастельных тонов, а вот вам моя сотрапезница: ремень кожаной сумки наискось через грудь — наподобие патронташа, руки глубоко в карманах белой накрахмаленной куртки.

Я привстал и помахал ей. Дороти направилась к моему столику, оборвав разговор с метрдотелем.

— Привет. — Она потянулась к стулу, но я ее опередил и сам выдвинул его из-за стола:

— Прошу вас.

Дороти уселась, я вернулся на свое место.

— С-спасибо, что пришли.

— Тут очень темно. — Дороти огляделась, сняла сумку и поставила ее к ногам. — Как же читать при таком свете?

— Нет-нет, читать придется только меню. — Я издал смешок, прозвучавший фальшиво. — Я позвонил доктору Уорту насчет списка вопросов, но он говорит, было бы лучше, если б вы нашли время показать мне ваше оборудование. Чтобы весь процесс от начала до конца я увидел как бы глазами пациента.

По правде, я вообще не говорил с доктором Уортом, но вряд ли он станет возражать, если я сделаю часть его работы.

— То есть мы здесь только для того, чтобы условиться о встрече? — спросила Дороти.

— И обсудить ваши условия. Во-первых, размер вашего гонорара и… Что вы будете пить?

Я задал этот вопрос, потому что к нам подошел официант, но Дороти на миг оторопела, вооб-

разив это пунктом договора. Но потом лицо ее прояснилось и она заказала:

— Диетическую пепси, пожалуйста.

— Что? — воскликнул я. — Врач пьет сплошную химию?

Дороти моргнула.

— Неужто не знаете, как аспартам воздействует на центральную нервную систему? (На меня сильно повлияла «Дилетантская книга о вкусной и здоровой пище», не говоря уж о священной войне Нандины с прохладительными напитками.) Лучше выпейте бокал вина. Красное вино полезно для сердца.

— Ну хорошо…

Я просмотрел карту вин и заказал два бокала «Мальбека». Официант ушел.

— Я не большая любительница спиртного, — сказала Дороти.

— Однако вы, конечно, наслышаны о достоинствах средиземноморской диеты?

Дороти сощурилась:

— Наслышана.

— И несомненно, знаете о свойствах оливкового масла.

— Послушайте, вы собираетесь перечислить свои симптомы?

— Что?

— Я пришла поговорить о будущей книге, так? И не хочу осматривать всякие пятнышки на предмет возможного рака.

– *Что* осматривать? Какие пятнышки?

— Или слушать о том, что иногда ваше сердце как будто пропускает такт.

— Вы в своем уме? — опешил я. — У меня идеальный сердечный ритм. О чем вы?

Дороти смутилась.

— Извините. — Она уткнулась взглядом в стол, поправила ложку. — То и дело ко мне обращаются за бесплатным советом. В любом месте, даже в самолете.

— Но я-то не обращался. Разве я о чем-нибудь просил?

— Нет, но я подумала…

— Похоже, вы страдаете серьезным расстройством восприятия. Если надо, я иду на прием к нашему семейному врачу. Отличный, кстати, специалист, прекрасно знает историю моих хворей, да вот только нет ни малейшего повода его беспокоить.

— Я уже извинилась.

Дороти сняла очки и салфеткой протерла стекла, по-прежнему не поднимая глаз. Я смотрел на

ее густые, но очень короткие ресницы и поджатые губы, превратившиеся в тонкую горестную линию.

— Ладно, — сказал я. — Давайте начнем сначала, а?

Пауза. Потом уголки рта дрогнули, Дороти подняла взгляд и улыбнулась.

Грустно вспоминать начало нашего романа. Мы были ужасно неопытны. Сперва Дороти даже не понимала, что у нас *роман*, а я смахивал на щенка-переростка (по крайней мере, так себя вижу сейчас) — все егозил и пыжился, стараясь произвести впечатление, но моих усилий благополучно не замечали.

К тому времени я уже испил свою чашу влюбленностей. На моем счету были школьницы, которые боялись выглядеть чокнутыми и оттого на людях со мной не показывались, и студентки, окружавшие меня пылкой заботой социального работника, что, похоже, свойственно всем девушкам этого возраста. Возможно, для них моя трость была знаком старых боевых ран или чего-нибудь в этаком роде, а ранняя седина, сверкавшая в моих волосах, говорила о загадочных страданиях в прошлом. Как вы, возможно, заметили, от подобного сочувствия меня воротит, но

обычно на ранней стадии влюбленности я даже не подозревал, что именно им руководствуется предмет моего обожания, или не позволял себе заподозрить. Я просто весь отдавался тому, что представлялось мне истинной любовью. Но, смекнув, в чем дело, я порывал со своей возлюбленной. Бывало, порывали со мной, когда теряли всякую надежду меня спасти. По окончании университета года полтора я жил сам по себе, старательно избегая разных юных прелестниц, которых беспрестанно подсовывали мои родные.

Теперь вы понимаете, чем меня так привлекла Дороти — женщина, не пожелавшая говорить со мной даже о средиземноморской диете.

Через несколько дней я пришел к ней в больницу и, знакомясь с лечебным оборудованием, задавал всякие вопросы: а что, если у больного такая или вот такая опухоль? — все по полному списку, якобы составленному доктором Уортом. После чего, конечно, закинул удочку насчет следующего ужина, на сей раз там, где хорошее освещение.

Затем я сделал решительный шаг — пригласил вечером сходить в кино, то есть предложил неделовую встречу. Дороти замешкалась. Я прям видел, как мозги ее переключаются с «работы» на

«развлечение».

— Я даже не знаю, — наконец сказала она. — А что за кино?

— Любое. На ваше усмотрение.

— Ну ладно. Все равно больше нечем заняться.

Мы сходили в кино — кажется, на документальный фильм, — потом еще раз, затем было несколько совместных ужинов. Мы говорили о наших работах, обсуждали теленовости, делились впечатлениями о книгах. (Дороти читала прагматично — если не по специальности, то непременно серьезную научную литературу.) Обменивались историями из детства. Она уже давно не навещала родных. И ее позабавило, что я живу в паре кварталов от своих родителей.

На первом киносеансе я под локоток провел ее к нашим местам, на втором сидел, чуть касаясь ее плечом. За ужином я, как бы увлекшись разговором, накрывал ладонью ее руку и, прощаясь, всякий раз легонько ее обнимал — чисто по-дружески. О, я был очень осторожен. Она оставалась закрытой книгой, и я понимал, как важно не напортачить.

В апреле за ужином я подарил ей «Дилетантский подоходный налог», где, в общем-то, говорилось не о налогах, а о том, как содержать в

порядке всякие квитанции и прочие бумажки. Дороти призналась, что она ужасно неорганизованная, и, словно в подтверждение своих слов, забыла книгу на столике. Меня это покоробило, словно в ресторане забыли *меня самого* (бог дал, бог взял, усмехнулась она), и я предложил вернуться за книгой, благо отъехали недалеко, но Дороти отмахнулась — дескать, позже позвонит администратору.

Нравился ли я ей хоть чуть-чуть?

После спектакля в театре «Эвримен» мы шли к моей машине, и она спросила, почему я езжу без знака «Инвалид».

— Он мне не нужен, — сказал я.

— У вас непременно схватит спину, вы уже вон сколько прошли пешком. Удивительно, что позвоночник еще не дал о себе знать.

Я промолчал.

— Хотите, я оформлю заявку на знак?

— Спасибо, нет.

— Может, лучше съемный знак? Мы могли бы прикрепить его на мою машину, случись мне вас подвезти.

— Я же сказал — не надо.

Дороти смолкла. Мы сели в машину, и я отвез ее домой. Я уже знал, что живет она в цокольном

этаже дома возле старого стадиона, однако в квартире ее еще не бывал. Как раз сегодня я хотел напроситься в гости, но теперь передумал.

— Ну, спокойной ночи, — сказал я и, перегнувшись через ее колени, открыл пассажирскую дверцу.

Дороти взглянула на меня, потом выбралась из машины.

— Спасибо за вечер, Аарон.

Убедившись, что она благополучно вошла в дом, я уехал. Если честно, чувствовал я себя паршиво. Не то чтобы я ее разлюбил, ничего подобного, но мне вдруг стало очень скверно. Навалилась усталость. Я был как выжатый лимон.

По плану обоюдного осмотра жилищ я собирался пригласить Дороти к себе на ужин, в меню которого значились мои знаменитые спагетти и фрикадельки. Но теперь это казалось чересчур хлопотным, и приглашение я пока отложил. Во-первых, нужен фарш из разного мяса. Телятина там. Свинина. Супермаркетам веры нету, придется идти к мяснику. Во-вторых, вообще слишком много усилий ради блюда, в котором, если вдуматься, нет ничего особенного.

Я сделал паузу. Нужна передышка, сказал я себе. Бог ты мой, за последние две недели мы

встречались шесть раз, причем два свидания были подряд.

Она позвонила в среду. (Последний раз мы виделись в прошлую субботу.) Поскольку Дороти не знала моего номера, она позвонила в издательство. В мой кабинет просунулась Пегги:

— На второй линии доктор Росалес.

Она могла бы сообщить об этом по интеркому, но ей было интересно, зачем мне звонит врач. Я не пожелал удовлетворить ее любопытство.

— Спасибо, — сказал я и, дождавшись, когда Пегги исчезнет, взял трубку: — Алло?

— Здравствуйте, Аарон, это Дороти.

— Добрый день.

— Вы куда-то пропали.

От такой прямоты мне стало слегка не по себе, оторопь пополам (чего лукавить?) с восторгом. Вот такая она, Дороти!

— С делами замотался.

— Ох ты.

— Накопилась куча работы.

— А я хотела пригласить вас на ужин.

— Да?

— Собственного приготовления.

— Ого!

Не знаю, почему я так удивился. Просто не мог

представить ее у плиты. Пытался, но видел только ее смуглые руки, такие мягкие вопреки сильным коротким пальцам. Меня затопило нежностью.

— Охотно приму приглашение, — сказал я.

— Чудесно. В восемь годится?

— Сегодня?

— Да.

— Буду как штык.

Гораздо позже, мы уже готовились к свадьбе, Дороти рассказала, что именно сподвигло ее на этот ужин. За четыре дня без моих звонков ей открылось, насколько скучна и одинока ее жизнь.

— Я вдруг поняла, что у меня ни семьи, ни друзей. Да еще коллеги укоряют в неумении «общаться», но хоть бы кто объяснил, что это означает…

Перед моим приходом она кинулась наводить порядок в квартире: убрала с дороги стулья, запихнула книги, бумаги и разбросанную одежду в шкафы и комодные ящики.

— Все мужчины любят мясо, верно? Я позвонила в справочный отдел библиотеки имени Еноха Пратта, спросила, как приготовить стейк. Мне предложили варианты на гриле и углях, но гриля у меня нет, а насчет углей я не очень поняла, и тогда они сказали: ладно, жарьте на сковородке…

С горошком было просто, всякий знает, как разогреть консервированный горошек…

Интересно, а к нашему разговору она тоже усиленно готовилась?

Да нет, вряд ли. Наверное, он возник случайно. И потом, я сам его начал своим замечанием о размерах ее жилья, запущенного, но просторного.

— У вас огромная квартира, — сказал я, оглядывая столовую, смежную с гостиной. — А сколько тут спален?

— Три.

— Ничего себе! На одного человека!

— Ну был еще сосед, но он съехал.

— Ах так.

Я присел на край гремучей металлической кушетки под цветастым покрывалом. На журнальном столике уже стояли два бокала и бутылка вина («Мальбек», отметил я). Дороти вручила мне штопор и села рядом. Так близко, что я учуял запах ее духов… или шампуня, не знаю. Она была в черной вязаной блузке с овальным вырезом и своих всегдашних черных брюках. Это ее вариант вечернего наряда? — подумал я.

А Дороти, похоже, все еще была в мыслях о соседе:

— Он съехал, потому что я недостаточно… от-

зывчивая.

— В смысле?

— Ну вот, например: отчего, говорит он, мне все кажется пересоленным. Понятия, говорю, не имею. А он: нет, серьезно? Так, может, отвечаю, еда и впрямь пересоленная. Нет, говорит, другим-то так не кажется. Вдруг это какой-нибудь симптом? Ну, значит, говорю, у тебя обезвоживание. Или мозговая опухоль. Боже мой! — вопит. Опухоль!

Сперва я не понял, зачем она это рассказывает. Но Дороти смолкла и как будто чего-то ждала.

— Надо же, какой дурак! — усмехнулся я.

— А то попросит ощупать его распухшие гланды, — продолжила она. — Или жалуется, что у него тянет спину, хотя сам же таскал тяжести, а в следующий раз выпрашивает рецепт на таблетки от мигрени.

— Вот же дурь-то! Прям не сосед, а пациент.

Снова пауза.

— Вообще-то он был не просто сосед, а… сожитель.

Не скажу, что меня это ошарашило. Напротив, было бы странно, если б женщина за тридцать еще не познала мужчину. Но я ставил себе в заслугу, что первым оценил ее по достоинству.

— У вас были *серьезные* отношения? — спросил я.

Дороти думала о своем:

— Теперь-то я понимаю, он, видимо, считал, что я мало о нем забочусь.

— Полная дурь, — повторил я.

— Пусть это послужит мне уроком, сказала я себе.

И опять она как будто чего-то ждала.

Наконец я все понял. И охнул.

— Я бы не хотела, чтобы кто-то счел меня… эгоисткой.

— Милая… Дорогая моя… Вовсе не нужно, чтобы ты обо мне заботилась. — Я взял ее лицо в ладони, поцеловал, и она ответила на мой поцелуй.

Надо сказать, выбор мой окружающих удивил. Отец высказался в той же манере, что и о маминых смелых кулинарных экспериментах: любопытно.

Мать спросила, сколько ей лет.

— Ей-богу, не знаю, — сказал я.

(Дороти было тридцать два. Мне — двадцать четыре с половиной.)

— Просто я думала, что по возрасту Дани-ка Джонс тебе ближе.

— Кто?

— Что значит — кто? Даника, с работы. Она была нашим дизайнером до Айрин. Перед самым отходом от дел отец взял ее в штат, и я вдруг понял зачем.

— Даника? Она же красит ногти на ногах!

— И что такого?

— Меня это настораживает. Что, думаю, спрятано под лаком?

— Ох, Аарон, когда же до тебя дойдет, насколько ты привлекательный? Со временем поймешь, что мог бы заполучить любую девушку, да будет поздно.

Ничего такая, сказала сестра, на любителя женщин с общительностью панды. Это меня рассмешило. Дороти и вправду смахивала на панду — тоже кругленькая, крепко сбитая, упорная.

Только я один знал, что под ее мешковатой одеждой скрываются формы изящной вазы и гладкая оливковая кожа. Тело ее как будто излучало покой, нисходивший на меня всякий раз, как я был с ней рядом.

Нас обвенчали в нашей маленькой церкви, причем даже не перед алтарем, а в ризнице, свидетелями были мои родители и сестра. Что удивительно, Дороти не возражала и против многолюдной свадьбы, но я, конечно, не стал ничего

затевать. Чем проще, тем лучше, решил я. Пусть все будет просто и честно. Из-за рабочего графика Дороти мы даже не поехали в свадебное путешествие. Просто вернулись к обычной жизни.

Поженились мы в начале июля. Через четыре месяца после нашего знакомства.

Накануне своей третьей женитьбы кузен Роджер сказал, что для него супружество сродни пагубной привычке. Затем уточнил:

— В смысле, самое начало супружества, его, так сказать, заря. Все начинается заново, и молодожены — как новорожденные, еще не наклепавшие ошибок. У тебя новое жилье, новая посуда и вроде как новая личность, которую в гости приглашают вместе с твоей половиной. А у жены и вовсе новая фамилия.

Правда, Дороти оставила свою фамилию, и жили мы пока в моей старой квартире, но в остальном Роджер оказался прав. В нашей совместной жизни все было первым опытом, словно у заново родившихся. Я себя чувствовал от счастья очумелым сосунком, особенно по выходным, когда мы пускались в дерзновенное плавание по глади свободного дня. Мы вместе завтракали, потом вместе шли в супермаркет, вместе прикидывали, осилим ли покупку дома. Не верилось,

что я — это я. Чудной, увечный Аарон в роли настоящего мужа.

Я удивлялся себе, но еще больше — Дороти. Ее готовность отправиться за покупкой столь прозаической вещи, как, скажем, пылесос, да еще обсуждать преимущества канистровой модели над вертикальной стала откровением. А в разговорах с посторонними она постоянно использовала словосочетание «мой муж»: «Мой муж считает, нам нужен пылесос с гипоаллергенным фильтром». Мне было приятно аж до щекотки.

Мало того, она оказалась ласкунчиком. Кто бы мог подумать? Всю ночь Дороти спала, притулившись у меня под мышкой, хотя я был готов к тому, что после секса она тотчас обособится. Она жалась ко мне в толпе, часто украдкой брала меня за руку, когда я с кем-нибудь разговаривал. Я чувствовал, как ее крепкие толстые пальчики втихомолку протискиваются меж моих пальцев, и старался не заулыбаться.

Нет, легкие стычки у нас, конечно, случались. Ведь друг к другу надо притереться, правда же? Особенно если раньше вы привыкли жить в одиночестве. Да, и у нас случались непонимание, разногласия и нестыковки. Бывало, и мы друг

друга огорчали.

Но одного в ней я не понимал совсем — полного отсутствия интереса к еде. Полного. Пусть она почти никогда не готовила, что меня устраивало вполне, но она не хвалила *мою* стряпню, что меня не устраивало вовсе. К столу она выходила с кипой корреспонденции и читала за едой.

— Как тебе рыба? — спрашивал я.

— М-м-м? Вкусно, — говорила она, не отрываясь от какого-нибудь письма.

И еще она без всякого уважения относилась к вещам. Ей было все равно, что у каждой вещи есть свое место, каждая требует бережного обращения и ухода. Она их… как точнее сказать-то… не ценила в должной мере.

Если б она в должной мере ценила *меня*, то, наверное, больше заботилась бы о своей внешности, так? Да, поначалу она очаровала меня тем, что напрочь лишена суетного тщеславия, но теперь вот приходила мысль, что выглядит она… э-э… невзрачно и невзрачность эта, знаете ли, умышленная. Со временем я все чаще стал подмечать ее несуразную одежду, тяжелую солдатскую походку и засалившиеся волосы, которые хорошо бы помыть еще вчера.

А Дороти, со своей стороны, считала меня

неоправданно вспыльчивым.

— Ты наверняка взбеленишься, однако… — начинала она, а дальше говорила о какой-нибудь мелочи вроде того, что в долгой поездке лучше вести машину поочередно.

— С чего ты решила, что я взбеленюсь? — удивлялся я, но в тоне моем сами собой возникали гневные ноты, ибо меня раздражало, что она так боится ранить мои чувства. И получалось, я подтверждал ее опасения. Я это видел по ее лицу, хотя она молчала. И эта ее сдержанность меня раздражала еще больше.

Уморительно вспоминать об этом.

Казалось, Дороти чего-то от меня ждет, но прямо о том не говорит. Иногда лицо ее вдруг мрачнело, и я обеспокоенно спрашивал:

— Что? Что такое?

Но она отмахивалась, мол, пустяки. Я чувствовал, что чем-то ее подвел, вот только не понимал чем.

Однажды ее послали на конференцию в Лос-Анджелесе, но она решила увильнуть от поездки. Дескать, не хочет так надолго оставлять меня одного. (Это было в самом начале нашей совместной жизни.)

— Не надо таких жертв ради меня, — сказал я.

— Так, может, вместе поедем? Не хочешь? Пока врачи заседают, для их жен и мужей устраивают автобусные экскурсии и всякое такое.

— Чудесно. Прихвачу с собой вязанье.

— Ну зачем ты так? Я же просто хочу…

— Я пошутил. За меня не волнуйся. Не думай, что без тебя я и шагу не ступлю.

Сказано это было вовсе не в упрек, да и кто счел бы мои слова упреком? Но Дороти сочла. Я это видел по ее лицу. Она промолчала и замкнулась.

Я *попытался* все сгладить.

— Но я благодарен тебе за беспокойство, — сказал я.

Нет, бесполезно. Весь вечер Дороти молчала, утром уехала на конференцию, и я так по ней скучал, словно у меня отняли часть меня самого. Наверное, она тоже скучала, потому что звонила по несколько раз на дню:

— Что ты сейчас делаешь? Так жалко, что тебя здесь нет.

Я уже раскаялся, что не поехал, и сам не верил, что упустил возможность побыть рядом с ней. Раз сто я поклялся себе, что впредь буду сговорчивее и не так скор на обиду, но вот она вернулась и первым делом устроила мне скандал из-за колючки, которую я засадил себе в указательный палец.

Кроме шуток. Я подравнивал куст барбариса, вымахавший аж до балкона, а шипы-то у него микроскопические, и вытащить их ужасно трудно. Ладно, колючка вылезет сама собой, решил я, но она вылезать не торопилась, так что палец покраснел и распух.

— Что это? — накинулась Дороти. — Явный нарыв!

— Да, похоже, — согласился я.

— Что ты *натворил*?

— Ничего я не натворил. Подумаешь, колючку засадил в палец. Скоро нарыв созреет, и я ее вытащу. Чего ты?

— Как ты ее вытащишь?

— Пинцетом, как еще?

— Какой рукой? У тебя поранен палец на левой руке. Как правой рукой ты управишься с пинцетом?

— Я справлюсь.

— Нет, не справишься. Надо было обратиться за помощью. Вместо этого всю неделю ты сидишь и ждешь моего возвращения, вынуждая меня каяться: ах, дура я бестолковая, как же я могла бросить тебя один на один с такой напастью! И все другие меня осудят, все твои родные и сослуживцы скажут: нет, вы подумайте! В нужный

момент ее не было рядом, а теперь у него общее заражение и ему грозит ампутация!

— Какая еще ампутация? Ты рехнулась, что ли?

Дороти молча взяла иголку, прокалила ее над спичкой, потом крепко ухватила мою руку и, неодобрительно поджав губы, одним точным движением проткнула мне палец, и колючка вылетела стрелой.

— Вот так вот, — буркнула моя супруга, дезинфицируя ранку.

Затем понурилась и щекой, нежной, как лепесток, прижалась к моей ладони.

С такими пустяками мы справлялись. Все улаживали и жили дальше. Конечно, былой восторг пригас, но у кого он пылает вечно? Самое главное, мы друг друга любили. Чтобы напомнить себе об этом, стоило лишь представить сцену нашего знакомства. Вот я, одинокий, неприкаянный, ничего не подозревающий, следом за медсестрой иду по коридору Рентгенологического центра. Сестра останавливается перед неплотно прикрытой дверью, легонько стучит. Потом распахивает дверь, я вхожу в кабинет, Дороти отрывает взгляд от книги. И начинается наша история.

Я встал с кушетки и огляделся в поисках трости,

которая обнаружилась в углу комнаты. Потом вышел на крыльцо, запер дверь и зашагал по тротуару.

Налево на Клифтон-лейн, затем еще раз налево к Саммит-авеню, оттуда на Виндхёрст-авеню. Затем прямиком по Вудлон-роуд до Румор-роуд, *моей* окаймленной цветущими грушами улицы всего в три квартала. Смеркалось, но еще щебетали птицы. *Пьють! Пьють!* — кляузничала какая-то птаха, а прыскавшие в траве букашки создавали шумовой фон, который заметишь, если только специально прислушаешься.

Заломило поясницу, но так всегда бывало при ходьбе, а потому я не обратил внимания на боль. И даже прибавил шагу, ибо за плавным изгибом дороги должен был открыться мой дом. Вехой этого поворота служило дерево, породу которого я не знал. На нем всегда распускались розовые цветки, этакие огромные и мясистые, а нынче оно цвело так обильно, что я глубоко вдохнул, готовясь уловить сильный аромат. Однако цветками не пахло. Но как будто чуть-чуть повеяло изопропиловым спиртом и легким запахом мыла. Именно так всегда пахло от Дороти.

Затем я обогнул поворот и увидел ее на тротуаре.

Нас разделяло футов десять, она стояла спиной ко мне и разглядывала наш дом, но, заслышав мои шаги, обернулась. На ней были ее всегдашние широкие черные брюки и серая рубашка. В наступающих сумерках цвета эти чуть расплывались, но сама она была стопроцентно плотской, ну вот как мы с вами, и даже почему-то казалась еще реальнее — твердая, крепкая, непрозрачная. Я уже подзабыл ее непослушный темный вихор на макушке. И ее манеру по-утиному слегка крениться назад.

Чуть вздернув подбородок, она смотрела на меня в упор. Я остановился перед ней. Глубоко вдохнул. Я уж думал, что больше никогда не учую эту восхитительную смесь изопропилового спирта и простого мыла.

— Дороти, — позвал я. Не знаю, вслух ли. Может, просто окликнул ее в недрах своей души. — Душа моя. Единственная моя, неповторимая Дороти.

— Привет, Аарон, — ответила она.

Еще секунду смотрела на меня, потом развернулась и пошла прочь. Ощущения, что она меня покидает, не возникло. Почему-то я знал, что она побыла сколько могла и непременно еще вернется. И потому стоял и глядел ей вслед, не пытаясь догнать. Она дошла до конца квартала, свернула

направо к Хоторну и скрылась из виду.

А я зашагал обратно. На дом я даже не взглянул. Что мне до него? В этаком трансе, я шел осторожно, еле-еле, словно был сосудом, до краев наполненным Дороти, и ужасно боялся ее расплескать.

6

Я ждал. Ждал.

Я был начеку и дни напролет ждал ее возвращения.

Поскольку я увидел ее на нашей улице, я решил, что, скорее всего, там она и появится вновь. Если честно, я всячески крыл себя за то, что не удосужился прийти туда раньше. Неужели все это время она бродила по Румор-роуд, гадая, куда я подевался? Я терзался мыслью об упущенных возможностях нашей встречи.

Оказалось, днем наш маленький дом сродни Центральному вокзалу. Туда-сюда сновали рабочие, грохотали молотки, визжали электроинструменты. Я вконец растерялся — никто из мастеровых меня не знал. Когда сквозь сетчатую дверь я разглядывал свой новый пол цвета жженого сахара, какой-то парень в бандане спросил, чего мне тут надо. Я назвался, и меня тотчас окружили работяги. Не угодно ли осмотреть дом? Не желаете взглянуть на веранду? Гила на месте не было, но рабочие явно знали мою историю. Все со мной говорили почтительно, как гости на по-

хоронах. Из-за этого я себя чувствовал стариком, хотя мы были примерно одного возраста.

Осматривать дом ничуть не хотелось, но отказаться было нельзя. Я помнил слова Нандины: рабочим нужно, чтобы их труд оценили. Однако все оказалось не так уж страшно. Парень в бандане повел меня по дому, коллеги его, побросав работу, пристроились за нами. Сперва они помалкивали и только слушали речь моего экскурсовода.

— Очень хорошо, — бормотал я. — Угу. Понятно.

Потом и другие рабочие стали что-то добавлять к рассказу вожака и, перебивая друг друга, говорили о том, как чертовски трудно было подобрать недостающую часть вон той лепнины, а вон тот карниз пришлось отдирать трижды, прежде чем он встал как надо.

— Ребята, вы просто молодцы, — сказал я, но рабочие отмахнулись — да ну, чепуха! — и, засунув руки в задние карманы штанов, смущенно потупились.

Мне было стыдно, что я так затянул с визитом. Я себя вел, точно капризный ребенок, который свалился с велосипеда и пинает свою двухколесную машину. Дом-то не виноват в том, что

случилось. Кроме того, теперь, после стольких трудов, он был неузнаваем. Даже моя нетронутая спальня, где под белой холстиной громоздилась вся наша мебель.

Еще стыднее мне стало, когда пришел Гил. Увидев меня, он очень удивился и обрадовался, прямо весь вспыхнул, и снова повел меня по дому, который я только что осмотрел.

В общем, визит удался. Но я сделал вывод: если хочу встретить Дороти, днем здесь появляться бессмысленно.

И потому я стал наезжать вечерами или ранним воскресным утром, когда соседи еще не зашевелились. Часиков в семь, а то и полседьмого. Припарковавшись, я сидел в машине и через ветровое стекло смотрел на то место, где увидел Дороти. Я вновь и вновь припоминал каждую деталь нашей встречи, как обычно перебираешь подробности сна, в который хочешь вернуться. Старомодная серая рубашка, черные брюки, вздернутый подбородок, взгляд в упор. Я смотрел перед собой так напряженно, что буквально *ткал* ее облик, однако Дороти не появлялась.

Потом я вылезал из машины и шел к дому. Но очень медленно — на случай, если Дороти надумает где-нибудь меня перехватить. Че-

рез три-четыре шага я приостанавливался и с нарочитым интересом озирал голубое небо, проглядывавшее сквозь кроны деревьев, и тротуар в следах сопревших листьев, похожий на расписную ткань. Но Дороти не появлялась, и тогда я, собравшись с духом, отпирал входную дверь и входил в дом.

Бытовой мусор, оставленный рабочими (пластиковые стаканчики, смятый целлофан, крышки от банок, полные окурков), придавал пустому дому вид жилого. Я немного пережидал, чтобы почувствовать свое одиночество. Потом проходил через весь дом, от прихожей до кухни.

Дороти нигде не было. Пахло свежей древесиной, стоялым табачным дымом, сырой штукатуркой, но не изопропиловым спиртом и мылом. Я ждал так подолгу, что тишина уже шуршала во мне, как шум моря в ракушке, однако никто не говорил «Привет, Аарон».

А произносила ли она эти слова? Или они прозвучали только в моей душе, как и мои собственные? Может, вообще *все* мне привиделось? Может, я настолько обезумел от горя, что сочинил себе ее образ?

Я выходил из дома. Шел по улице, но опять очень медленно. Садился в машину и уезжал.

В следующий раз она появилась на рынке. Это ж надо! На рынке в районе Уэйверли, куда субботним утром я отправился за зеленью. Я оторвал взгляд от латука и у соседнего прилавка увидел Дороти, рассматривающую свеклу.

Обычно на рынке она вежливо скучала. Терпеливо меня сопровождала и, сдерживая зевоту, стояла рядом, пока я набирал овощи нам на неделю.

И потом — свекла! Это же трудоемкая культура, требующая определенных кулинарных познаний. Кроме того, Дороти не особо ее любила. И ела только ради бета-каротина.

Но вот, извольте: берет из горки перехваченный резинкой пучок, так и сяк его поворачивает, словно хочет *изучить*, прежде чем положить обратно и взять другой.

Я двинулся к ней осторожно, точно к пугливому лесному зверьку. Шагнул бесшумно. Встал рядом, не проронив ни слова. И сам взял свекольный пучок. Мы стояли друг к другу очень близко, соприкасаясь рукавами. Сквозь ткань я почувствовал тепло ее руки, наполнившее меня неописуемым покоем. Вот так и стоять бы вечно. Больше ничего не нужно.

— Подсказать чего? — спросила торговка. Еле

заметно я качнул головой.

— И ботва вам сгодится, — затараторила женщина. — Гляньте, какие зеленые да свежие. Надо только сперва отварить их в подсоленной воде, минут пяток, не больше, а потом растопить шмат масла…

Чертова баба. Раскудахталась, клуша несносная. Руке моей стало прохладно, и я, даже не глядя, понял, что Дороти исчезла.

Потом она пришла на Спиндл-стрит.

На этой улице наша контора.

С Пегги и Айрин мы пообедали в маленьком кафе на углу. Затем Айрин отправилась покупать себе туфли, а мы с Пегги неспешно возвращались в издательство. Денек выдался славный — солнечный, но не жаркий, дул легкий ветерок. В кои-то веки мы были одни, и Пегги, кто бы сомневался, сочла момент подходящим для задушевного разговора:

— Ну вот… Аарон… Как ты поживаешь?

— Поживаю, — сказал я.

— Боль поутихла? Или ничуть не легче?

— Ну, так…

— Ничего, что я об этом спрашиваю?

— Ничего.

Я не лукавил. В ту минуту мне и вправду хоте-

лось кому-нибудь поведать о своих чувствах. (Я чуть было не сказал «поделиться», но это отнюдь не мое словцо.)

— Знаешь, боль как будто спряталась под одеялом. Она никуда не делась, только острые края свои… укрыла, что ли. Но стоит отвернуть уголок одеяла — проверить, там ли она, — резанет как ножом. Наверное, так оно всегда и будет.

— Чем тебе помочь? Может, об этом надо говорить чаще? Или не трогать тему вовсе?

— Спасибо, все вы и так…

И тут вдруг справа от себя я ее почувствовал. Она держалась чуть поодаль, но шла вровень со мной. Я ощутил ее округлые формы и смуглость, ее молчаливость и крайнюю настороженность. Но взглянуть на нее не осмелился. Я остановился. Пегги тоже. И та, что шла справа.

— Иди вперед, — сказал я Пегги.

— Что?

— Ступай!

— Да-да, хорошо. — Пегги схватилась за атласную косынку на шее. — Прости, пожалуйста. Я… извини меня! — Она кинулась прочь.

В другое время я бы устыдился своей грубости, но теперь мне было все равно. Я дождался, когда Пегги взбежит на крыльцо и скроется в здании.

Затем повернулся к Дороти.

Она меня рассматривала, спокойно, оценивающе. И выглядела столь же реальной, как знак «Стоянка запрещена» рядом с ней. Нынче она была в черной вязаной блузке (как в тот вечер, когда мы первый раз поцеловались), чуть морщившей под ремнем кожаной сумки. Казалось, она только что с работы.

— Я бы спрашивала тебя чаще, — сказала Дороти.

— Что, прости?

— Мы могли бы разговаривать больше. Но ты всегда меня отталкивал.

— Неужели?

Какой-то прохожий носком ботинка задел мою трость, на долю секунды я отвлекся, потом вновь взглянул на Дороти, но ее уже не было.

— Дороти? — окликнул я.

Поток пешеходов, бросавших удивленные взгляды, обтекал меня, словно камень в реке. Дороти исчезла.

Шли дни, а я только о том и думал, как ее вернуть.

Была ли в ее появлениях какая-то тема, некий обобщающий фактор? Первый раз это случилось, когда я вспоминал нашу совместную жизнь, а

вот второй — когда я перебирал латук. В третий раз увлекся разговором с Пегги. Похоже, всякий раз это происходило в совершенно иных обстоятельствах.

Однажды вечером я спросил сестру:

— Нандина, а наши покойные родители тебе… никогда не являлись?

— Мама с папой?

— Или еще кто… Бабушка Барб, тетя Эстер… Помнится, с тетушкой вы были очень близки.

Нандина перестала нарезать персики — она готовила Гилу очередной фруктовый напиток. Взгляд ее стал жалостливым.

— Ох, Аарон…

— Что?

— Прости, милый, но порадовать нечем.

— О чем ты? Да нет, со мной все в порядке. Просто интересно…

— Конечно, сейчас тебе кажется, что ты никогда не оправишься, но, поверь, настанет день… Нет, я не в том смысле, что это забудется, такое не забудешь никогда, но в один прекрасный день ты проснешься и поймешь, что впереди еще целая жизнь.

— Это я уже понял. Я спрашиваю о другом…

— Тебе всего-то тридцать шесть! В этом воз-

расте многие еще даже не *начинали* жить. Ты красивый и умный. Придет время, и какая-нибудь славная женщина тебя захомутает. Тебе это, поди, кажется невозможным, но попомни мои слова. И не сойти мне с этого места, Аарон, если я не приму ее всей душой. Клянусь, я приму любую женщину, какую ты приведешь в мой дом.

— То есть как в прошлый раз? — спросил я.

— А ты вспомнишь былое и скажешь: поверить не могу, что когда-то мне казалось, будто жизнь моя кончена.

Меня больше угнетает, что жизнь моя все еще продолжается, мог бы я сказать, но не стал, ибо не хотел сочувственных излияний.

Однажды вечером я подъехал к своему дому (Дороти пока больше не появлялась) и прошел туда, где некогда стоял дуб. Дерево убрали, даже пень выкорчевали, а яму засыпали щепками. Это Гил все устроил. А я, помнится, оплатил немалый счет за работу.

Появись, Дороти, думал я, *посмотри, что переменило всю нашу жизнь*. Но вместо нее появилась старая Мими Кинг, жившая через дорогу. Я увидел, как она пробирается через мои кусты бересклета. На сей раз без кастрюльки, однако в фартуке. На седой голове ее подпрыгивали розо-

вые папильотки.

— Надо же, Аарон! — крикнула она. — Как хорошо, что ты здесь! Из кухни глянула в окно — а вон он ты!

— Привет, Мими.

Отдуваясь, старуха подошла ко мне и посмотрела на засыпанную яму:

— Грустное зрелище, скажи?

— Что ж, дерево это прожило хорошую долгую жизнь.

— Сволочь такая.

— Мими, сколько уже прошло, как умер твой муж?

— Нынче будет тридцать три года. Нет, тридцать четыре. Представляешь? Вдова я уже дольше, чем была женой.

— А он когда-нибудь тебе, так сказать… являлся?

— Нет. — Похоже, вопрос ее не удивил. — А я ждала. Шибко хотела его увидеть. Поначалу даже громко звала, умоляла явиться. И ты зовешь доктора Росалес?

— Зову. — Я набрал воздуху в грудь. — И порой мне кажется, что я ее вижу. — Я искоса глянул на Мими, но не прочел ее отклика. — Я понимаю, я выгляжу чокнутым. Но я это так объясняю: она,

видимо, не хочет, чтобы я печалился. Видит, что я страдаю, и потому на минутку является.

— Чушь собачья, — сказала Мими.

— Да?

— Думаешь, я не печалилась по Деннису?

— Нет, я к тому…

— Я, по-твоему, не страдала? Но надо было жить дальше. А как иначе-то, когда трое малолетних детишек на шее и они во всем от тебя зависят? Со мной-то никто не нянькался.

— Да и со мной тоже, — сказал я.

Но Мими уже закончила разговор. Отмахнулась морщинистой рукой и пошла к дороге.

Я спросил у коллег. В день рождения Чарлза мы сидели за именинным тортом, угощаясь шампанским в бумажных стаканчиках. Похоже, вино придало мне храбрости.

— А вот интересно, — сказал я, когда Нандина отошла в свой кабинет ответить на телефонный звонок, — ни у кого из вас не было такого чувства, что близкий человек за вами наблюдает?

Вынимая свечи из торта, Пегги взглянула на меня озабоченно и сделала брови домиком. Я этого ожидал, но счел, что это ее выражение «ах, бедняжка Аарон» стоит вытерпеть, поскольку она-то наверняка верила, что близкие за нами

наблюдают. Однако Пегги промолчала.

— В смысле, умерший близкий? — спросила Айрин.

— Да.

— Это покажется странным, — заявил Чарлз, — но у меня вот нет умерших близких.

— Повезло тебе, — сказала Пегги.

— Все мои бабушки и дедушки умерли задолго до моего рождения, а у родителей моих лошадиное здоровье, тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить.

М-да, подумал я. Те, кто не пережил утрату, казались мне не вполне взрослыми.

— Мне было десять, когда отец погиб в автокатастрофе, — сказала Айрин. — Помню, я переживала, что теперь он всевидящ и узнает о моем пристрастии к магазинному воровству.

— Ого! — удивился Чарлз. — Ты воровала в магазинах?

— В аптеке Рида я стырила губную помаду. Слова ее о всезнании покойных меня заинтересовали. После падения дуба меня не раз посещала тревожная мысль, что теперь Дороти обо мне знает все, включая мои давние фантазии касательно Айрин.

— Самое смешное, что тогда я даже не пользовалась помадой. И вообще могла спокойно ее

купить. Карманные деньги были всегда. Не знаю, что на меня нашло.

— И он узнал? — спросил я.

— Что?

— Отец узнал о твоем воровстве?

— Нет. Как он узнает-то?

— Ну да, конечно.

Из кабинета вернулась Нандина:

— Прошу прощенья! Звонил Гастингс Бернс, эсквайр. Помните его? «Дилетантская ссылка на правовую норму».

— «Дилетантское занудство», — сказала Айрин.

— «Дилетантская заноза в заднице», — добавил Чарлз.

Резкая смена темы меня порадовала, ибо сестра не успела узнать, о чем мы говорили.

Я шел на почту, что на Дипден-роуд, а Дороти шагала рядом. Она не «возникла», не «материализовалась», ничего такого. Просто шла вместе со мной. Ну вот как бывает во сне: ты кого-нибудь видишь, но не требуешь ненужных объяснений, откуда он тут взялся.

Я старался на нее не смотреть, чтоб не спугнуть. Но замедлил шаг. Я шел так осторожно, что со стороны выглядел, наверное, канатоходцем.

Перед почтой я остановился. Внутрь заходить

не хотелось, там полно народу. Я повернулся к Дороти. Она выглядела… ну как всегда: чуть неуклюжая, взгляд прямой, легкая испарина над верхней губой, полные руки прижимают сумку к животу.

— Дороти, я тебя не отталкивал, — сказал я. — Как тебе такое в голову взбрело? И в мыслях не было тебя отталкивать. А ты, значит, так меня воспринимала?

— Да ладно. — Дороти отвернулась.

— Нет, отвечай. Поговори со мной. Давай это обсудим, хорошо?

Кажется, она хотела что-то сказать, но отвлеклась на свои ботинки. На левом развязался шнурок. Дороти присела на корточки и, повернувшись ко мне спиной, стала его завязывать. Терпение мое лопнуло.

— Говоришь, *я* тебя отталкиваю? — рявкнул я. — По-моему, все наоборот, черт возьми!

Дороти выпрямилась, обхватила сумку и пошла прочь. Я смотрел на стоптанные каблуки ее тяжелых ботинок и забахромившиеся края длинноватых брюк. Она дошла до Роланд-авеню, свернула направо и скрылась из виду.

Удивляетесь, почему я не кинулся вдогонку? Потому что разозлился. Столь беспардонное по-

ведение меня взбеленило.

Я еще долго стоял перед почтой. У меня пропало всякое желание заниматься делами.

Когда-то к нам обратился человек со своим сборником советов молодым парам, собиравшимся пожениться. Книжка называлась «Смешанная компания». В результате мы не сговорились (автору показалось, что у нас чересчур дорого, и он предпочел публикацию в интернете), но я накрепко запомнил название книжки. «Смешанная компания». Оно вобрало в себя все изъяны института супружества.

— Есть вопрос, — сказал я. За нашим обычным столиком мы с Нейтом дожидались Люка, разбиравшегося с овощерезкой, у которой случился нервный срыв. — Тебя когда-нибудь навещали покойники?

— Не лично. — Нейт потянулся к хлебной корзинке.

— А как иначе-то?

— А вот так: мой дядя, вернее, двоюродный дед Дэниел, появился на газетной фотографии.

Видимо, он меня недопонял, но я не стал уточнять.

— Газета опубликовала фото латиноамериканских правительственных чиновников. — Нейт

переломил бисквит. — Аргентинских, что ли? Или бразильских? Они попались на взятках. И среди них красовался мой дед. Только при полном параде, вся грудь в орденах.

— Хм…

— Что весьма странно, ибо несколько лет назад я своими глазами видел его в гробу.

— Да уж.

— И его ни с кем не спутаешь. Тот же крючковатый нос, тот же взгляд из-под нависших век. Вон, говорю, чего ты натворил! — Нейт оперся о стол и оглядел зал: — Тут подают масло?

Больше вопросов я не задавал.

И только от Гила я получил более или менее вразумительный ответ.

Причем я его даже не спрашивал. Согласитесь, надо уж совсем спятить, чтоб интересоваться у подрядчика, не общался ли он когда с покойниками.

— Жаль, что Дороти этого не видит, — сказал я, оглядывая новые книжные полки на веранде. И все, больше ничего.

— Да, жалко, — кивнул Гил. Сидя на корточках, он настраивал радиочасы. Мастеровые взяли в привычку всякий раз во время работы включать часы, и целый день на экране мигали цифры

9999, что его, надо думать, раздражало.

— Ей всегда хотелось больше места для медицинских журналов, — добавил я.

— Да уж, эти полки ей бы глянулись. — Закряхтев, Гил встал. — Черт, старею… Кстати, я не рассказывал, как мой покойный папаша являлся, чтоб проверить мою работу?

— Кхм… нет.

— Он умер, когда я еще учился в школе. А много позже, я уже был строителем, вдруг стал являться. То здесь объявится, то там. Этак, знаете, шаркает по стройплощадке и смотрит, что к чему. Покачает вертикальный брус — хорошо ли закреплен. Поднимет кем-то оброненный гвоздь. Бывало, утром приду на работу, а на подоконнике рядком выложены подобранные им гвозди. Очень был бережливый.

Я пытался понять, не смеется ли он, но Гил, запрокинув голову, разглядывал верхний край оконной рамы.

— Так оно продолжалось месяца два. Ходит, и все, знаете, молчком. Ну и я помалкиваю. Только смотрю и гадаю, чего он затеял. Не сказать, что мы с ним были близки. Вот уж нет. Паренек я был буйный, и папаша этого не одобрял. Однако вскоре он исчез, я даже не заметил когда. Просто

перестал являться, и я, кажется, понял, в чем вся штука. Знаете, что я думаю?

— Что?

Гил посмотрел на меня, он был абсолютно серьезен.

— Наверное, я был его незаконченным делом. Он махнул на меня рукой, когда я еще не перебесился, а теперь пожалел об этом и захотел убедиться, что я образумился.

— Ну и как, по-вашему, он довел дело до конца? Остался доволен?

— Доволен ли… Ну, скорее всего, да.

Из нагрудного кармана Гил достал блокнот, что-то черкнул в нем, затем оторвал самоклеящийся листок и прилепил его к оконной раме.

У торгового центра я сидел на скамейке, пока Нандина делала покупки. Ненавижу магазины. Я бы сюда не пришел, но сестра закупала снедь нам в контору. Народу было битком, я занервничал, и она отправила меня на улицу. В жутком раздражении я уселся на скамью, но потом успокоился. И понял, что Дороти сидит рядом.

Я молчал. И не глядел на нее. Она тоже молчала. Похоже, мы решили начать с чистого листа — просто быть вместе. Сидеть молча, чтобы все не испортить. Просто сидеть рядышком и наблю-

дать за жизнью.

Вообразите статуи у какой-нибудь египетской пирамиды: сидящие мужчина и женщина смотрят перед собой, воспринимают окружающий мир.

Мы смотрели на трех старух, в цветастых платьях и белых кроссовках совершавших утренний променад. На юную пару, так переплетенную в объятии, что удивительно, как еще не грохнулись наземь. На мамашу, распекавшую мальчугана лет девяти-десяти, — так и знай, говорила она, каждый день я буду просить прощенья у твоей жены за то, что воспитала столь нечуткого эгоиста.

В полном молчании мы сидели долго-долго. Дороти не ушла. Просто через какое-то время я вновь оказался один.

Теперь, когда я научился ее видеть, она появлялась чаще. Даже не столько появлялась, сколько я ощущал, хоть и не сразу, ее присутствие как тепло за спиной, когда стоял в очереди в кассу, или как контур, который видел боковым зрением, идя к парковке.

Ну вот представьте: вдвоем с приятелем вы пробираетесь сквозь толпу, на него вы даже не смотрите, но знаете, что он держится рядом. Вот

так и с Дороти. Лучше я не сумею объяснить.

Скажу сразу: я не сошел с ума. Нет, чуть перефразирую: я прекрасно сознавал, что только сумасшедшие видят умерших. Я сомневался, что мертвые возвращаются на землю (откуда возвращаются-то?), и даже в детстве не верил в привидения.

Но поставьте себя на мое место. Представьте, что вы потеряли близкого человека, по которому будете тосковать до конца своих дней, и потом вдруг замечаете его в толпе. Вот вразвалочку, руки в карманах, шагает ваш давно умерший отец. Или вы слышите, как вас окликает мать: милый? Или, источая запах ментоловых леденцов и мокрых рукавичек, рядом проходит ваш младший брат, который в шесть лет провалился под лед. Вы не усомнитесь в своем рассудке, потому что счесть все это миражом — невыносимо. И вы не потребуете никаких объяснений, не станете удостоверяться у прохожих и не попытаетесь дотронуться до любимого человека, хотя вам казалось, что за одно такое прикосновение вы бы отдали все на свете. Вы затаите дыхание. И замрете. И будете заклинать любимого больше не исчезать.

Я заметил, что на улице ей комфортнее, чем в

помещении, хотя при жизни все было наоборот. Она не появлялась ни в доме Нандины, ни в нашей конторе. Что ж, в обоих случаях это понятно. С Нандиной она не особо ладила, а в конторе себя чувствовала посторонней. Нет, все были с ней дружелюбны, но вы же знаете эту конторскую обособленность с ее уютным перешептыванием, бородатыми шутками и своеобразным лексиконом.

Труднее понять, почему она не навещала наш дом, точнее, не заходила внутрь. Неужели ей было не интересно? Ближе того места на тротуаре, где я впервые ее увидел, к дому она не подходила. Но вот однажды воскресным утром я выглянул в кухонное окно и увидел ее на заднем дворе — там, где некогда стоял дуб. Редкий случай, когда Дороти появилась еще до моего прихода. Засунув руки в карманы докторской куртки, она разглядывала засыпанную щепками яму. Я стрелой выскочил во двор, забыв трость где-то в доме.

— Видишь, все следы убрали, — сказал я чуть одышливо. — Даже пня не осталось.

— М-м-м, — проговорила она.

— Меня спросили, не хочу ли я клен или что-нибудь другое взамен. Клены растут очень быстро. Но я отказался. У нас здесь и так мало солнца,

сказал я, и хоть теперь…

Я смолк. Не о том я хотел говорить. За время без нее я накопил уйму новостей о доме, соседях и друзьях, о работе и родственниках, но теперь все это казалось несущественным. Мелочным. Когда отдаляешься от события, оно сглаживается и, так сказать, вписывается в общий ландшафт.

Я прокашлялся.

— Дороти, — позвал я.

Молчание.

— Невыносимо думать, что ты умерла.

Она оторвала взгляд от щепок:

— Умерла? Но я не… Хотя можно и так сказать. Вот уж чудно.

Я ждал.

Она вновь уставилась в щепки.

— Тебе хорошо? — спросил я. — Ты скучаешь по мне? А по жизни скучаешь? Это тяжко? Что ты сейчас переживаешь?

Она вновь посмотрела на меня:

— Слишком поздно говорить о том, что я переживаю.

— Что? Слишком поздно?

— Надо было спросить еще до того.

— До чего? О чем ты?

И тут донесся крик Мими Кинг:

— Эгей!

Разряженная для похода в церковь, даже в шляпке, она махала с заднего крыльца. Я коротко махнул в ответ, надеясь, что соседка отстанет, но та, морщась — знак, что нынче она в туфлях на каблуках, — зашагала к нам. Я чертыхнулся и взглянул на Дороти, но она, конечно, уже пропала.

Ясное дело, из-за Мими. Дороти и при жизни ее избегала. Однако я воспринял ее уход как упрек мне лично. «Надо было спросить еще до того, — сказала она, — теперь уже слишком поздно». Сказала и ушла.

Я не мог избавиться от чувства, что во всем виноват только я. Мими продиралась сквозь кусты бересклета, но я отвернулся и с тяжелым сердцем захромал к дому.

7

В сентябре состоялось совещание по нашим планам на Рождество. Когда на улице температура за восемьдесят, а листья еще даже не начали желтеть, настроиться на зимний праздник нелегко. Мы собрались в кабинете Нандины: Айрин и Пегги устроились на двухместном диванчике, мы с Чарлзом — в офисных креслах, невесть откуда к нам приблудившихся. Разумеется, Пегги принесла домашнее печенье и холодный чай с мятой, за которые Нандина ее поблагодарила, хотя было видно, что она считает это излишним. («Иногда мне кажется, что я опять в начальной школе, а Пегги — мамаша из родительского комитета», — как-то раз пожаловалась сестра.) Из вежливости я взял одно печенье, но есть не стал, положил на салфетку.

Нынче Айрин была в своей легендарной юбке-дудочке, такой узкой, что ей пришлось вздернуть ее выше колен, иначе не сядешь, открыв на всеобщее обозрение длинные гибкие ноги, которые она могла переплести чуть ли не дважды, зацепив носок одной ступни за лодыжку другой.

Как всегда, Пегги пришла в чем-то кружевном, усиленном шерстяной кофточкой с короткими рукавами в оборках, ибо вечно плакалась, что наш кондиционер уж слишком выстуживает помещение. Председательствовавшая Нандина была в блузке из дорогого магазина. Она сцепила ладони и оглядела собрание:

— Для начала хотелось бы узнать, нет ли у кого-нибудь гениальной идеи касательно нашей праздничной торговли.

Все молчали. Потом Чарлз проглотил печенье и чуть приподнял руку:

— Это покажется маленько грандиозным, но я вроде бы нашел способ продать всю серию «Дилетанта» целиком, все выпуски в одной упаковке.

Нандина, похоже, удивилась.

— Вы ведь слышали о родителях-наседках, — продолжил Чарлз. — Об этих нынешних типах, которые ежечасно названивают своим деткам-студентам, дабы удостовериться, что их чада живы-здоровы. Поверьте, я не предлагаю ничего особенного, тем более что девчонок еще надо уламывать покинуть отчий кров. Однако это именно то, что нужно остолопам: все выпуски в красивых ящиках под орех с раздвижными крышками. Открой ящик и получи руководство

на все случаи жизни. Там не только «Дилетантское обустройство дома» или «Дилетантское воспитание детей», но вся дилетантская жизнь от начала до конца, от колыбели до могилы! Большое преимущество, что ящики исполняют роль блочного книжного шкафа. Детки устанавливают их в своих апартаментах, и чуть что — сдвинь крышку и читай инструкцию. Пора переезжать? Задвинь крышки и грузи ящики в фургон. Ты еще не готова к советам по кормлению грудью или разводу? Отправь этот ящик в подвал, пусть дожидается своего часа.

— Что, и «Дилетантский выход на пенсию»? — спросила Айрин. — И «Дилетантская организация похорон»?

— Или поставь в кладовку. Говорят, сейчас у всех есть кладовки.

— Что-то не верится, Чарлз, — сказала Нандина, — что даже родители-наседки зайдут так далеко.

— Верно, — подхватила Айрин. — Проще одарить их «Дилетантским расставанием с ребенком», и дело с концом.

— Мы это издавали? — удивилась Пегги.

— Нет, Пегги. Я пошутила.

— Это всего лишь идея, — сказал Чарлз. —

Конечно, сначала надо продать другие книги. Возьми на заметку, Пегги.

— Раз уж мы заговорили о новых названиях, — подскочила Пегги, — я предлагаю «Дилетантскую жену в климаксе».

— Что-что? — переспросила Нандина.

— Помните, на прошлой неделе ко мне приходил мастер чинить плиту? Так вот он рассказал, как жена его, у которой климакс, доводит его до белого каления.

— Ну ей-богу, Пегги! — сказала Нандина. — Где ты находишь таких типов?

— Это не я! Его вызвал домовладелец.

— Значит, в тебе есть что-то такое. Кто ни придет, непременно загрузит тебя своими проблемами.

— О, я не против.

— Что касается меня, — сказала Айрин, — я всегда четко соблюдаю деловые рамки. Вот кухня, говорю, вот плита. Дайте знать, когда закончите.

Я засмеялся, но все другие уважительно покивали.

— Честное слово, я не виновата, — сказала Пегги. — Звонят в дверь, я открываю. Входит мужик и с ходу: жена, говорит, в климаксе.

— Кажется, мы отклонились от темы, — пе-

ребила Нандина. — Какие еще предложения по Рождеству?

Чарлз опять приподнял руку:

— Ну вот… — Он оглядел нас. — Боюсь злоупотребить вашим вниманием…

— Ничего, валяй, — сказала Нандина. — Похоже, сегодня вдохновение посетило только тебя.

Из-под кресла Чарлз достал книгу в богатом кожаном переплете: на коричневом фоне щедрое золотое тиснение, название в готическом шрифте. «Моя замечательная жизнь. Автор…»

— Кто автор-то? — спросила Нандина.

— Да кто захотит.

— Захочет, — поправила Айрин.

— Прошу прощенья. Вот же ляпнул-то… Значит, это задумано как рождественский подарок старому хрычу. Его отпрыски заключают с нами договор на издание папашиных мемуаров, вносят предоплату и получают болванку в кожаном переплете, на котором оттиснуто хрычево имя. Далее они преподносят подарок и объясняют папеньке, что ему осталось лишь записать свои воспоминания. После чего книга идет в печать. Легко и просто. — Чарлз вскинул книгу над головой и заманчиво переворошил страницы.

— А если старый хрыч удовольствуется руко-

писным вариантом? — спросил я.

— Нам же лучше. Печать уже оплачена, наше дело маленькое. Деньги, естественно, не возвращаются.

Я воздержался от упоминания «Дилетантского надувательства», а Пегги воскликнула:

— Ох, бедные его дети!

— Плотишь деньги и рыскуешь, — сказал Чарлз.

— А нельзя продавать только болванку без оплаты печати?

— Тогда чем это будет отличаться от альбомов «Бабуся вспоминает», которыми торгуют открыточные отделы?

— Роскошным переплетом.

Чарлз вздохнул.

— Во-первых, людям нравится, когда их слова напечатаны, — сказал он. — На этом в основном и держится наша контора. И потом, мы стараемся максимально удорожить свою продукцию.

— А если жизнь хрыча вовсе не была замечательной? — спросила Айрин.

— Уж тогда-то он сразу схватится за перо. Ему будет просто невтерпеж взяться за дело! Старикан усядется под елку и начнет строчить о собственных бедах, забыв про домочадцев.

— Ладно, спасибо, Чарлз, — сказала Нандина. — Тут есть о чем подумать. Идея с блочным книжным шкафом выглядит несколько… амбициозной, а вот над мемуарами определенно стоит поразмыслить. Какие еще предложения?

Все внимательно разглядывали стены, точно ученики, надеющиеся, что их не вызовут к доске.

Появления Дороти возымели удивительный эффект: все больше я смотрел на мир ее глазами. На совещании я сидел как чужак, поражаясь столь серьезному отношению ко всякой чепухе. Подумать только: набор инструкций, как проскользнуть по жизни. Солянка из военных мемуаров и сумасшедших философствований, на которые не взглянет ни одно нормальное издательство. И ради этого я живу?

Прежде я тешился мыслью, что после смерти мне откроется смысл моей жизни. Я и представить не мог, что его откроет чужая смерть.

После совещания все пошли обедать в угловое кафе, а я удалился в свой кабинет. Надо кое-что доделать, сказал я. Но, оставшись один, развернул кресло к окну и тупо уставился на унылый каменный пейзаж. Господи, как хорошо, что не надо изображать оживленность, что можно сбросить маску жгучей заинтересованности.

Я вспомнил, как Дороти стояла на Румор-роуд и смотрела на наш дом, как она сопровождала меня с обеда. Пришла мысль, что мы, по всей видимости, не общались вслух. Я беседовал с ней мысленно, и в кои-то веки слова мои лились свободно, без единой запинки. По правде, так помнились вообще все мои разговоры. Если в жизни с фразой «Б-б-будьте… люб-ббезны… сообщить с-свой адрес» я мучился, то в воспоминаниях легко произносил ее скороговоркой. Однако я себя не обманывал. Я прекрасно понимал, что на чужой слух речь моя подобна отрывистому звонку мобильника.

Но с Дороти все было иначе. Я плавно скользил от предложения к предложению, ибо произносил их мысленно. И она меня понимала. Это было так легко.

Однако сейчас я жаждал взаправдошности обычной жизни. Пусть мои гласные и согласные налезают друг на друга, пусть, обнимая жену, я отдавлю ей ноги, пусть при поцелуе мы столкнемся носами. Я хотел *настоящего* со всеми его изъянами и недочетами.

Я прикрыл глаза и всем сердцем взмолился: явись и просто положи руку мне на плечо. Но она не появилась.

Коллеги вернулись с обеда — в приемной послышались разговоры и смех. Скрипнул стул. Зазвонил телефон. Потом кто-то легонько ко мне постучался.

Я развернулся лицом к двери:

— Кто там? (Вообще-то я рявкнул «кто?».) Дверь приоткрылась, в щели возникла голова Пегги:

— Ты занят?

— Ну так…

Пегги вошла в кабинет и осторожно притворила дверь. (Ой-ой-ой, очередной задушевный разговор.) Она протянула руку — на салфеточной подстилке лежало печенье.

— Ты забыл это у Нандины. — Пегги положила печенье на пресс-папье. — Я подумала, вдруг ты голодный, ты же не обедал.

— Спасибо.

Под мышкой она держала банку с печеньем, расписанную розовыми и лиловыми гортензиями. Из-под крышки выглядывал кружевной краешек прокладочной бумаги. Пегги молча поставила банку на стол, словно надеясь, что я этого не замечу.

— Сегодня в «Обжираловке» день горячих бутербродов, — сказала она.

— Здорово. Значит, теперь только я пригоден

к работе.

— Да, у меня уже крутит живот.

Я ждал, когда она уйдет, но Пегги придвинула к себе стул и уселась на самый кончик сиденья. Я это счел добрым знаком. Однако потом она стянула шерстяную кофточку, что определенно было дурным знаком. Пегги повесила кофточку на спинку стула и расправила рукавчики, растопырившиеся, точно алтей. Потом повернулась ко мне и сложила руки на коленях.

— Похоже, мое предложение никому не глянулось, — сказала она.

— Какое предложение?

— О жене в климаксе. Ты даже не помнишь?

— Ах да. — Я постарался вспомнить, что там говорилось о климаксе, и, помолчав, сказал: — Знаешь, поскольку сейчас мы сосредоточились на Рождестве…

— Нет, так оно всегда. Ты, Пегги, полноправный член команды, говорит Нандина, не представляю, что бы мы без тебя делали. Но стоит мне заговорить, меня затыкают. Утром никто не задумался над моим предложением, меня просто высмеяли за беседу с ремонтником. Идею мою не обсудили и не голосовали, а Нандина еще заявляет, что вдохновение посещает только Чарлза. Ты заме-

тил, *как* она это сказала? Но идея-то моя *хорошая*! Она заслуживает серьезного внимания!

— Понимаешь… наверное… — я все пытался вспомнить, в чем, собственно, состояла ее идея, — она показалась чуть-чуть специфической…

— Специфической? Половина живущих на земном шаре проходит через климакс! Это уж никак не назовешь редким и необычным явлением.

— Да, верно, однако… Возможно, странной кажется формулировка. Я еще понимаю «Дилетантский климакс», но «Дилетантская жена в климаксе»… Не понятно, кому это адресовано.

— Нет, все понятно. — Пегги вытянулась в струнку, сцепленные пальцы ее побелели. — Это адресовано тому, кто нуждается в подобной информации, то есть мужу. Он ошарашен! Я не понимаю, что творится с моей женой! — говорит он. И мы растолкуем ему, что с ней такое. Подскажем, что она нуждается в его поддержке, ибо чувствует себя старой и бесполезной, посоветуем ему проявить особую заботу.

Ну да, в этом вся Пегги.

— Знаешь, я понимаю твою мысль, но некоторым очень неприятно, когда над ними трясутся. Ты это учитываешь? Ладно, женщина себя чувствует бесполезной, но не усилится ли это

чувство, если муж будет с ней нянчиться? Она возьмет да пошлет его куда подальше.

— Вот в этом ты весь, — сказала Пегги.

— Что?

— Только ты способен послать того, кто к тебе добр.

— Да нет, я к тому…

– *Нормальный* человек скажет: ой, спасибо, милый; теперь мне гораздо легче; я себя чувствую любимой и нужной.

— Ну хорошо…

— А вот он ты — выставишь свои колючки, и мы ходим на цыпочках, боимся сказать что-нибудь не то.

— Что это мы вдруг съехали на меня?

— Это нехорошо, Аарон. Ты слишком многого от нас хочешь. Мы не умеем читать мысли! Мы тут бьемся как рыба об лед, стараемся прожить как можно лучше, чтоб не хуже других!

Пегги стремглав выскочила из кабинета, старательно грохнув дверью.

Боже ты мой.

Я пребывал в полной растерянности. Столь нелогичные беседы случались нечасто. Когда путь из точки A пролегал не к точке B, но к точке H. И даже к точкам X, Y, Z!

Срочно требовалась книжка «Дилетантская спятившая секретарша».

Коллеги все слышали? Уж грохот-то двери нельзя не заметить. Я прислушался, но ничего не уловил. В приемной царила мертвая тишина.

Я взял печенье. Осмотрел. Я вроде бы расстроился. Небывалый случай, чтоб Пегги вышла из себя.

Печенье овсяное, с шоколадной крошкой. Только не магазинный плоский кругляш, а этакая объемная долька из цельных хлопьев, присыпанная даже не стружками, а кусочками шоколада. На пробу я чуть-чуть откусил. На секунду шоколад охолодил язык, потом начал таять. Возможно, кто-нибудь счел бы это печенье сыроватым, а вот на мой вкус оно было пропечено в самую меру — слегка вязкое внутри и хрустящее сверху. И еще какие-то твердые крапины создавали интересный текстурный контраст. Орешки, что ли? Нет, не орешки. Нечто тверже и кольче. За размышлением я не заметил, как прикончил печенье, и тогда, поддев крышку банки, выбрал себе еще одно. Надо же выяснить, что это за вкрапления. Изрядно откусив, я стал задумчиво жевать. Отчетливый овсяный вкус — сразу видно, что использованы старые добрые хлопья, а

не фигня быстрого приготовления. Хорошо бы сейчас стакан холодного молока, но нельзя получить все сразу. Я доел печенье и взял следующее. Потом еще одно. Глупо, конечно, но я прикрыл глаза, наслаждаясь разнообразием вкусов — овса и шоколада, озерцом растекавшегося по языку. Я проглотил, открыл глаза и снова откусил.

Жестяная банка для печенья тоже радовала глаз. Для каждого времени года у Пегги имелась своя банка: на Рождество — ярко-красная с Санта-Клаусом на крышке, на Пасху — бледно-зеленая с кроликом в шляпке, на лето — нынешняя с гортензиями, на осень — расписанная желудями. Я взял очередное печенье и, размеренно жуя, перевел взгляд на кофточку, пелериной висевшую на спинке стула. Вряд ли одеяние с короткими рукавами может согреть, но, видно, Пегги очень любила эту белую кофту со сборчатыми плечиками. По краю рукавов шли узенькие вязаные оборки (как же без них), еще две оборки украшали планку с пуговками. Могу спорить, у Пегги даже белье в оборках. Я провел приятную минуту, вообразив ее лифчик: кружева (наподобие бумаги в банке для печенья) обрамляют чашки и сходятся у нежной впадины меж грудей. Я сунул руку в банку, но она оказалась пустой. Одни лишь крош-

ки. Я собрал их пальцем и тщательно его облизал. Потом испустил протяжный сытый вздох и, откинувшись в кресле, вновь развернулся к окну.

Замызганное окно цокольного этажа выходило на зады неопрятного кирпичного дома, рядом с обшарпанными деревянными крыльцами громоздились мусорные баки и пирамиды пустых ящиков из-под молочных бутылок. А возле них стояла Дороти. Она была абсолютно неподвижна, я даже не сразу понял, что это она.

До нее было футов двадцать, но я не знал, видит ли она меня, хотя взгляд ее был обращен к окну. Руки ее висели вдоль тела, сумки при ней не было. Она выглядела как человек, который не знает, что ему с собой делать. Как будто заблудилась. И не ведает, куда идти дальше.

Я неуклюже вскочил, но, пока добрался до окна, она развернулась и пошла прочь.

8

Как-то раз ночью я проснулся и услышал тихое бормотанье, доносившееся из спальни сестры. А потом однажды утром, бреясь в ванной, я глянул в окно и увидел Гила, который вышел из дома, сел в свой пикап и тихонько укатил.

Все понятно, я стал помехой. Пора вернуться домой.

Но ведь ремонт еще не закончен, сказали Нандина и Гил, когда вечером я объявил о своем решении. Ничего страшного, ответил я, подумаешь, с утра рабочие чуть-чуть обеспокоят. Ну ладно… раз ты так хочешь… — с заметным облегчением согласились оба. Сразу после ужина я начал паковаться. А на другой день, это была пятница, ушел с работы пораньше и переехал.

Сияющее жилье мое, полнившееся гулким эхом, смахивало на кукольный домик, девственно чистый и пустой. Но спальня была забита мебелью и коробками с вещами, а потому я разместился в гостевой комнате, из-за малых размеров избежавшей участи кладовки. Я порадовался предлогу не спать в своей кровати. Наверное, я

боялся, что нахлынут воспоминания — не о супружеской жизни, но о тех днях после несчастья, когда ночь напролет я лежал без сна, гадая, как жить дальше.

Однако переехал я не только из-за Нандины с Гилом. Будем честными. Вторая и главная причина — в доме я надеялся увидеть Дороти. После ее появления на задах неприглядного здания прошло две недели, но она ни разу нигде не мелькнула. Тщетно я выглядывал ее на улицах, в толпе, во всяких очередях. На перекрестках я резко оборачивался, надеясь застать ее врасплох. Я усаживался на приметные скамейки и всеми силами старался почувствовать, как мы с ней соприкасаемся рукавами. Все напрасно. Она меня избегала.

Дома особенно внимательно я следил за тротуаром и задним двором, где Дороти появлялась раньше. В субботу я встал чуть свет, заглотнул импровизированный завтрак (два батончика мюсли из коробки с продуктами, стоявшей в спальне) и вышел на улицу, стараясь как можно тише стучать тростью, чтобы не тревожить соседей. Я обошел квартал, но встретил лишь чрезвычайно пугливую черную кошку, при моем приближении дунувшую прочь. В безлюдье я казался себе

непомерно высоким. И охотно вернулся домой.

Солнце пригрело, и я уселся на кованый стул, который перетащил из палисадника на задний двор. М-да, лужайка представляла собой жалкое зрелище. Лето выдалось сухим, трава была как солома. Чахлые азалии сморщились, щепки, которыми засыпали яму от дуба, просели на добрый фут.

Наверное, я ополоумел, вообразив, что Дороти сюда придет. Здесь так голо. Ты весь на виду. И ни пятнышка тени, чтоб укрыться от палящего солнца.

Наконец я встал, сходил в дом за ключами от машины и поехал в магазин, где набрал гору провизии. Со стороны, поди, казалось, что я закупаю на семью из десяти человек. (Видимо, я решил залечь в своей берлоге и дожидаться появления Дороти сколь угодно долго.) Вернувшись домой, я достал из коробок кое-какую кухонную утварь и соорудил себе добротный сбалансированный обед — белки, углеводы, зелень. Затем опять уселся на кованый стул, поскольку иных занятий не было. Однако через минуту-другую встал и размотал садовый шланг. Трава под ногами хрустела. Я установил брызгалку возле азалий, отвинтил кран на полную мощь и вновь уселся на стул. В

тот день я для себя открыл, какое удовольствие наблюдать за поливом лужайки.

Я прямо ощущал благодарность травы. Казалось, и птицы выражают признательность. Как будто слух о поливе разнесся по округе, и теперь птичья стайка, неведомо откуда взявшаяся, щебетала и плескалась в водяных каплях. На стуле с чересчур прямой спинкой сидеть было неудобно, завитки узора впивались в поясницу, и все равно меня охватило чувство небывалого покоя. Я запрокинул голову и, прищурясь, следил за водяной дугой, колыхавшейся туда-сюда, точно девичья юбка при ходьбе.

Я буквально затопил свой двор.

Лишь к вечеру, когда налетела кусачая мошкара, я отключил шланг. После ужина я расположился в неудобном каминном креслице, стоявшем в углу гостевой комнаты, и попытался читать, но вскоре накатила просто неодолимая сонливость. Отложив книгу, я улегся в постель и беспробудно проспал часов до девяти следующего утра.

В воскресенье спозаранку я перетащил часть коробок из спальни в кухню и расставил тарелки и продукты по шкафам, пахнущим свежей краской. Как приятно, когда все на своих местах. При

Дороти это было совершенно невозможно.

Поймав себя на этой мысли, я мотнул головой, словно пытаясь стряхнуть нехорошее воспоминание.

Распаковав самое необходимое, я вышел на задний двор, точно заядлый болельщик, которому невтерпеж вернуться к игре. Трава еще была жухлой, но уже не хрустела. По чавкающей лужайке я перенес брызгалку к кустам бересклета и вновь уселся на чугунный стул.

Я уже знал, что в водяных струйках, подсвеченных солнцем, возникают видения. В смысле, миражи. Дороти, к сожалению, не возникала. Но я видел то вздымавшуюся коринфскую колонну в орнаменте, которая на макушке распускалась веером и тотчас рассыпалась на части, то даму в бежевом платье с турнюром. Самым причудливым было видение качелей: мужчина в майке раскачивал ребенка в детском сиденье. Конечно, я несчетно видел радуги и полотна переливчатой тафты, расстилавшейся по лужайке.

А вот Дороти не видел ни разу.

Потом я увидел женщину под зонтиком… но… погодите-ка… она была реальная. За кустами бересклета маячила Мими Кинг, перебиравшая ногами, точно девчонка, что готовится впрыгнуть

под скакалку. Наконец она нырнула под струю, затем стряхнула и сложила зонтик.

— Привет, Аарон! — Мими заковыляла ко мне в своих воскресных туфлях на каблуках, которые, несомненно, оставляли дырки в хлюпающем дерне.

Я встал ей навстречу:

— Доброе утро, Мими.

— Такими темпами ты здесь вырастишь тропический лес.

— Надо же что-нибудь сделать для нашей планеты.

Мими установила зонтик меж ступней и оперлась на него:

— Ты вернулся?

— Решил, что пора.

— Мы боялись, ты съехал насовсем.

— Еще чего, — сказал я, словно подобная мысль меня не посещала.

— Давеча я говорю Мэри Клайд: надо бы, говорю, его известить, что эта фирма по уходу за лужайками все стрижет траву, которой уж и нету. А она мне отвечает: да в курсе он, наверняка строители ему сказали. Ну не знаю, говорю, им, по-моему, дела нет до лужайки.

— Присаживайся, Мими, — предложил я, пере-

живая за ее туфли, густо облепленные грязью и жухлыми травинками.

Но старуха думала о своем:

— Это просто сама судьба, я ведь как раз собиралась пригласить тебя на ужин.

— Спасибо, только я…

— Хорошо бы, ты познакомился с моей племянницей. После смерти мужа она сама не своя, и я подумала, хорошо бы ей поговорить с тобой.

— Да я, знаешь ли, не особо разговорчив.

— А то, неужто я не понимаю? Но тут совсем другое дело. Муж-то ее умер в прошлый Сочельник, представляешь? Смерть его просто подкосила бедняжку Луизу.

— В Сочельник? — переспросил я. — Кажется, я слышал эту историю.

— Тогда тебе все ясно! Она смирилась с его неизлечимой болезнью, но и подумать не могла, что он скончается в Сочельник.

— Да, теперь для нее этот праздник не в праздник, потому как всякий раз он напомнит о покойном муже.

Я хотел всего лишь выразить сочувствие, но, видно, слишком преуспел в этом, ибо Мими изумленно вытаращилась:

— В самую точку! Вот видишь? Тебе есть что

сказать.

— Нет-нет! — поспешно ответил я. — Ей-богу, я не владею никакими… житейскими премудростями или чем там еще.

— Премудростями?

— И потом, сейчас дел невпроворот. В доме жуткий кавардак! Все свалено в одну комнату: мебель, книги, всякий хлам, лампы, шторы, ковры…

Мне таки удалось ее заговорить. Мими вяло махнула рукой и пошла обратно, перед брызгалкой вновь раскрыв зонтик, хоть я тотчас любезно прикрутил кран. Тем более что лужайка напиталась водой хорошо.

Помянув кавардак в спальне, после обеда я решил навести там хотя бы относительный порядок. Расставлять все вещи по своим местам не имело смысла, они бы только мешали рабочим, но кое-что можно было выбросить. Скажем, медицинские пособия Дороти и кучу скопившихся ненужных безделушек.

Выяснилось, что многие книги промокли — не только жены, но и мои. Правда, они уже подсохли, однако обложки покоробились, а от бумаги исходил заплесневелый мышиный запах. Я открывал коробку за коробкой, удрученно перебирал книги

и относил их в прихожую, чтобы потом рабочие все это выбросили. Однако я попытался спасти несколько своих любимых биографий и альбомы с семейными фотографиями. После маминой смерти я забрал эти альбомы и теперь чувствовал себя виноватым, что они в таком состоянии. Я перенес их в кухню и открытыми разложил на столешницах, надеясь, что полинявшие черные листы все-таки проветрятся.

С безделушками я не церемонился. На кой черт мне бронзовые башмачки? (Пара миниатюрных кроссовок, ой как остроумно.) Или фарфоровые часики, вечно отстающие, или ваза в виде тюльпана, которую кто-то подарил нам на свадьбу?

Ужинал я стоя, поскольку стол был занят альбомами. Пережевывая тако, я расхаживал по кухне и вглядывался в старые коричневатые фотографии. Мужчины в стоячих воротничках, женщины в платьях с рукавами «баранья нога», мрачные дети в негнущихся нарядах, похожие на ходячую рекламу. И никаких подписей. Наверное, создатель альбома считал это излишним — в тогдашнем маленьком мире все друг друга знали. Потом коричневатые фотографии сменились черно-белыми, а те — неестественных оттенков цветными, но опять ни одной подписи. Ни под

свадебным фото родителей, ни под снимком Нандины в крестильной сорочке, ни под фотографией, где мы с сестрой на чьем-то детском дне рождения. Единственное фото с моей свадьбы тоже не имело подписи. Мы с Дороти стоим на ступенях церкви, вид у нас скованный и растерянный. Оба дурно одеты: я в коричневом пиджаке, из рукавов которого торчат запястья, Дороти в ярко-синем вязаном платье, некрасиво обтянувшем выпирающий живот. Через пятьдесят лет кто-нибудь увидит этот альбом на блошином рынке, взглянет на нас и перелистнет страницу, даже на секунду не заинтересовавшись, кто мы такие.

В силу разных рабочих графиков с мастеровыми я почти не пересекался. В будни они приходили рано, но в это время я уже заканчивал завтрак. В утренней прохладе дымили их бумажные стаканы с горячим кофе. Работяги шумно вытирали ноги о коврик в прихожей, извещая о своем прибытии. Мы перебрасывались парой фраз о погоде, и я уходил на службу, а когда возвращался, уже не было ни рабочих, ни следов их пребывания, кроме кучки инструментов на мятой подстилке в углу гостиной. Однако в доме что-то витало, нечто ощутимее запаха табачного дыма. Казалось, своим появлением я перебил разговор о

жизни гораздо богаче и насыщеннее моей собственной, и я проходил по пустым комнатам, не только утверждая себя хозяином дома, но еще питая крохотную надежду, что где-нибудь завалялся кусочек этой насыщенной жизни для меня.

Но вот в пятницу я вернулся домой, а двое рабочих еще не ушли. Один заканчивал покрывать лаком пол на веранде, другой расхаживал по дому и собирал банки с краской, кисти и валики в картонную коробку.

— Мы уж хотели уйти, — сказал рабочий с коробкой, — но оказалось, Гэри купил лак не того оттенка, пришлось задержаться.

— Я тут ни при чем, братан, — возразил Гэри. — Это Гил записал неправильный номер.

— Да фиг-то с ним. По любому, мы закончили. Надеюсь, вам понравится, как все получилось.

— В смысле, закончили совсем? — спросил я.

— Ага.

— Все-все сделано?

— Ну если только еще что-нибудь пожелаете.

Я огляделся. Все безупречно: белые стены гостиной сияют, новенькие полки на веранде ждут, чтобы их заполнили. Кто-то подмел опилки, убрал бумажные стаканы и крышки-пепельницы. Почему-то мне стало одиноко.

— Да нет, больше ничего, — сказал я.

Гэри выпрямился и положил кисть на банку:

— Только сюда пока не заходите, ладно? Сутки. А потом еще пару дней ходите тут в обуви. Вы не представляете, сколько людей думают, что сберегают пол, разгуливая в носках. Ничего хуже не придумаешь.

— Просто гробят пол, — поддержал второй рабочий.

— Тепло от ног…

— Катыши со старых носков…

— Пятки топочут по половицам…

Рабочие еще постанывали и качали головами, когда открылась входная дверь. Я знал, что это Гил, потому что он всегда стучал, перед тем как войти.

— Здорово, ребята, — сказал он, появившись в арке гостиной. Как всегда, он уже переоделся в хаки и чистую рубашку. — Привет, Аарон.

— Здравствуйте, Гил.

— Как тут наши дела?

— Только что закончили, босс, — сказал рабочий с коробкой.

Гил оглядел пол на веранде:

— Смотрится хорошо. Теперь сутки сюда не заходите, а потом еще пару дней…

— Я знаю, в носках нельзя, — сказал я.

— Хуже не придумаешь, — кивнул Гил.

Он проводил рабочих в прихожую и, хлопнув Гэри по плечу, напомнил, что в понедельник утром они начинают у миссис Маккой. (Меня кольнула детская ревность.) Потом вернулся в гостиную.

— Выходит, тут вы закончили, — сказал я. В пустой комнате голос мой отдавался гулким эхом.

— Все как новенькое.

— Даже лучше. Я признателен вам за прекрасную работу, Гил.

— Обращайтесь, если не дай бог что.

— Не дай бог, — согласился я.

— В понедельник я пришлю пару человек расставить мебель. Вы здесь будете, чтоб сказать, что куда?

— И без меня справятся. В таком маленьком доме и так все ясно.

Гил кивнул и обернулся вокруг себя, оглядывая гостиную.

— Вам понадобятся мойщики окон. Если хотите, у меня есть список фирм.

— Наверняка сестра кого-нибудь знает.

— Кстати, чуть не забыл! — Гил шлепнул себя по карману. Я подметил нарочитую небрежность

его тона и этакую театральность жеста. Из кармана он достал коробочку синего бархата, явно футляр для кольца.

— Ого! — сказал я.

— Тут вот… — Гил поднял крышку и шагнул ближе, я уловил сильный аромат лосьона после бритья. Золотое кольцо с маленьким переливающимся бриллиантом.

— Очень красивое, — сказал я. — Кому это?

— Ха-ха-ха.

— Она знает?

— Чисто теоретически. Мы заводили разговор о женитьбе. Черт, надо было, наверное, сначала с вами поговорить. В смысле, попросить ее руки и все такое.

— Да забирайте! — Я беззаботно махнул рукой.

— Спасибо. — Гил ухмыльнулся, разглядывая кольцо. — Камешек, конечно, маловат, но ювелир говорит, что чистой воды. Мол, ни малейшего изъяна. Поверил ему на слово. Как будто я в этом разбираюсь…

— Ей очень понравится, — сказал я.

— Надеюсь. — Гил все рассматривал кольцо.

— А как вы узнали, какой нужен размер?

— Обмерил ее колечко с опалом, пока она была в душе. — Гил взглянул на меня и покраснел,

словно приоткрыл мне нечто запретное.

— Вы молодец, — сказал я. — Что ж, о лучшем зяте нельзя и мечтать.

— Спасибо, Аарон. — Гил закрыл коробочку и спрятал ее в карман. — Там продается кольцо под стать этому, но я решил, пусть сперва Нандина его посмотрит. Она хочет, чтоб я тоже был с кольцом.

— Да, сейчас так заведено. — Я хотел показать свою левую руку, на которой по-прежнему носил кольцо, но почему-то передумал. Вдруг это будет бестактно?

Те, кто покупает обручальные кольца, не желают напоминаний о том, что настанет день, и кому-то из них медсестра (или гробовщик) передаст кольцо его половины.

Ждать до понедельника было томительно, и я сам потихоньку занялся обстановкой — расстелил ковер в гостиной, расставил по местам кое-что нетяжелое из мебели. В субботу вечером, когда пол веранды просох, я поставил уцелевшие книги на новенькие полки. Потом из кухни принес фотоальбомы и выстроил их по годам. Но даже самые свежие фото были не такие уж свежие. Последний снимок — мамин куст цветущей буддлеи — шел сразу за нашей свадебной

фотографией и, значит, был сделан в конце лета 1996-го. В крайнем случае, 97-го, ибо отец умер в самом начале 98-го, а в нашей семье фотографировал только он.

Манера не подписывать снимки напомнила о старых кладбищах, где имена на надгробиях стерлись, и теперь не скажешь, кто под ними лежит. Вот маленькая серая плита, на которой выгравирован едва различимый барашек, а значит, здесь похоронен ребенок, но имени его и слов горюющих родителей уже не прочтешь. На камне остались лишь отдельные щербины, и сами родители умерли, и все забыто.

Горько было смотреть даже на мамину буддлею, хваставшую цветочными гроздьями насыщенно пурпурного цвета. Хотя куст этот был жив — он стоял на заднем дворе Нандины, и я видел его всякий раз, как выносил мусор.

На свадебном фото Дороти была, конечно, без своей всегдашней сумки, но ремешок дамской сумочки точно так же пересекал ее грудь, хотя вряд ли какой-нибудь вор позарился бы на разбухший параллелепипед грубой коричневой кожи, мало чем отличавшийся от ранца.

— Хочешь, я буду в белом платье? — спросила Дороти. — Я готова, никаких возражений.

Наша регистраторша знает один магазин для новобрачных, мы с ней туда сходим. Вариант без бретелек, конечно, не годится, но можно такое с глубоким вырезом, только чтоб без кружев и не *ослепительно* белое, понимаешь меня? Еще я подумываю о букете белых цветов. Гипсофилы или розы… а у апельсина цветки белые? Я знаю точно, что не оранжевые, хотя это было бы логично. Разумеется, никакой фаты, длинного шлейфа и всякого такого. Что-нибудь классическое, элегантное и праздничное. Что скажешь?

— Да ни к чему все это, господи боже мой, — ответил я.

— Ах так…

— Слава богу, мы с тобой не из тех, для кого это важно.

— Ну да, конечно.

На фотографии она в синем вязаном платье, которое ей не очень идет, хотя в жизни, помнится, выглядело вполне симпатично. (Вы замечали, что фото всегда подает человека в этаком невыгодном свете?) Но я никогда не придавал значения подобным вещам. Тогда я просто радовался, что заполучил желанную женщину. И я думаю, она тоже радовалась, что заполучила меня — полную противоположность приставучему «соседу», ко-

торый слишком много от нее требовал.

Тогда почему наш брак оказался таким несчастливым?

Ведь он и впрямь был несчастливым. Теперь я могу это сказать. Или, во всяком случае, нелегким. Негармоничным. Несогласованным. Похоже, мы так и не стали парой, как другие супруги. Сейчас я думаю, что нам, может, стоило бы пройти какие-нибудь курсы.

Однажды (приближалась наша годовщина, пятая, кажется) я пригласил Дороти на ужин.

— Я думаю, в «Старой бухте», — сказал я, — где прошло наше первое свидание.

— Ой, только не «Старая бухта». Там такая темень, что даже меню не прочтешь, ты забыл?

— Ну нет так нет. — По правде, я немного расстроился. Хоть ради сентиментальности могла бы согласиться. — Тогда где?

— Может, «Жан-Кристоф»?

— Избави бог!

— А почему?

— Жутко манерный ресторан. Между блюдами тебе подают какую-то крошечную фигню, а ты должен изображать удивление и признательность.

— Так не изображай. Скрести руки на груди и

сердито зыркай.

— Очень смешно. Почему ты вообще вспомнила о «Жане-Кристофе»? Опять твоя регистраторша подсказала? Когда мы начали встречаться, этого ресторана еще не было.

— Ох, я не знала, что нужно соблюдать историческую достоверность.

— Дороти, не надо так, а?

— А что я делаю? Это ты зазываешь меня в заплесневелую харчевню, где едали твои предки. Но стоит мне возразить, как ты впадаешь в бешенство и отвергаешь все мои варианты.

— Я не отвергаю «все твои варианты», я отверг только «Жана-Кристофа». Так уж вышло, что мне не нравится ресторан, где официанты требуют к себе внимания больше, чем моя дама.

— Хорошо, тогда *где* тебе нравится?

— О черт, мне уже все равно. Пусть будет «Жан-Кристоф».

— Если тебе все равно, зачем вообще что-то затевать?

— Ты нарочно все извращаешь? Я хочу поужинать в хорошем месте, но желательно без ощущения, что я участвую в каком-то спектакле. По-моему, сгодился бы ресторан, с которым связаны определенные воспоминания. Но если

тебя заклинило на «Жане-Кристофе», хорошо, мы идем в «Жан-Кристоф».

— Это всего лишь предложение. Есть куча других вариантов.

— Например?

— Например, «Бо Брукс».

— Что? Отмечать годовщину в крабовом ресторане?

— В начале наших отношений мы пару раз туда ходили. Он, безусловно, отвечает критерию «определенных воспоминаний».

— Да, но… — Я осекся. — Похоже, ты и вправду не понимаешь.

— Чего я не понимаю?

— Ладно, проехали.

— Но я и не пойму, если ты отказываешься об этом говорить. — Тон ее стал докторским — очень спокойным и урезонивающим. — Давай-ка с самого начала, Аарон, и конкретно: каким тебе видится наш праздничный ужин?

— А тебе каким он видится? Ну, поднатужься и выдвини собственную идею.

— Я уже ее выдвинула. Насколько я помню, даже две идеи, но ты обе забраковал. Теперь твой черед.

Зачем я все это рассказываю?

Забыл.

И даже запамятовал, где в конце концов мы поужинали. Куда-то пошли, не помню. Однако запомнилось то уже привычное ощущение, изматывающее и безнадежное, что мы заточены в некоей клетке и рьяно грызем, хоть у обоих нет ни малейшего шанса на победу.

Я мыл овощи к ужину и, потянувшись за полотенцем, увидел Дороти.

— Ты пришла, — сказал я.

Она стояла совсем близко, даже чуть отпрянула, когда я обернулся. Как всегда, на ней были простая белая рубашка и черные брюки. Она казалась печальной и задумчивой — голова склонена набок, брови приподняты.

— Я уж думал, ты больше не придешь.

Похоже, слова мои ее не удивили, она просто кивнула, не сводя с меня взгляда, и я, конечно, обеспокоился.

— Это из-за печенья? — спросил я. — Ты обиделась, что я съел Пеггино печенье?

— Ты ни разу не обмолвился, что любишь печенье, — сказала Дороти.

С чего это мне взбрело, что прежде она не говорила вслух? — подумал я. Голос ее был абсолютно реальный — тихий, глуховатый и очень ровный.

— Что? Но я не люблю печенье!

— Я бы его испекла.

— О чем ты? Не надо мне никакого печенья. Господи, зачем тратить время на разговоры о всякой ерунде?

— Ты сам об этом заговорил.

Опять двадцать пять. Я вдруг почувствовал смертельную усталость.

— Я всегда считала, что во всем виновата твоя мать. Она так над тобой тряслась. Неудивительно, что ты стал шарахаться от людей. А потом я подумала: *она ли виновата*? Никто не ведает, почему один человек влияет на нас сильнее другого. Может, все дело в твоем отце, который не трясся над тобой?

— Я шарахался от людей? Это неправда, Дороти. Ты на себя-то взгляни! Даже в ресторан являешься в докторской куртке и с огромной сумкой. Всегда представляешься «доктор Росалес». Печенье испекла бы? Да ты ни разу чаю не заварила, когда я валялся с простудой!

— А если б заварила, что бы ты сделал? Могу спорить, отшвырнул бы чашку. Я знала, что обо мне думают другие — твои мать и сестра, твои сослуживцы, — и меня это задевало… Я буквально читала мысли твоей секретарши. *Бедный, бедный*

Аарон, жена его такая бессердечная, такая неласковая, такая черствая. Ни капельки его не ценит, не то что мы. Много ты понимаешь! — хотелось мне сказать. Чего ж тогда он не женился на какой-нибудь ласковой и внимательной? Думаешь, мы бы с ним сошлись, будь я такой?

— Мы сошлись вовсе не поэтому, — возразил я.

— Разве?

Дороти отвернулась к окну. Во дворе работала поливалка, и я видел, как взгляд Дороти туда-сюда ходит вслед за струей.

— Мне предлагали работу в Чикаго, — задумчиво сказала Дороти. — Ты даже не знал об этом. Один мой бывший преподаватель, которого я обожала, предложил работу гораздо лучше здешней — не по деньгам, просто много интереснее и престижнее. Мне ужасно польстило, что он вообще вспомнил обо мне. Но мы с тобой первый раз сходили в кино, и я только о тебе и думала.

Я уставился на нее. Казалось, у меня в голове переставляют тяжелую мебель.

— Мы уже были женаты, но когда я слышала, как в процедурной какой-нибудь пациент расстегивает бандаж на липучке, я всегда вспоминала тебя.

Я хотел подойти ближе, однако боялся ее спуг-

нуть. Тем более что она, похоже, не поощряла нашего сближения и неотрывно смотрела на поливалку.

— Может, я нарочно оставил ту занозу, — сказал я и, сомневаясь, что она поняла, добавил: — Не для того, конечно, чтобы ты казнилась из-за поездки в Лос-Анджелес. Наверное, подсознательно… я хотел, чтоб ты знала: я в тебе нуждаюсь.

Теперь Дороти взглянула на меня.

— Надо было пойти в этот «Бо Брукс», — продолжил я. — Подумаешь, крабовый ресторан, ну и что? Мы бы нарядились — ты в длинном белом подвенечном платье, я в смокинге — и сели бы на террасе, где вся остальная публика в майках и джинсах. Все бы на нас глазели, а мы, пока шли к своему столику, с грациозным королевским величием махали бы им рукой, и народ вокруг хохотал бы и аплодировал. Твой длинный шлейф цеплялся бы за занозистые половицы, и я бы его подхватил и донес за тобой к твоему стулу. «Две дюжины ваших громадин и кувшин холодного пива», — усевшись, приказал бы я официантке, и она бы расстелила простыни коричневой бумаги, на которые потом вывалит оранжевую гору обжигающе горячих крабов.

Дороти молчала, но лицо ее смягчилось. Она

как будто даже чуть улыбалась.

— Официантка предложила бы нам нагрудники, но мы бы отказались — мол, это для туристов. А потом ухватили бы молоточки и загрохотали ими, точно детсадовцы в игровой час. Ошметки панцирей летели бы на твое платье и мой смокинг, но мы бы только смеялись — подумаешь! — и колотили молотками еще сильнее.

Дороти уже улыбалась по-настоящему, лицо ее как будто сияло. Да и вся она светилась, мерцала и набирала прозрачность. Знаете, как бывает: скосишь глаза вбок и вроде бы видишь свой нос, а через секунду только его контур. Потом она пропала вовсе.

9

С тех пор я больше никогда ее не видел. Еще какое-то время я ждал ее появлений, хотя подспудно чувствовал, что она ушла навсегда.

Теперь на задний двор я выхожу без всякой надежды ее увидеть. Усаживаю Мейв в сиденье детских качелей, тихонько ее раскачиваю и думаю лишь о том, каким славным выдалось нынешнее субботнее утро. День только начался, а солнышко уже припекает.

— Еще, папа! Еще! — просит Мейв.

«Еще» — ее любимое словечко, которое характеризует ее весьма точно. Еще обниманий, еще песенок, еще щекотки, еще жизни вообще. Она из тех детей, кто невероятно счастлив обитать на нашей планете, — светловолосая кудрявая крепышка, обожающая комбинезоны и кроссовки, в которых так хорошо лазать, бегать, скатываться с горки и бедокурить.

Я наловчился ухватывать сиденье ровно за середину спинки и потому даже одной рукой отправляю его в полет идеально прямо. Когда оно возвращается, я посылаю его еще выше,

приложившись ладонью к толстенькой попке, выглядывающей меж планок. (Под комбинезоном Мейв все еще носит памперсы. Но мы над этим работаем.) Перегнувшись через фронтальную перекладину, дочка упоенно болтает ногами, чем нарушает траекторию полета, но всякий раз я терпеливо придаю ему линейность вновь. У нас есть пара часов до возвращения мамы из похода по магазинам.

— Поехали! — говорю я, и Мейв отвечает:

— Валяй!

Уж не знаю, где она подцепила это словцо. У меня оно ассоциируется с комиксами, а дочь произносит его так четко, что я прямо вижу его в этаком облачке над ее головой.

Было время, когда новый брак казался чем-то немыслимым. Это просто не укладывалось в голове. Раз-другой сестра заговаривала о возможности подобного в отдаленном будущем, и тогда живот мой наливался свинцовой тяжестью, словно меня вновь потчевали после недавнего плотного обеда. С умудренным видом Нандина покачивала головой:

— Понемногу это пройдет.

Я испепелял ее взглядом. Она не понимала, совсем.

В Рождество мы, как всегда, отправились на праздничный обед к тете Сельме, только теперь с нами был Гил в статусе жениха. Втроем мы ехали в моей машине, и Нандина этак ненароком обронила, что на обеде будут Роджер, Анна Мари и ее подружка Луиза. Меня просто корежит, когда под словом «подружка» подразумевают приятельницу взрослой женщины. Речь шла о той самой сочельниковой вдове, которая, по всей видимости, кончину мужа пережила бы легко, не случись она в канун праздника.

Конечно, я раскусил хитроумный план моих родственников.

— По-моему, предполагалось *семейное* торжество, — сказал я.

— Таким оно и будет, — беспечно ответила Нандина.

— Однако неведомую подругу третьей жены двоюродного брата вряд ли причислишь к членам семьи.

— Ну что ты, ей-богу! Нынче Рождество! Самое время, чтобы приютить неприкаянных.

— Она бездомная, что ли?

— Да. Я не знаю. Может, близкие ее живут на другом конце страны. И потом, для нее это праздник окрашен печалью, если ты вдруг забыл.

Заметьте, сестрица тщательно избегала предательских выражений типа «так много общего» и «свести вас». Но я же не дурак. Я все понял.

Когда мы приехали к тете Сельме, Луиза уже одиноко восседала на кушетке. Роджер и Анна Мари расположились в креслах, Гил и Нандина заняли двухместный диванчик. Меня, разумеется, подсадили к Луизе.

В общем-то, я такой ее себе и представлял: молодая женщина, худенькая, миловидная. Когда Луиза встряхивала головой, прядь ее коротких каштановых волос продуманно свешивалась. За время нашей светской беседы встряхивала она ею часто, не сводя с меня лучистого взора. Выяснилось, что даже самую заурядную фразу собеседница моя предваряет присловьем «только не падайте», которое для меня сродни смеху над собственной шуткой. Например, я спросил, чем она занимается, и Луиза ответила:

— Только не падайте, я редактор. Как вы! Правда, внештатный.

Худоба ее казалась искусственной, результатом диеты. Природа, конечно, задумала ее гораздо полнее. Платье в тугую обтяжку было выбрано с явным умыслом подчеркнуть выступающие ключицы и чуть выпуклые кочки бедер. Меня

это почему-то раздражало. Наверное, мы оба уже достигли той стадии, когда понимаешь: все безнадежно, уж слишком мы разные. Луиза перестала встряхивать головой, взгляд ее заскользил по комнате. Мне захотелось найти повод, чтобы свалить домой.

За обедом мы сидели рядом. (Во избежание ошибки нынче места за столом были помечены именными карточками.) Но Луиза, потеряв ко мне интерес, многословно общалась с Гилом, сидевшим напротив. За супом она сообщила ему, что у нее «очень уникальные» отношения с часами:

— Как ни взгляну, почти всякий раз они показывают… знаете сколько? Девять двенадцать.

— Э-э… — Гил наморщил лоб.

— А девять двенадцать… только не падайте!.. Гил растерянно прятал взгляд.

— Это мой день рождения!

— Хм…

— Сентябрь, двенадцатое! Чудно́, правда? И это бывает так часто, что научно не объяснишь. Давным-давно, когда я впервые приехала в Лондон, я, конечно, захотела взглянуть на Биг-Бен. Угадайте, сколько было на часах?

Гил, похоже, запаниковал.

— Двенадцать ноль девять? — предположил я.

— Что? Нет, мой день рождения…

— Видите ли, в Англии говорят не «сентябрь, двенадцатое», а «двенадцатое сентября».

— Нет… вообще-то…

— Лучше расскажи Луизе о «Дилетантской смене часовых поясов», — вмешалась Нандина.

— Я не помню.

— Аарон!

Сестра решила, что я упрямлюсь, но я вправду не помнил. И думал лишь о том, сколько еще мне мучиться. Обед состоял из уймы блюд. Суп (нечто мучнисто-жирное), запеченный окорок, украшенный кружками ананаса, тускло-коричневая брокколи, пюре из сладкого картофеля с зефиринками, фруктовый кекс, а потом (о господи!) еще один десерт, принесенный Луизой, — печенье в форме звездочек, колокольчиков и веночков. «Видала?» — взглядом спросил я Нандину, которая терпеть не могла непрошеных вкладов в званый обед. Но сестра на меня злилась и потому не ответила на мой посыл. Мертвенно-бледное тонюсенькое печенье было присыпано сахарной пудрой, красной и зеленой. Из вежливости я попробовал одну штучку, не имевшую никакого вкуса. Просто квелая сладость. Я положил пече-

нье на тарелку и мысленно взмолился о кофе. Я вовсе не собирался пить его в неурочный час, но это был бы знак завершения нескончаемой трапезы. Близился вечер, в углах столовой копошились тусклые серые сумерки.

На обратной дороге Нандина устроила мне головомойку.

— Неужели так трудно быть элементарно вежливым… — выговаривала она, чуть не клюя меня в затылок. — Ты же просто воротил нос от бедняжки!

— Ну да, а она воротила нос от меня. Согласись, мы с ней абсолютно разные. Что же это за редактор, который говорит «очень уникальный»!

— Она всего лишь внештатный сотрудник. — Нандина чуть сбавила тон.

— Да бог-то с ней, — сказал Гил. — Аарон, туман тебе не мешает?

Наши стычки с сестрой его всегда огорчали. Я высадил пару возле ее дома и, распрощавшись, поехал к себе. Там переоделся в домашнее, налил себе выпить и уселся с книгой, но мне не читалось. Не знаю почему, однако состояние было смурное. Весь вечер я рвался домой, так чего ж мне неймется?

Выходит, в мрачных тайниках своей души я

все-таки надеялся, что мы с Луизой друг другу понравимся.

Между Рождеством и Новым годом мы не работали, и Нандина на всех парах готовилась к свадьбе. Надо сказать, она выказала лихость, управившись за неделю. В последний день года церемония состоялась в нашей старенькой церкви, прихожанкой которой сестра была и поныне. Из гостей были только тетя Сельма и ее близкие, три сестры Гила со своими семьями и персонал «Издательства Вулкотта». После венчания мы устроили скромное торжество в моем доме, но никаких хлопот мне это не доставило. Пегги и подружка невесты отвечали за еду, Айрин украсила дом, Роджер озаботился напитками. А я прохлаждался.

Потом молодые на неделю уехали на Восточное побережье, что среди зимы казалось странным решением, но вольному воля. Как всегда, в эту пору работы было не много, так что мы вполне могли обойтись без руководства Нандины. Я редактировал очередной заказ под названием «Почему я решила жить дальше» — творение школьной учительницы английского языка. В принципе, это был перечень «вдохновляющих» моментов типа «вечернего неба, за вывеской

сахарной фабрики обретавшего оранжевый отсвет». Время от времени я выходил в приемную и вслух зачитывал какой-нибудь перл вроде «новорожденный младенец ухватил меня за указательный палец». Реакция коллег была вполне предсказуемой: Чарлз хрюкал, Айрин рассеянно фыркала, а Пегги говорила: «Что ж, это веская причина жить дальше».

Целыми днями Айрин листала толстые журналы, в которых, похоже, была только реклама косметики. Чарлз висел на телефоне и, судя по всему, дистанционно улаживал яростные склоки дочек, у которых еще продолжались школьные каникулы. Пегги пыталась освоить слепой метод хотя бы для цифр и символов, поскольку буквы ей не давались.

В последний день нашей, так сказать, свободы мы все скопом отправились в «Обжираловку», оставив контору без присмотра (что вообще-то не полагалось), и за обедом заказали вина (чего почти никогда не делали). В этом кафе не привыкли, что посетители берут спиртное, и потому в списке вин значились только шардоне (5 долларов), мерло (5 долларов) и розе (4 доллара). Когда я спросил официантку, какое у них мерло, она ответила:

— Красное, какое еще?

Тем не менее я заказал бокал мерло, женщины взяли шардоне, а Чарлз — пиво. После двух глотков Пегги захмелела и сообщила, что все мы ей как родные. Катись оно все к черту, заявила Айрин, после обеда слиняю на распродажу шуб. Чарлз ответил на звонок мобильника, чем нарушил вывешенные на стене правила, долго слушал, а потом вышел на улицу, бормоча: «Тише, тише, я ничего не понимаю, когда ты орешь». Я же за всех расплатился, а значит, тоже был навеселе.

По дороге в контору я поведал Пегги и Айрин (Чарлз с телефоном так и застрял возле кафе) о беспочвенных нападках сестры после рождественского обеда. Размякнув от вина, я, видимо, надеялся, что коллеги возмутятся ее поведением.

— Полная засада, — пожаловался я. — Сестрица на пару с Анной Мари сватают мне женщину, с которой и поговорить-то не о чем, абсолютно…

— Перестань, Нандина просто пытается помочь, — сказала Пегги. — Она хочет кого-нибудь тебе подыскать.

Раньше я бы ответил: «Кого-нибудь! С чего вы взяли, что мне *нужен* абы кто?» Но теперь, все еще под влиянием смурного настроения, не до

конца рассосавшегося, я не стал спорить и только сказал:

— Пусть так. Однако потеря супругов не может быть чем-то объединяющим, типа совместного хобби.

В общем, ни Пегги, ни Айрин толком не посочувствовали. Пегги лишь поцокала языком, Айрин тотчас распрощалась и отправилась за покупками:

— Ладно, пока.

— Эта женщина, которую мне сватали, такая худая, что об нее можно порезаться, — бормотал я, открывая дверь перед Пегги. — И жует она только передними зубами. А печенье ее как будто из картона.

— Ты злой, — строго сказала Пегги. Поставила сумочку на стол и скинула пальто.

— Пегги, — помявшись, окликнул я.

— М-м-м?

— Помнишь, ты приносила овсяное печенье?

— Да.

— Такое крупными дольками, с шоколадной крошкой…

— И что?

— Там внутри были какие-то крапины, шершавые. Это не шоколад, не орешки, но что-то колкое.

Типа камешков.

— Соевая мука. — Пегги повесила пальто на вешалку.

— Соевая мука… — повторил я.

— Чтоб белка побольше. — Она помолчала. — Это ж надо — заподозрил камешки в угощенье.

— Ничего я не заподозрил. Я сказал — *типа* камешков.

— Ты все прошляпишь, Аарон. — Пегги уселась за свой стол.

— Что я сделаю?

— Другой бы радовался, что женщина хочет с ним сблизиться. А ты все просчитываешь ее мотивы.

— О ком ты говоришь?

— Ты ничего не видишь. Ничего не замечаешь. И позволяешь ей пропасть втуне.

– *Кому* это я позволяю пропасть втуне? Ты о Луизе, что ли?

Пегги всплеснула руками.

— Нет, погоди-ка… — сказал я.

Но она отвернулась к компьютеру и яростно застучала по клавишам. Я потоптался, затем прошел в свой кабинет. Повесил куртку, сел за стол. Но работать не стал. Дверь я оставил приоткрытой и сквозь щель видел Пегги: спутанные

волосы золотятся под светом потолочных ламп, белые кружева аккуратными водопадами сбегают по рукавам.

Мы были знакомы с первого класса. Я помнил ее особый чуланчик для чучел, ее оборчатые панталоны, выглядывавшие из-под юбки. (Одноклассники-грубияны дразнили ее «крошкой Бо-Пип».) И я, конечно, помнил, что она, неудержимая балаболка, всегда любила поговорить.

По выходным, как-то поведала Пегги, она непременно заходит в магазин хозтоваров, где седовласые приказчики всегда посоветуют, как поправить провисшую дверь и укротить загнувшийся край обоев. Кроме практической пользы беседы эти одаривали ее душевным покоем, возвращая во времена, когда был жив ее отец.

После утомительного рабочего дня она, пренебрегая вечерними новостями, баловала себя фильмами с Фредом Астером.

Свои наряды она не считала такими уж странными. (Так она ответила на весьма бестактный вопрос Айрин.) Это был ее способ хоть чем-нибудь порадовать окружающих.

Я знал, что она очень любит готовить. Для нее стряпня была сродни танцу, в котором нужны строгая последовательность выверенных дви-

жений и чувство целого. Мне это было понятно. Я представил, как она порхает по кухне и, мурлыча мелодию, без единой промашки творит идеальное блюдо. На столе керамическая ваза со свежими цветами. Конусом свернутые салфетки.

Я представил себя за этим столом: вилка слева, нож и ложка справа, а не кучей, как я привык. Я чуть отодвигаю вилку, освобождая больше места для тарелки, которую аккуратно ставят передо мной. От еды исходит нежное тепло.

Пегги снимает фартук и садится напротив меня.

Я вышел из кабинета и встал за ее спиной. Откашлялся.

— Пегги, — позвал я.

— Что.

— Не хочешь ли… не согласишься ли ты куда-нибудь со мной сходить?

Пальцы ее замерли на клавиатуре. Пегги обернулась и посмотрела на меня.

— В смысле, как на свидании, — на всякий случай уточнил я.

— А почему ты не пригласишь Айрин? — помолчав, спросила Пегги.

— Ну вот еще!

— По-моему, она тебе очень нравилась.

— Да, раньше. Ну и сейчас… Но куда-нибудь пойти я хотел бы с тобой.

Пегги меня разглядывала. Я подтянулся и приосанился.

— Не могла бы ты дать мне шанс?

После томительной паузы она ответила:

— Да. Могла бы. Я охотно дам тебе шанс. И она дала.

Я отвожу Мейв в дом. Пока она пьет яблочный сок, я присаживаюсь к столу и просматриваю утреннюю газету. И тут возле черного хода Мейв замечает мою трость. Звякает резко отставленный поильник, дочка вперевалку спешит к двери и приносит мне трость, как песик — свой поводок.

— Гулять? — говорит она. — Идем?

— Сначала допей сок.

Гремит брошенная на пол трость, и Мейв, не обратив внимания на грохот, в два глотка опорожняет поильник, не сводя с меня глаз — карих, как у меня, только несоразмерно огромных и окаймленных стрельчатыми ресницами, как у Пегги. Меня всегда поражало, что гены двух совершенно разных людей так гармонично соединяются в их отпрыске. Потом шмякает поильник на стол и деловито хлопает в ладоши:

— Гулять, папа.

— Ладно, дочурище.

Согнувшись в три погибели, соседка Мэри Клайд Раст пропалывает клумбу с петуньями.

— Доброе утро, мисс Мейв! — кричит она и садится на корточки, явно желая поболтать, но дочка только машет рукой и целеустремленно шагает дальше. Я пожимаю плечами, Мэри Клайд смеется и возвращается к своим петуньям.

Перед домом Ашеров стоит маленький трейлер, похожий на консервную банку. Из Огайо приехали гости — сестра и зять Рут Ашер. Вчерашняя экскурсия по трейлеру произвела неизгладимое впечатление на дочку, и я опасаюсь, что сегодня она захочет ее повторить, но ей не терпится попасть в парк. Там главное развлечение — ручей, в котором так здорово бродить и копаться. По-моему, еще не было случая, чтобы из парка мы вернулись не промокшие насквозь.

Навстречу нам идет незнакомая пара — темноволосая девушка и парень в бейсболке. Мейв готова пройти мимо, но парень вдруг говорит ей: «Приветик!», и дочка останавливается, смотрит на него, хлопает ресницами и улыбается. Для меня неразрешимая загадка, по какому принципу она выбирает, с кем ей общаться. Через две

минуты мы встречаем бегуна трусцой, который тоже с ней здоровается, но Мейв не удостаивает его даже взглядом.

Неподалеку от Колд-Спринг-лейн я слышу, что сзади нас притормаживает машина. Оборачиваюсь и вижу «хонду» Нандины.

— Робиренна! — вопит Мейв. Так она величает двойняшек, когда взбудоражена. (Мальчика назвали Робби в честь отца Гила, девочку — Бренной, в честь нашей матери.) Малыши на заднем сиденье взирают степенно, Нандина перегибается к пассажирскому окошку и кричит:

— Увидимся в парке?

— Хорошо, — отвечаю я.

Будь на ее месте Гил, он бы нас подвез, но сестра в жизни не нарушит правило детского сиденья. Она уезжает, а Мейв плюхается на тротуарный бортик и горько рыдает.

— Через минуту мы их увидим, — говорю я.

— Хочу сейчас!

Я беру ее за руку и поднимаю на ноги. Кулачок ее точно тугой атласный узел, она пытается вырвать руку, но я держу крепко.

Частенько я вспоминаю историю о том, как покойный отец Гила проверял его работу. «Наверное, я был его незаконченным делом», — сказал

Гил, но я вот думаю: а может, все наоборот? Отец был неоконченным делом *Гила* и тот всей душой желал наладить их отношения?

Гилу я, конечно, ничего не сказал. А то еще пожалеет, что вообще поведал об этом.

Робби и Бренна на несколько месяцев старше Мейв, и это заметно. Они суровее и сдержаннее, детский сад уже привил им манеру поведения в обществе. В парке они сосредоточенно наблюдают за тренировкой: отец обучает сына бейсбольной подаче, мать и сестренка подбадривают игроков.

— Привет, Робби! Привет, Бренна! — кричит Мейв, но те лишь чуть заметно вскидывают указательные пальцы, не отрывая глаз от бейсболистов. Меня окатывает сочувствием к дочери, однако невнимание родственников она воспринимает стоически. И сквозь сорняки устремляется к ручью. — Папа, бабочка!

— Вижу, милая.

Нандина говорит о разногласиях с Чарлзом. Дело касается книжки «Почему я решила жить дальше», которая вышла пару лет назад и неожиданно принесла доход и автору, и нам. Теперь Чарлз предлагает к Рождеству выпустить продолжение — что-нибудь вроде «Почему я решила

путешествовать больше» или «Почему я решила завести детей». Поскольку прежний автор с писательством, похоже, завязала, Чарлз считает, что можно найти кого-нибудь другого, а то и справиться своими силами.

— Я что-то пропустила? — спрашивает Нандина. — По-моему, одной такой книги вполне достаточно. Или я безнадежно отстала?

— Нет, уверяю тебя… — начинаю я и вскрикиваю, потому что Мейв плюхнулась в воду. — А ну-ка, вылезай!

Я кидаюсь к дочери, Нандина, готовая помочь, торопится следом.

— Черепашка, папа! (У нее выходит «чепашка».)

— Вылезай сейчас же!

Двойняшки невозмутимо наблюдают, как я благополучно вытягиваю дочь на сушу, затем, не проронив ни слова, вновь переводят взгляд на спортсменов.

Думаете, мне не приходило в голову, что я просто выдумал явления Дороти? Что все это было навеяно тоской, что от горя у меня случилось временное помрачение?

Тогда скажите, как она могла говорить о том, чего я не знал?

Что ради меня отказалась от хорошей работы.
Что ради меня скрывала свои чувства.
Короче, что любила меня.
И *это* я выдумал?

Мы возвращаемся домой, Мейв еле-еле плетется и хнычет. Мол, ножкам тяжело.

— Ты устала, — объясняю я, но она обижается:

— А вот и нет!

Видимо, слово «устала» она связывает с дневным сном, который считает пыткой, даже если валится с ног.

— Тогда, значит, проголодалась, — говорю я. Такой вариант ей кажется приемлемым. Вообще-то уже за полдень, и я беспокоюсь, что Пегги заждалась нас к обеду. Но вот мы сворачиваем за угол и видим, что она еще только достает последний пакет с продуктами из багажника машины.

— Мама! — кричит Мейв и припускает вперед.

— Как прошло утро, лапушка? — спрашивает Пегги. На секунду Мейв обхватывает ее колени и спешит в дом. Захлопнув крышку багажника, Пегги поджидает меня. — Господи, ты *хлюпаешь*!

Ботинки мои и обшлага брюк промокли насквозь. Я чмокаю Пегги в щеку и следую за дочерью. Мейв вымокла по пояс, и потемневшие штанины ее комбинезона смахивают на сапоги.

Приятель мой Люк как-то сказал, что он обдумал мой вопрос о явлении покойников. Спрашивал я его примерно в то же время, что и Нейта, но ответ получил гораздо позже. Вероятно, Люк так долго размышлял.

— Я пришел к выводу, что они не являются, — сказал он. — Но если ты хорошо знал человека и прислушивался к нему, пока он был жив, ты можешь представить, что он тебе сказал бы. По уму, надо быть внимательным к живым. Но это мое личное мнение.

Не знаю, прав ли он. Однако теперь стараюсь быть очень внимательным. Я подмечаю, как колышется юбка Пегги, я вижу, что Мейв неведомо как научилась взбираться на крыльцо по-взрослому — одной ногой на каждую ступеньку. И все это запоминаю накрепко.

— Чему ты улыбаешься? — в прихожей спрашивает Пегги.

— Просто так.

Не буду врать, что никогда не вспоминаю Дороти. Я вспоминаю их обеих — ту, на которой женился, и ту, которая являлась. Я вижу, как первая в накрахмаленной белой куртке стоит возле этажерки в своем кабинете и спрашивает, что у меня с рукой, как озадаченно разглядывает щет-

ку пылесоса, как яростно запихивает сельдерей в индейку, которую единственный раз в жизни попыталась приготовить на День благодарения. А потом я вспоминаю, как люди реагировали на Дороти, которая вернулась: одни пугались, другие смущались, словно увидели что-то неприличное, третьи вообще не выказывали никакого удивления. Сейчас я уже не уверен, что эти последние забыли о ее смерти. Может, они все прекрасно помнили. И просто думали: *ну да, все возвращается на круги своя, и вот вам конкретный пример*.